Фр. Старина

№ 3

1903 г.

СКАЯ
АРИНА

Центральная Библиотека
Высшей Школы
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

Центральная Рабочая
...-Читальня
...кого совета
...Сельская,
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Годъ XXXIV-й. МАРТЪ. 1903 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Царство Польское послѣ вѣнскаго конгресса.** Варшавскій сеймъ 1818 года. П. М. Майкова..... 419–436
II. **Попытка къ борьбѣ съ Наполеономъ при помощи періодической печати.** Сообщилъ Н. Д. ..... 437—443
III. **Изъ прошлаго.** Затишье. П. Д. Паренсова.. 445—457
IV. **Записки Э. И. Стогова..** 459—476
V. **Изъ неизданныхъ стихотвореній и писемъ Н. М. Языкова.** Сообщилъ И. А. Бычковъ. ..... 477—496
VI. **Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина** ..... 499—514
VII. **Къ біографіи Василія Львовича Пушкина** ..... 515—517
VIII. **Споръ губернатора съ городомъ.** П. Л. Юдина. 519—528
IX. **Изъ писемъ Н. М. Языкова къ брату его Александру Михайловичу.** Сообщ. В. И. Шенрокъ. 529—537
X. **Изъ жизни одного декабриста.** С. Н. Брайловскаго..... 541–565
XI. **Рѣчь В. А. Панаева на юбилейномъ обѣдѣ въ честь Д. В. Григоровича.** 567—570
XII. **Цензура въ царствованіе императора Николая I-го.** 571–591
XIII. **Россія и папскій престолъ. 1580—1601 гг.** Извлеченіе изъ сочиненія П. Пирлинга. В. В. Тимощукъ..... 593–614
XIV. **Записная книжка „Русской Старины“:** Письмо М. М. Сперанскаго — С. С. Уварову, по поводу избранія его почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. 17-го сентября 1819 г. Сообщ. П. М. Майковъ (стр. 444). – Постановленіе для перенесенія тѣла императора Павла Петровича изъ почивальни въ тронную. 1801 г. (458). — Письмо В. А. Жуковскаго императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. 11-го мая 1826 г. Сообщилъ Н. Д. (497—498). — О дозволеніи Н. М. Карамзину пользоваться рукописями, хранящимися въ монастырскихъ архивахъ. 18-го декабря 1803 г. (518). — Взысканія за медленное исполненіе высочайшаго повелѣнія. 10-го августа 1827 г. (538).—Объявленіе кн. П. Шаликова объ изданіи имъ «Московскаго Зрителя» (566).—Поощреніе кораблестроенія частными лицами. 21-го октября 1828 года. Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій (592).
XV. **Библіографич. листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Воспоминанія А. Е. Лабзиной. Сообщ. Б. Модзалевскій.
2) Портретъ **Александра Ѳедоровича Лабзина.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 5.
1903.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1903 года.

Библіографическій листокъ.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива Комитета Министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія Канцеляріи Комитета Министровъ Н. А. Кислинскимъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Томъ 3-й. С.-Петербургъ. 1902 г.

Третій томъ разсматриваемаго нами капитальнаго труда Н. А. Кислинскаго посвященъ обозрѣнію хода нашей желѣзнодорожной политики за время царствованія императора Александра III.

Политика предшествующаго царствованія не была отраженіемъ какого-либо разъ навсегда установившагося взгляда на желѣзнодорожное дѣло и на его значеніе въ общей системѣ государственнаго управленія; въ началѣ царствованія императора Александра II, правительство, стремясь вообще къ развитію самодѣятельности въ различныхъ классахъ населенія, всѣми мѣрами поощряло частную иниціативу въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Вскорѣ, однако, въ виду обнаружившихся случаевъ злоупотребленія довѣріемъ правительства со стороны частныхъ предпринимателей, государство само выступаетъ въ роли строителя рельсовыхъ сообщеній, причемъ, наряду съ этимъ, продолжаютъ, тѣмъ не менѣе, возникать и частныя желѣзнодорожныя общества. Такая смѣшанная система вскорѣ уступаетъ мѣсто другой, на этотъ разъ покоющейся на непреложномъ убѣжденіи не только въ допустимости, но и въ безспорной предпочтительности частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства. Въ исходѣ семидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ все болѣе выяснявшихся финансовыхъ тягостей, налагаемыхъ на государство его политикой полнаго невмѣшательства въ дѣла желѣзнодорожныхъ обществъ, въ правительственныхъ кругахъ постепенно стало назрѣвать убѣжденіе въ несостоятельности поощрявшейся до той поры концессіонной системы.

Съ 1881 г. наступаетъ новая эра въ исторіи нашего желѣзнодорожнаго дѣла. Коренной принципъ желѣзнодорожной политики въ Бозѣ почившаго Царя-Миротворца оставался неизмѣннымъ со дня вступленія его на престолъ вплоть до самой кончины. «Верховное руководительство въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ должно принадлежать исключительно правительству»—такова формула, въ которой можно суммировать воззрѣнія покойнаго Государя на сущность желѣзнодорожнаго вопроса и которая была положена въ основу всѣхъ мѣропріятій правительства по этой части за періодъ времени съ 1881 по 1894 г. включительно. Императоръ Александръ III, поставивъ себѣ задачею создать обширную сѣть казенныхъ желѣзныхъ дорогъ—посредствомъ сооруженія новыхъ рельсовыхъ путей непосредственнымъ распоряженіемъ правительства и путемъ выкупа въ казну нѣкоторыхъ частныхъ желѣзнодорожныхъ линій, — вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не измѣнялъ своему руководящему взгляду, не отказывая въ поощреніи и частной предпріимчивости, такъ какъ поддержка этой послѣдней разрѣшалась имъ лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы желѣзнодорожныя компаніи являлись въ рукахъ правительства такими же орудіями для удовлетворенія общегосударственныхъ интересовъ, какими были правительственные органы, завѣдывавшіе казенными рельсовыми сообщеніями.

Въ первой главѣ своего труда г. Кислинскій подробно разбираетъ главнѣйшія законодательныя и административныя мѣры по желѣзнодорожной части, введенныя въ дѣйствіе за время царствованія императора Александра III. Одною изъ наиболѣе видныхъ реформъ была реформа тарифнаго дѣла; она была проведена въ законодательномъ порядкѣ, но подготовительныя мѣры къ ней не разъ обсуждались въ Комитетѣ Министровъ, которому и послѣ ея осуществленія нерѣдко приходилось разсматривать отдѣльные случаи примѣненія на практикѣ новаго закона. Степень напряженности торговой дѣятельности каждой страны находится въ зависимости отъ того или другаго состоянія цѣнъ на мѣстные и привозные товары; стоимость же товаровъ слагается изъ цѣны ихъ на мѣстахъ производства и стоимости ихъ перевозки къ мѣсту назначенія. Эта послѣдняя въ сухопутномъ передвиженіи грузовъ устанавливается желѣзными дорогами, регулирующими въ тѣхъ районахъ, гдѣ нѣтъ водныхъ путей, все движеніе товаровъ между отдаленными одинъ отъ другаго пунктами. Отсюда понятно,—говоритъ авторъ,—какое вліяніе на ходъ торговли, на развитіе или застой разныхъ отраслей промышленности, на процвѣтаніе или упадокъ отдѣльныхъ городовъ, портовъ, даже цѣлыхъ районовъ, должны имѣть тарифы, опредѣляющіе цѣну провоза и тѣмъ обусловливающіе самую стоимость товаровъ въ мѣстахъ сбыта. Сознавая всю важность правильной системы тарификаціи грузовъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, русское правительство, въ періодъ усиленной постройки у насъ рельсовыхъ сообщеній распоряженіемъ частныхъ обществъ, не оставило этого вопроса безъ должнаго вниманія; при этомъ оно поставило себѣ главною цѣлью—по возможности парализовать неблагопріятные результаты той естественной монополіи въ перевозкѣ грузовъ, которая по самому существу дѣла создается для каждаго рельсоваго пути со времени открытія по немъ движенія.

Высочайше утвержденнымъ 8-го марта 1889 г. временнымъ Положеніемъ о желѣзнодорожныхъ тарифахъ и объ учрежденіяхъ по тарифнымъ дѣламъ (дѣйствующимъ до настоящаго времени), въ составѣ министерства финансовъ были образованы: 1) Совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ, соотвѣтствующій Совѣту по желѣзнодорожнымъ дѣламъ при министерствѣ путей сообщенія;

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
МОСКОВСКАГО СОВЕТА
Профессіональныхъ Союзовъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

дозв. ценз. СПБ.. 24 февраля. 1903 г. тип. тов. „общ. польза“, в. подъяч, 39.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ

ЛАБЗИНЪ.

Царство Польское послѣ вѣнскаго конгресса.

Сеймъ въ Варшавѣ 1818 года.

Предварительныя распоряженія императора Александра I по созванію сейма. — Великій князь Константинъ Павловичъ, какъ депутатъ отъ предмѣстья Новой Праги. Порядокъ открытія сейма.—Рѣчь императора.—Отвѣтная рѣчь г. Потоцкаго и Красинскаго. — Рѣчь гр. Мостовскаго. — Закрытіе сейма.—Рѣчь Александра I.—Замѣчанія, представленныя сеймомъ.—Взгляды императора объ этихъ замѣчаніяхъ.

Установленный конституціею 15-го ноября 1815 г. сеймъ не могъ быть созванъ въ скоромъ времени. Для этого требовалось не мало предварительныхъ распоряженій, но императоръ Александръ, желавшій по возможности скорѣе созвать сеймъ, выразилъ свою волю, чтобы таковой былъ созванъ непремѣнно въ Варшавѣ въ началѣ 1818 года. Пришлось дѣлать отступленія отъ установленныхъ конституціею правилъ, и намѣстникъ царства былъ уполномоченъ немедленно, по составленіи списковъ избирателей, созвать сеймики по округамъ для выборовъ нунціевъ и депутатовъ. 30-го октября 1817 г. сеймики были созваны и продолжались не болѣе 3-хъ дней, а затѣмъ права лицъ, избранныхъ къ присутствованію на сеймѣ, повѣрялись въ сенатѣ, при чемъ оказалось, что многія лица избраны были неправильно, не надлежащимъ большинствомъ голосовъ, нерѣдко безъ надлежащей баллотировки и т. д. О всѣхъ этихъ отступленіяхъ отъ правилъ было доложено императору, но Александръ 16-го (28-го) декабря 1817 г., изъ Москвы, писалъ Заіончеку, что хотя онъ и не намѣренъ отступать отъ установленныхъ для выборовъ пра-

вилъ, но тѣмъ не менѣе полагаетъ возможнымъ насей разъ не обращать вниманія на допущенныя неправильности.

Необходимо замѣтить, что въ числѣ избранныхъ въ депутаты отъ предмѣстья города Варшавы «Новая Прага» былъ и вел. кн. Константинъ Павловичъ, при чемъ обыватели просили государя не отказать имъ въ утвержденіи избраннаго ими депутата.

«Императоръ,—писалъ графъ Соболевскій [1]),—всемилостивѣйше соизволяетъ совмѣстному желанію его высочества и обывателей Новой Праги, если только этотъ выборъ не противорѣчитъ началамъ хартіи. Его величество дозволяетъ августѣйшему брату своему быть депутатомъ предмѣстья Новой Праги. Довѣріе столь трогательное, оказанное его высочеству, готовность, имъ выраженная, принять на себя такую обязанность, дружественность отношеній, установляемая этимъ счастливымъ обстоятельствомъ между народомъ и ея властителями, радостныя надежды, вселяемыя подобнымъ выборомъ, и печальныя воспоминанія, имъ сглаживаемыя,—все это обязываетъ поляковъ къ новому чувству признательности къ вашему высочеству, и я счастливъ, что первымъ могу выразить вамъ отъ имени отечества чувства искренняго и почтительнаго уваженія».

«Я получилъ,—отвѣчалъ великій князь Константинъ Павловичъ Соболевскому отъ 29-го декабря 1817 (10-го января 1818 г.), — съ признательностью ваше увѣдомленіе о лестномъ для меня согласіи, изъявленномъ его императорскимъ и королевскимъ величествомъ на мою готовность осуществить желаніе обывателей Новой Праги, исполненіемъ обязанностей депутата отъ ихъ предмѣстья на собраніяхъ предстоящаго сейма. Чувствительно тронутъ выраженіемъ этого довѣрія, мнѣ тѣмъ болѣе драгоцѣннаго, что оно одобрено его величествомъ; вижу въ этомъ самую лестную для меня награду за мою преданность и искреннее рвеніе къ соблюденію интересовъ августѣйшаго повелителя. Я просилъ также намѣстника края сообщить мнѣ, по исполненіи всѣхъ установленныхъ его величествомъ обрядностей, о томъ, когда могу вступить къ исполненію новыхъ обязанностей, на меня возлагаемыхъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ возобновляю вамъ, графъ, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности».

Императоръ Александръ въ предписаніи намѣстнику отъ 25-го декабря 1817 г. (6-го января 1818 г.) поручилъ ему составить очеркъ современнаго состоянія края и изложить его такъ, чтобы онъ произвелъ наилучшее впечатлѣніе, показалъ, насколько улучшилось положеніе страны и не былъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что предполагаетъ высказать императоръ. Поэтому очеркъ этотъ долженъ былъ быть изгото-

[1]) Великому князю Константину Павловичу 16-го (28-го) декабря 1817 г.

вленъ къ пріѣзду императора въ Варшаву, чтобы онъ могъ просмотрѣть и исправить его, если встрѣтится къ тому надобность. 5-го (17-го) февраля 1818 года послѣдовалъ манифестъ о созваніи сейма въ Варшавѣ на время съ 15-го (27-го) марта по 15 (27-го) апрѣля [1]).

«Сенаторы, нунціи и депутаты!—писалъ Александръ.—Продолжительныя бѣдствія угнетали Польшу, большія несчастья опечалили вашу родину. Но ваше единеніе съ братскимъ народомъ,—единеніе, являющееся отнынѣ обезпеченіемъ вашего существованія,—прекратило для васъ теченіе различныхъ превратностей, и хартія вполнѣ народная, учрежденія благотворныя, свобода умѣренная изгладятъ, наконецъ, слѣды продолжительныхъ невзгодъ. Мудрости вашихъ обсужденій хартія передаетъ попечительную объ этомъ заботу и вручаетъ благотворную власть. Пусть одна только любовь общественнаго блага руководитъ вами при пользованіи этою властью. Пусть она одна оживляетъ ваши разсужденія; пусть она отгонитъ отъ васъ раздоры столь пагубные народамъ и государствамъ. Эти слова заключаютъ въ себѣ желаніе вамъ счастья; ваша любовь къ отечеству внушила оное и безъ сомнѣнія осуществитъ его.

«Истолкователи законовъ, конституціонные хранители свободы вашей страны! Важность обязанностей, налагаемыхъ на васъ этимъ званіемъ, вы оправдаете вашимъ уваженіемъ къ учрежденіямъ, ввѣреннымъ вашей охранѣ, и вашимъ рвеніемъ утвердите и упрочите ихъ.

«Представители общественнаго мнѣнія, хранители довѣрія вашего народа! Вы оправдаете его ожиданія, проникнувшись его дѣйствительными нуждами, прислушиваясь исключительно только голосу его истинныхъ потребностей.

«Возобновляю увѣреніе въ нашей къ вамъ королевской благосклонности и молю Бога, да хранитъ Онъ васъ своею святою десницею».

Выѣхавъ изъ Москвы 20-го февраля съ большою свитою [2]), императоръ 1-го (13-го) марта прибылъ въ Варшаву и на другой же день издалъ указъ о томъ, что намѣстникъ Заіончекъ будетъ продолжать пользоваться всею предоставленною ему властію и отправлять всѣ возложенныя на него обязанности. Затѣмъ 14-го (26-го) марта утвержденъ былъ порядокъ засѣданій въ сенатѣ и палатѣ нунціевъ.

Члены сейма, которые должны были собраться въ Варшавѣ за семь дней до его открытія, занимались повѣркою правъ лицъ, назначенныхъ къ присутствованію на сеймѣ, а также установленіемъ порядка засѣда-

---

[1]) Арх. Государств. Совѣта, дѣло № 254 отъ 1818 года.

[2]) Императора сопровождали: князь П. М. Волконскій, графъ Каподистрія, князь Меншиковъ, графъ Ожаровскій, ген.-маіоръ Орловъ, докторъ Виллié, графъ Остерманъ-Толстой, князь Трубецкой, Чернышевъ, Уваровъ и г. Марченко.

*

ній, преній, разсмотрѣнія докладовъ, опредѣленіемъ порядка открытія и закрытія самаго сейма и проч.

15-го (27-го) марта послѣдовало открытіе сейма.

Въ этотъ день въ 8 часовъ утра сенаторы, министры, члены государственнаго совѣта, нунціи и депутаты собрались въ главномъ соборѣ. Послѣ богослуженія и соотвѣтствующей проповѣди епископъ пропѣлъ съ хоромъ гимнъ: «Veni Creator».

По окончаніи богослуженія всѣ отправились въ зало, избранное для собранія сейма, и заняли назначенныя имъ мѣста.

Когда, послѣ производства нѣкоторыхъ необходимыхъ формальностей, было доложено императору Александру, что сеймъ собрался и ожидаетъ его прибытія, государь вошелъ въ залу, занялъ мѣсто на тронѣ и обратился къ собравшимся со слѣдующею рѣчью [1]):

«Представители царства Польскаго!

«Надежды ваши и мои желанія совершаются. Народъ, который вы представлять призваны, наслаждается, наконецъ, собственнымъ бытіемъ, обезпеченнымъ созрѣвшими уже и временемъ освященными установленіями.

«Одно забвеніе прошедшаго могло произвести ваше возрожденіе.— Оно непреложно постановлено было въ мысляхъ моихъ съ того времени, когда я могъ надѣяться на средства къ приведенію онаго въ исполненіе.

«Ревнуя ко славѣ моего отечества, я хотѣлъ, чтобы оно пріобрѣло еще новую.

«И дѣйствительно Россія, послѣ бѣдственной войны, воздавъ по правиламъ христіанской нравственности добро за зло, простерла къ вамъ братскія объятія, и изъ всѣхъ преимуществъ, даруемыхъ ей побѣдою, предпочла единственно за честь возстановить храбрый и достойный народъ.

«Содѣйствуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убѣжденію, коему въ значительной степени вспомоществали событія. Я исполнилъ долгъ, начертанный симъ однимъ внушеніемъ—тѣмъ драгоцѣннѣйшимъ моему сердцу.

«Образованіе, существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволило мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ

---

[1]) Означенная рѣчь, а также и слѣдующая при закрытіи сейма произнесены были императоромъ на французскомъ языкѣ и въ то же время переведены на русскій и польскій языки и отпечатаны. Съ этого перевода, сохранившагося въ дѣлахъ сейма 1818 года, приведены нами буквально обѣ рѣчи Александра I. Онѣ были также напечатаны въ «Духѣ Журналовъ» за 1818 г. ч. I, стр. 95 и 105.

помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя.

«Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости.

«Поляки! Освободясь отъ гибельныхъ предубѣжденій, причинившихъ вамъ толикія бѣдствія,—отъ васъ нынѣ самихъ зависитъ дать прочное основаніе вашему возрожденію.

«Существованіе ваше неразрывно соединено съ жребіемъ Россіи: къ укрѣпленію сего спасительнаго и покровительствующаго васъ союза должны стремиться всѣ ваши усилія. Возстановленіе ваше опредѣлено торжественными договорами. Оно освящено законоположительною хартіею. Ненарушимость сихъ внѣшнихъ обязательствъ и сего кореннаго закона назначаютъ отнынѣ Польшѣ достойное мѣсто между народами Европы,—благо драгоцѣнное, котораго она долгое время вотще искала, среди самыхъ жестокихъ испытаній.

«Поприще для трудовъ вашихъ открывается. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложитъ вамъ нынѣшнее положеніе управленія царства. Вы увидите проекты законовъ, долженствующіе быть предметомъ вашихъ разсужденій. Они имѣютъ цѣлію постепенное усовершенствованіе.—Учрежденія финансовъ государства требуютъ еще свѣдѣній, которыя время и точное измѣреніе вашихъ средствъ могутъ только правительству доставить. Законоположительное управленіе постепенно примѣняется ко всѣмъ частямъ правительства. Судная часть образуется. Проекты гражданскаго и уголовнаго законодательствъ будутъ вамъ предложены. Я утѣшаюсь увѣреніемъ, что вы, разсмотрѣвъ ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ, предуспѣете постановить законы, которые будутъ служить къ огражденію драгоцѣннѣйшихъ благъ: безопасности лицъ вашихъ, собственности и свободы вашихъ мнѣній.

«Не имѣя возможности посреди васъ всегда находиться, я оставилъ вамъ брата—искренняго моего друга—неразлучнаго сотрудника отъ самой юности. Я поручилъ ему ваше войско. Зная мои намѣренія и раздѣляя мои о васъ попеченія, онъ возлюбилъ плоды собственныхъ трудовъ своихъ. Его стараніями сіе войско, уже богатое славными воспоминаніями и воинскими доблестями, обогатилось еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ имъ предводительствуетъ, тѣмъ навыкомъ къ порядку и устройству, который только въ мирное время пріобрѣтается и пріуготовляетъ воина къ истинному его предназначенію.

«Одинъ изъ достойнѣйшихъ полководцевъ вашихъ представляетъ лицо мое среди васъ. Посѣдѣвшій подъ знаменами вашими, раздѣляя

постоянно счастливую и злополучную участь вашу, онъ не переставалъ доказывать преданность свою къ отечеству. Опытъ оправдалъ въ полной мѣрѣ выборъ мой.

«Не взирая на усилія мои, быть можетъ, что слѣды бѣдствій, угнетавшихъ васъ, не всѣ еще заглажены. Таковъ законъ природы. Благотворится медленно; совершенство же недоступно слабости человѣческой.

«Представители царства Польскаго! потщитесь достигнуть высоты вашего предназначенія. Вы призваны дать великій примѣръ Европѣ, устремляющей на васъ свои взоры.

«Докажите своимъ современникамъ, что законно-свободныя постановленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству не суть мечта опасная, но что, напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся во исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли; то совершенно согласуются съ порядкомъ и общимъ содѣйствіемъ, утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ.

«Вамъ предлежитъ нынѣ явить на опытѣ сію великую и спасительную истину. Да будетъ взаимное согласіе душою вашего собранія; а достоинство, хладнокровіе и умѣренность да ознаменуютъ ваши пренія.

«Руководствуясь единственно любовію къ отечеству, очищайте мнѣнія ваши отъ всѣхъ предубѣжденій; освобождайте ихъ отъ зависимости частныхъ или исключительныхъ выгодъ и, выражая ихъ съ простотою и прямодушіемъ, отвергайте обманчивую прелесть, столь часто заражающую даръ слова.

«Наконецъ, да не покинетъ васъ никогда чувство братской любви, намъ всѣмъ предписанной Божественнымъ Законодателемъ.

«Такимъ образомъ ваше собраніе пріобрѣтетъ одобреніе и признательность отечества, и то общее уваженіе, которое подобное сословіе заставляетъ къ себѣ ощущать, когда представители народа свободнаго не обезображиваютъ священнаго званія, на нихъ возложеннаго.

«Первѣйшіе чиновники государства, сенаторы, послы, депутаты! Я изъяснилъ вамъ свою мысль,—я показалъ вамъ ваши обязанности.

«Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собраніи покажутъ мнѣ, чего отечество должно впредь ожидать отъ вашей преданности къ нему и привязанности вашей ко мнѣ; покажутъ мнѣ, могу ли, не измѣняя своимъ намѣреніямъ, распространить то, что уже мною для васъ совершено.

«Вознесемъ благодареніе къ Тому, Который единый просвѣщаетъ

царей, связуетъ народы братскими узами и ниспосылаетъ на нихъ дары любви и мира.

«Призовемъ Его: да благословитъ Онъ и да усовершенствуетъ начинаніе наше».

Послѣ этой рѣчи Станиславъ Потоцкій, исполнявшій обязанности президента сената, произнесъ отъ имени обѣихъ палатъ сейма отвѣтную рѣчь на французскомъ языкѣ, въ которой главнѣйшимъ образомъ высказалъ слѣдующее:

«Для Польши дни траура обратились въ дни веселья и радости. Ваше величество соединили королевство Польское съ обширными вашими владѣніями, собрали подъ одинъ скипетръ два братскіе народа и, тѣмъ укрѣпивъ наше народное существованіе на незыблемомъ основаніи, даровали намъ конституціонную хартію и явили удивленному свѣту небывалое зрѣлище. Ваше величество, обезпечивъ навсегда счастіе Польши, желаете, чтобъ поляки и представители Польскаго королевства оказались достойными всего, для нихъ сдѣланнаго, чтобъ они показали картину удачнаго примѣненія началъ либеральныхъ, освященныхъ хартіею, данною намъ величіемъ души вашей; вы желаете въ глазахъ Европы оправдать этимъ вашу великодушную къ намъ благосклонность. Кто изъ поляковъ не оцѣнитъ и не почувствуетъ всего вами сдѣланнаго? Ваше величество осуществили для королевства все, что подсказывала великая ваша мудрость. Можемъ ли мы не оправдать такое къ намъ довѣріе? Будьте увѣрены, что поляки докажутъ всему свѣту, что великодушіе и нравственность (la générosité et la morale) являются истиннымъ основаніемъ поступковъ государей. Пусть міръ убѣдится въ томъ, что это счастливое сочетаніе началъ, осуществленное по желанію вашему, которому мы являемъ собою примѣръ, будетъ величайшимъ урокомъ, когда-либо даннымъ міру монархомъ, высочайшая власть котораго не вѣдаетъ другихъ границъ, какъ внушаемыхъ ему его геніемъ возстановителемъ (genie reparateur), столь же обширнымъ и могущественнымъ, какъ и его необъятная Имперія».

Послѣ этого графъ Викентій Красинскій, въ качествѣ маршала палаты депутатовъ, въ немногихъ словахъ выразилъ преданность и признательность его величеству какъ отъ себя, такъ и отъ лица палаты.

Болѣе пространную рѣчь произнесъ графъ Мостовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ и полиціи.

Упомянувъ, что миръ смѣнилъ бѣдствія продолжительныхъ волненій, что государь старается улучшить положеніе обывателей, Мостовскій находилъ необходимымъ благодарить Провидѣніе за то, что оно даровало Польшѣ покровительство и поддержку въ лицѣ монарха, благодаря милости котораго поляки снова снискали себѣ родину, законы и независимость.

По словамъ графа Мостовскаго, герцогство Варшавское, по удаленіи центральнаго его правленія, находилось вполнѣ въ бѣдственномъ положеніи, которое увеличивалось страхомъ отъ приближающихся русскихъ войскъ, страхомъ, внушаемымъ характеромъ войны. Его величество, желая успокоить умы и увѣрить ихъ въ безопасности личной и имущественной, приказалъ князю Кутузову издать 8-го января 1813 г. воззваніе къ народу, которое обезпечивало имущество и личность всѣмъ жителямъ герцогства Варшавскаго, а также служившимъ при прежнемъ правительствѣ. Симъ послѣднимъ предлагалось продолжать отправленіе служебныхъ обязанностей, а военно-начальникамъ различныхъ русскихъ отрядовъ предписано было уважать мѣстныя власти и оказывать имъ должное содѣйствіе при надобности.

Порядокъ былъ возстановленъ по областямъ, и жители могли замѣтить, какъ осторожно съ ними обходились; какія принимались мѣры, чтобы русскія войска долго не пребывали въ герцогствѣ вообще и возможно менѣе проходили черезъ Варшаву, потому что она потерпѣла болѣе всѣхъ. Образцовое поведеніе этихъ войскъ и строгая дисциплина всѣмъ извѣстна. Но мѣстныя власти не дѣйствовали съ должнымъ единствомъ и единообразіемъ, потому что отсутствовала власть центральная. Это побудило устроить временное правительство, т. е. верховный Совѣтъ. Поляки, извѣстные патріотическими взглядами и привязанностію къ родинѣ, были призваны къ этому правленію и получили особыя инструкціи. При этомъ сохранили всѣхъ должностныхъ лицъ, и никого не преслѣдовали. Положеніе страны было отчаянное; безполезно говорить о разореніи, истощеніи и бѣдности страны, вызванныхъ усиліями, понесенными въ войнахъ Наполеона. Отъ Польши чрезмѣрно много требовалось для потребностей французской арміи, размѣры которыхъ не соотвѣтствовали средствамъ страны. Затѣмъ большая смертность развилась въ городахъ и селеніяхъ вслѣдствіе болѣзней въ войскахъ и неосторожнаго перемѣщенія госпиталей. Для облегченія всего этого была учреждена особая центральная коммиссія. Она снабдила страну солью, дозволила ввозъ товаровъ, оживила торговлю, отмѣнила выдачу войскамъ говядины и водки отъ обывателей; строго было запрещено прибѣгать къ реквизиціямъ; взысканіе недоимокъ, состоявшихъ по 1-е іюня 1813 г., было отмѣнено, и, наконецъ, Александръ I въ Труа издалъ 1-го февраля 1814 г. указъ объ отмѣнѣ налога на напитки по деревнямъ, сбора съ патентовъ, а также личныхъ податей, дававшіе около 6-ти милліоновъ флор. въ годъ. Проѣздомъ чрезъ Пулавы императоръ приказалъ возвратить обывателямъ подымную подать въ двойномъ размѣрѣ. Желая поднять сельское хозяйство, разоренное поставками вьюковъ для транспортовъ, онъ приказалъ раздать земледѣльцамъ до 5.000 лошадей, оставшихся излишними для военнаго вѣдом-

ства за расформированіемъ арміи. Польская армія была въ жалкомъ положеніи; бо́льшая часть ея находилась въ плѣну. По распоряженію императора, плѣнные были освобождены и получили позволеніе возвратиться на родину. Видимо оказывалось уваженіе этимъ храбрымъ воинамъ. Прежде нежели рѣшена была участь герцогства Варшавскаго, этой арміи сохранили все ея содержаніе, чины, знаки отличія. Она скоро явилась предметомъ особливой заботливости августѣйшаго брата императора; онъ сдѣлался главнымъ ея начальникомъ. Благодаря настойчивости Александра I въ продолженіе длинныхъ и сложныхъ переговоровъ на конгрессѣ въ Вѣнѣ, интересы Польши не были упущены, и его благосклонныя намѣренія получили осуществленіе.

Когда судьба вновь принудила взяться за оружіе, императоръ Александръ I былъ дотого благосклоненъ къ Польшѣ, что освободилъ ее отъ участія во вновь возникшей войнѣ. Онъ учредилъ временное правительство, начерталъ основныя начала конституціи, а затѣмъ даровалъ странѣ 15-го ноября 1815 года конституціонную хартію.

Сообщивъ содержаніе этой хартіи, важность значенія ея для Польши, а также коснувшись различныхъ другихъ государственныхъ учрежденій, графъ Мостовскій окончилъ этотъ очеркъ словами: «Мы съумѣемъ оцѣнить всѣ эти благодѣянія, и первыя обсужденія нашего сейма докажутъ правителямъ государствъ, что предоставленная намъ форма правленія является самою прочною гарантіею ихъ могущества, а народу,— что порядки, установленные хартіею, послужатъ къ его развитію, будутъ имѣть послѣдствіемъ общественный миръ безъ томленія, послушаніе — безъ униженія и свободу—безъ крайностей. Мы оцѣнимъ, что просвѣщенная власть сама основала или возстановила царство разума, законовъ и свободы».

Переходя затѣмъ къ подробному обозрѣнію правительственной и законодательной дѣятельности по различнымъ отраслямъ управленія за послѣдніе два съ половиною года, графъ Мостовскій указалъ, что населеніе царства, уменьшенное [1]) войнами, стало увеличиваться, благодаря новымъ правиламъ о наборѣ войскъ и вызову различныхъ колонистовъ изъ другихъ странъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано многое для образованія народа, какъ-то: увеличено значительно число сельскихъ первоначальныхъ школъ; устроено очень много народныхъ библіотекъ, введенъ ланкастерскій методъ обученія, и для ближайшаго ознакомленія съ нимъ посланы даровитые преподаватели въ Англію. Помимо этого учрежденъ въ Варшавѣ университетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано не мало

[1]) Населеніе земель, вошедшихъ въ составъ Польскаго королевства, доходившее въ 1811 году до 3.300.000 жителей, въ 1815 году составляло только 2.600.000 жит.

по обезпеченію католическаго духовенства, отмѣнены десятины въ пользу церквей, и начаты переговоры съ римскимъ дворомъ объ организаціи духовенства, согласно мѣстнымъ потребностямъ, объ учрежденіи архіепископства въ Варшавѣ, объ уменьшеніи числа монастырей и т. д.

Для подъема сельскаго хозяйства, этого главнаго источника богатства края, учреждены различныя сельскохозяйственныя училища, установлены преміи и награды за введеніе улучшенныхъ системъ хозяйства, выписаны породистыя лошади и племянной скотъ. При этомъ обращено вниманіе на улучшеніе дорогъ, на обращеніе многихъ рѣкъ въ судоходныя; возстановлены каналы, соединяющіе нѣкоторыя рѣки и проч. Для развитія торговли учреждены новыя ярмарки; для возстановленія и исправленія различныхъ построекъ въ селеніяхъ и городахъ, пострадавшихъ отъ военныхъ дѣйствій, отпущено не мало денегъ; мѣстами упразднены бывшія укрѣпленія, и раздаются земли на постройку общеполезныхъ зданій.

Доходы по городамъ особенно въ Варшавѣ увеличились и даютъ средства къ улучшенію городовъ, при чемъ во многихъ изъ нихъ введено освѣщеніе улицъ, различныя санитарныя правила и страховыя отъ пожаровъ общества. Улучшена значительно почтовая часть, которая, не будучи ранѣе въ состояніи сама покрывать свои расходы, въ настоящее время приноситъ ежегодно не мало чистаго дохода (до 150.000 флор. въ годъ). Разработка горныхъ промысловъ и ископаемыхъ богатствъ края усилилась. Точно также замѣтно увеличилась мануфактурная промышленность. Въ высшей степени полезныя преобразованія совершены по военной части: упразднена національная гвардія и замѣнена линейными войсками; квартирная повинность, столь тягостная обывателямъ, значительно облегчена помѣщеніемъ многихъ частей войскъ въ разныхъ зданіяхъ, стоявшихъ пустыми и купленныхъ—казною, а также тѣмъ, что нестроевымъ офицерамъ вмѣсто квартиръ въ натурѣ производятся квартирныя деньги. Многія старыя казармы замѣнены новыми, болѣе обширными, въ которыхъ помѣщается бо̀льшее число солдатъ; построено не мало конюшенъ для кавалеріи и артиллеріи. Всякаго рода реквизиціи отмѣнены, а также военно-подводная повинность; во многихъ воинскихъ частяхъ заведены подъемныя лошади. Введенъ лучшій порядокъ продовольствія арміи; натуральныя поставки припасовъ замѣнены денежнымъ сборомъ; сдѣлано большое сбереженіе въ расходѣ по обмундированію войскъ. Жители охранены отъ всякихъ насилій и безчинствъ со стороны военныхъ командъ. Сбереженіе по различнымъ частямъ военнаго управленія дало возможность производить не малое число пенсій ветеранамъ. По финансовому вѣдомству было уплачено много долговъ, перешедшихъ по трактатамъ на царство Польское; приняты мѣры къ облегченію плательщиковъ раз-

ныхъ сборовъ, къ болѣе равномѣрному распредѣленію податей и сборовъ. Новый финансовый планъ не могъ быть еще установленъ, за неимѣніемъ всѣхъ необходимыхъ къ тому свѣдѣній, но будетъ введенъ съ будущаго сейма. При этомъ графъ Мостовскій обратилъ вниманіе сейма на то, что государь вовсе не пользовался для себя суммами, ассигнуемыми на его содержаніе, и, не отдѣляя доходовъ, обращалъ ассигнуемыя ему суммы на общеполезные расходы по королевству, на благотворенія, постройки и украшеніе городовъ.

«Все это, вмѣстѣ взятое,—говорилъ Мостовскій,—даетъ основаніе къ блестящимъ надеждамъ въ будущемъ. Надо соблюдать спокойствіе, сохранять союзъ и согласіе, отстранивъ всѣ личныя выгоды; имѣть въ виду только одно общее благо и любовь къ отечеству; не слушать навѣтовъ, клеветъ и злобы, направленныхъ на великихъ людей, усилить свое рвеніе въ совѣщаніяхъ, помня, что время не ждетъ, что оно постоянно разрушаетъ, коль скоро не созидаетъ, а, къ несчастью міра, дни добрыхъ монарховъ также сочтены. Личныя качества императора являются залогомъ блестящей будущности Польши. Онъ привлекаетъ къ себѣ всѣ сердца. Онъ желаетъ, чтобъ либеральныя учрежденія нашей страны укрѣпились и расцвѣли настолько, чтобы могли служить образцомъ для прочихъ его областей, дать ему поводъ, подкрѣпленный опытомъ, къ тому, чтобы расширить столь благотворныя учрежденія.

«Братъ монарха имѣетъ постоянное пребываніе въ нашей столицѣ, чтобы болѣе скрѣпить взаимныя узы двухъ народовъ; онъ отказался на время отъ своего мѣста въ сенатѣ и засѣдаетъ по желанію народа въ палатѣ, какъ представитель части города, всего болѣе пострадавшей во время войны. Онъ хочетъ на опытѣ проникнуться духомъ нашихъ учрежденій, изучить ихъ вліяніе на ходъ управленія. Заботы правительства распространяются не только на настоящее, но и на будущее, которое, конечно, явится блестящимъ.

«Ваше величество!—сказалъ Мостовскій, заканчивая свою рѣчь,—народъ нашъ умѣетъ цѣнить подобныя благодѣянія. Лѣтописи наши свидѣтельствуютъ, что если и бывали шумныя и дурныя движенія нашего народа, то онъ самъ оставался безупреченъ и отличался кроткимъ нравомъ. Общій энтузіазмъ являлся всегда его руководителемъ и двигателемъ, при чемъ онъ не зналъ узкихъ разсчетовъ благоразумія.

«Народъ нашъ никогда не задумывался жертвовать настоящимъ будущему въ несчастіяхъ. Неосмотрительность привела его къ гибели. Но, среди всѣхъ невзгодъ, никогда онъ не покидалъ уваженія и преданности къ своимъ королямъ. Въ этомъ ваше величество, конечно, не сомнѣваетесь. Подъ сѣнью вашего покровительства, мы можемъ надѣяться, что будемъ подвигаться вѣрнымъ и спокойнымъ шагомъ среди

темныхъ путей неизвѣстнаго будущаго. Ваша возвышенная душа возвращаетъ намъ свободныя учрежденія, возстановляетъ обломки нашей арміи, устроиваетъ прочную связь между двумя народами, укрѣпляетъ братство и единеніе двухъ народовъ, издавна разлученныхъ. Все это вселяетъ намъ основаніе надѣяться еще лучшаго въ будущемъ. Любовь, внушаемая такимъ монархомъ, является потребностью, наградою всего его народа. Пусть грядущее потомство исполнитъ желаніе нашихъ сердецъ, и, причисливъ васъ къ числу царей благодѣтелей человѣчества, скажетъ, что Небо дозволило намъ подъ вашимъ отеческимъ управленіемъ наслаждаться милосердіемъ Траяна, и вмѣстѣ благополучіемъ Августа. Но ваше величество лучше Траяна и счастливѣе Августа».

Этими словами закончилъ графъ Мостовскій свою блистательную рѣчь.

По окончаніи ея палаты разошлись по своимъ заламъ и приступили къ разсмотрѣнію различныхъ законо-проектовъ, внесенныхъ въ сеймъ. По принятіи проекта одной изъ палатъ онъ поступалъ на разсмотрѣніе другой и, получивъ одобреніе обѣихъ, подносился на утвержденіе государя и затѣмъ публиковался по установленной формѣ.

Случалось, что при обсужденіи подобныхъ проектовъ, одна изъ палатъ дѣлала свои замѣчанія и предлагала какія-либо измѣненія. Въ такомъ случаѣ намѣстникъ сообщалъ эти замѣчанія и предположенія палатъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, который нерѣдко соглашался принять оныя, и за тѣмъ, по сообщеніи этого опять палатамъ, проектъ подносился на утвержденіе императора.

15-го (27-го) апрѣля сеймъ былъ закрытъ; при чемъ императоръ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Представители царства Польскаго! Вы удовлетворили моему ожиданію. Пренія сего перваго собранія, духъ, имъ управляемый, и самыя послѣдствія свидѣтельствуютъ о единодушной правотѣ вашихъ намѣреній и склоняютъ меня къ изъявленію моего одобренія.

«Плодами трудовъ вашихъ царство Польское пріобрѣтаетъ, наконецъ, единообразное и истинно польское уголовное уложеніе. Постановивъ, чтобы уложеніе объ уголовномъ судопроизводствѣ было вамъ предложено въ слѣдующемъ собраніи вашемъ, я предупредилъ желаніе, внушаемое вамъ прямою любовію къ общему благу и порядку.

«Но необходимо было опредѣлить законы, составляющіе умозрѣніе уголовнаго законодательства, прежде нежели приступить къ постановленію тѣхъ, которыми руководствоваться должно при примѣненіи оныхъ. Дабы показать путь къ развитію сихъ послѣднихъ, нужно было ваше согласіе на первые.

«Новыя постановленія дополнили часть вашего гражданскаго уложенія, коего несовершенство было всѣми признано.

«Нѣкоторыя изъ постановленій сего уложенія не достаточны были къ обезпеченію въ полной мѣрѣ довѣрія владѣтелей недвижимыхъ имуществъ; вы ихъ замѣнили законами, опытностью и полезными измѣненіями, сугубо усовершенствованными.

«Оставалось вамъ еще устроить дѣло, нетерпящее отлагательства. Вы должны были изъявить мнѣніе свое о мѣрѣ, вынужденной обстоятельствами и неизбѣжными послѣдствіями бѣдственныхъ временъ, о мѣрѣ, отсрочивавшей должникамъ удовлетвореніе ихъ заимодавцевъ. Положивъ на вѣсы справедливости уваженіе къ продолжительнымъ бѣдствіямъ однихъ и вознагражденіе, слѣдуемое по справедливости другимъ, вы сами поставили послѣдній предѣлъ вашимъ давнимъ бѣдствіямъ и означили начало и степени успѣховъ будущаго счастливѣйшаго времени.

«Изъ проектовъ законовъ, предложенныхъ вамъ, одинъ только не получилъ одобренія большинства голосовъ обѣихъ палатъ. Внутреннее убѣжденіе и праводушіе руководствовали симъ рѣшеніемъ. Мнѣ оно пріятно было, ибо знаменовало независимость вашихъ мнѣній. Свободно избранные, должны были и разсуждать свободно. На сей сугубой неприкосновенности всегда будетъ основано истинное свойство народнаго представительства здѣсь созваннаго мною, чтобы чрезъ его посредство услышать искреннее и полное выраженіе общественнаго мнѣнія. Только собраніе, такимъ образомъ составленное, можетъ служить правительству залогомъ, что издаваемые законы основаны на существенныхъ потребностяхъ народа. Впрочемъ, сей трудъ не маловаженъ. Время одно можетъ его увѣнчать совершеннымъ успѣхомъ: ибо время очищаетъ мнѣнія и образуетъ совѣщателей въ училищѣ опытности.

«Я тронутъ изъявленными вами ко мнѣ чувствованіями. Въ довѣренности вашей—все мое желаніе, въ привязанности—вся моя награда. Я взвѣшу со вниманіемъ ваши прошенія и надѣюсь, что на будущемъ вашемъ засѣданіи вы узнаете объ удовлетвореніи оныхъ, сообразно возможности и обстоятельствамъ.

«Попеченіе, коимъ я обязанъ отечеству моему, отзываетъ меня отъ васъ. Но жребій вашъ пребудетъ всегда въ моихъ помышленіяхъ. Я возвращусь къ вамъ, чтобы насладиться успѣхами вашими на благородномъ поприщѣ, вамъ отверзтомъ, и чтобы дать вамъ собрать новые плоды моего попеченія.

«Поляки! я дорожу исполненіемъ моихъ намѣреній. Они вамъ извѣстны.

«Возвращаясь въ свои домы, наслаждайтесь увѣреніемъ, что вы содѣйствовали счастью вашихъ согражданъ и благоденствію отечества вашего.

«Помните, что сіе самое отечество, возведенное на степень госу-

дарства свободнаго и независимаго, надзираетъ за вами прилежнымъ окомъ въ кругѣ отношеній вашихъ частныхъ и домашнихъ.

«Тутъ болѣе, чѣмъ въ сіяніи народныхъ собраній, заповѣдываетъ оно вамъ быть гражданами просвѣщенными, любить братьевъ своихъ, какъ самихъ себя, и неизмѣнно распространять на всѣ званія и наипаче на то, которое поддерживаетъ зданіе государства, выгоды нераздѣльныя съ законоположительнымъ образованіемъ, коимъ пользуетъ Польша.

«Но сіе образованіе будетъ для васъ прочнымъ благодѣяніемъ только тогда, когда власть законовъ, прежде нежели руководствовать будетъ вашими поступками, уже въ сердцахъ вашихъ утвердитъ свое владычество. Такова высота, къ которой должно стремиться просвѣщеніе и до которой оно достигаетъ, когда оно истинно, то есть основано на непорочности нравовъ.

«Тогда частное благосостояніе, счастливою взаимностью, сливается съ благосостояніемъ общественнымъ, а законы тверды общею волею, ибо основаны на необходимомъ внутреннемъ всѣхъ убѣжденіи.

«Увѣрьтесь въ истинѣ, что ваши постановленія токмо тогда процвѣтать могутъ, когда вы ихъ охраните сими правилами, почерпнутыми въ источникахъ христіанской нравственности, и когда вы въ жизни вашей, общественной и частной, послѣдуете ея Божественнымъ поученіямъ.

«Вамъ, служители алтарей, вамъ предоставлено наставленіями вашими, но болѣе еще вашимъ примѣромъ явить торжество спасительнаго ученія.

«Представители царства Польскаго! Мѣры усердія, съ коимъ приведете вы въ исполненіе мои желанія и надежды, будутъ для меня залогомъ успѣховъ отечественнаго управленія до созванія будущаго сейма.

«Обогащенное плодами вашихъ трудовъ, да приближится сіе собраніе скорыми шагами до благородной цѣли, привлекающей столько взоровъ и да приготовитъ оно грядущимъ поколѣніямъ обильную жатву спокойствія, счастья и славы».

Послѣ рѣчи императора говорилъ отъ имени сената графъ Потоцкій. Выразивъ глубокую признательность его величеству за все сдѣланное имъ для Польши, за постоянное стремленіе сдѣлать поляковъ счастливыми, Потоцкій высказалъ, что полякамъ остается только слѣдовать родительскимъ указаніямъ и намѣреніямъ его величества, и сожалѣть, что государь можетъ лишь очень краткое время пребывать среди нихъ и не можетъ имѣть свѣдѣній о положеніи страны и ея управленіи, иначе какъ только посредствомъ органовъ польскаго правительства.

«Ваше величество,—говорилъ Потоцкій,—пожелали слышать истину изъ устъ самихъ представителей народа, облеченныхъ къ тому вашимъ довѣріемъ. Во исполненіе этого желанія повергаемъ къ стопамъ вашего

величества замѣчанія сената на представленный ему отчетъ по управленію Польши со времени введенія конституціи и пожеланія наши относительно дальнѣйшаго хода этого управленія въ будущемъ [1]). Высказанное нами внушено признательностью къ монарху, является мѣриломъ нашей безграничной преданности къ нему и полнымъ дока-

---

[1]) Пожеланія заключались въ слѣдующемъ. Никто не долженъ поступать вопреки конституціонной хартіи, а между тѣмъ изъ отчета видно, что издано много указовъ порядкомъ, несогласнымъ съ хартіею, и не мало отдѣльныхъ распоряженій по различнымъ вѣдомствамъ прямо въ нарушеніе правилъ хартіи. Поэтому представители народа просили, чтобы столь милостиво дарованная его величествомъ хартія тщательно соблюдалась во всемъ ея объемѣ на будущее время. Кромѣ того, не всѣ указы короля скрѣплялись подлежащимъ министромъ, какъ это требуетъ хартія, и не всѣ мѣры правительства, указанныя въ отчетѣ, получили уже полное осуществленіе. Отчетъ о положеніи края блестящъ, но не таково это положеніе на самомъ дѣлѣ. Выражая признательность за учрежденіе университета въ Варшавѣ, сенатъ и депутаты заявляли, что было бы полезно присоединить къ университету главную духовную семинарію, въ которой преподавали бы высшія богословскія науки и подготовляли бы достойныхъ пастырей церкви; что не желательно назначать въ университетъ на мѣсто профессоровъ различныхъ посредственностей; что необходимо обратить вниманіе какъ можно скорѣе на устройство духовной части въ королевствѣ; на болѣе прочное обученіе закону Божьему во всѣхъ школахъ; что число школъ элементарныхъ слишкомъ мало, что недостаточно обращается вниманіе на нравственное образованіе юношества и надзоръ за нимъ очень слабъ; что содержаніе учителей слишкомъ недостаточно, что необходимо упрочить и увеличить учебный фондъ и т. д.

Отдавая должную справедливость стремленіямъ правительства какъ можно скорѣе улучшить положеніе края, исцѣлить раны отъ минувшихъ войнъ, представители народа з а м ѣ ч а л и, что управленіе краемъ дѣйствовало нерѣдко слишкомъ поспѣшно, а потому не обращало вниманія на предметы, требовавшіе заботливости правительства по преимуществу. Такъ, не обращено вниманіе: 1) на положеніе евреевъ въ странѣ (они составляютъ одну седьмую часть всего населенія), и въ этомъ важномъ вопросѣ, а также въ отношеніи раввиновъ ихъ, ничего не сдѣлано; 2) на положеніе монастырей, изъ коихъ многіе, по совершенной незначительности въ нихъ монашествующихъ, могутъ быть упразднены и обращены въ различныя богоугодныя и исправительныя заведенія; 3) на фондъ, необходимый для содержанія духовенства. Кромѣ того, обученіе и воспитаніе лицъ женскаго пола (составляющихъ половину населенія), не достаточно обращаетъ на себя вниманіе правительства; пансіоны частные крайне неудовлетворительны; необходимо усилить за ними надзоръ, раздѣлить пансіоны на разряды и т. д. Не соблюдается подлежащее соотвѣтствіе между числомъ высшихъ и низшихъ школъ вообще. По судебному вѣдомству не образованы суды согласно хартіи; судопроизводство гражданское и уголовное крайне неудовлетворительно и даетъ просторъ безконечнымъ тяжбамъ. Отдавая должное необычайной заботливости управленія объ улучшеніи почтъ, дорогъ и различныхъ средствъ сообщеній, высказывалось замѣчаніе, что необходимо составить общій планъ для работъ

зательствомъ нашего къ нему довѣрія. Мы счастливы преимуществами, дарованными намъ хартіею; мы надѣемся, что она намъ доставитъ ихъ еще въ бо́льшемъ размѣрѣ, но развитіе это не можетъ пока состояться какъ по краткости времени ея существованія, такъ и по мудрости государя, ожидающаго временъ болѣе къ тому благопріятныхъ.

по облегченію судоходства по рѣкамъ и каналамъ и принять мѣры противъ разлитія р. Вислы.

По военному управленію высказывалось желаніе, чтобы указъ о наборѣ войскъ былъ обращенъ въ постоянный законъ, при чемъ едва-ли правильно допущенное освобожденіе евреевъ отъ воинской повинности и обложеніе ихъ за это освобожденіе извѣстною платою. Желательно составить военно-уголовный уставъ, а также увеличить еще болѣе казарменное помѣщеніе войскъ и упразднить квартирную повинность.

По вѣдомству финансовъ, установленная монополія казны на соль является очень тяжелою для населенія, особенно для лицъ бѣдныхъ; необходимо изыскать другіе налоги, которые замѣнили бы собою налогъ на соль. Кромѣ того, положеніе финансовъ требуетъ болѣе заботливости со стороны правительства. Не малая часть доходовъ поглощается расходами на содержаніе короля и его дома. Много имѣется недоимокъ по разнымъ поступленіямъ и надо бы это отвратить. Города, особенно не большіе, по неимѣнію средствъ, очень медленно поправляются и представляютъ собою скорѣе обширныя деревни; желательно обратить преимущественное вниманіе на нихъ, а не на украшеніе города Варшавы различными зданіями и памятниками. Надо произвести изслѣдованіе о доходахъ и расходахъ городовъ. Кромѣ того, слишкомъ мало обращено вниманія на доходность государственныхъ имуществъ и казенныхъ лѣсовъ, завѣдываніе которыми поглощаетъ всѣ получаемые съ нихъ доходы. Желательно очень многія изъ этихъ имуществъ отдать въ аренду или продать.

Горная часть также требуетъ развитія, хотя нельзя не выразить признательности правительству за сдѣланное уже въ этомъ отношеніи. Требуется принять мѣры къ улучшенію полиціи, къ уменьшенію числа нищихъ, къ уменьшенію таксы на письма и посылки и размѣры прогонныхъ денегъ за почтовыхъ лошадей, а также необходимо вступить въ соглашеніе съ сосѣдними государствами о взаимныхъ почтовыхъ сношеніяхъ.

Всѣ изложенныя замѣчанія подробно разсматривались уже послѣ закрытія сейма, сперва по отдѣльнымъ управленіямъ царства, а за тѣмъ въ административномъ совѣтѣ, послѣ чего по всѣмъ замѣчаніямъ была заготовлена подробная объяснительная записка, которая должна была быть представлена на уваженіе будущаго сейма. До представленія ея сейму эта записка была повергнута Заіончекомъ усмотрѣнію его величества чрезъ статсъ-секретаря царства, графа Соболевскаго.

Императоръ Александръ I, одобривъ оную, счелъ необходимымъ добавить нѣсколько своихъ мыслей, въ которыхъ, съ одной стороны, указываются положительно обязанности сейма по разсмотрѣнію представляемаго ему отчета, а съ другой—проявляется какъ бы неудовольствіе императора на характеръ сдѣланныхъ сеймомъ замѣчаній. Эти мысли предварительно были изложены вчернѣ на отдѣльномъ листкѣ въ видѣ вставки къ обширному объясненію и удостоились письменнаго одобренія государя. Вотъ главное содержаніе этого

«Эту надежду мы основываемъ на великодушіи императора Александра I, которому суждено было осуществить нашу мечту и явить тѣмъ великій примѣръ Европѣ, обязанной ему возстановленіемъ мира и спокойствія.

«Вашему величеству,—продолжалъ Потоцкій,—предстоитъ доказать

добавленія къ тому мѣсту объясненія, гдѣ говорилось о сеймѣ, какъ источникѣ свѣдѣній, необходимыхъ правительству по дѣламъ управленія королевствомъ. „Чтобы не нарушать чистоту этого источника свѣдѣній, чтобы не давать этимъ лучамъ свѣта теряться въ идеальномъ пространствѣ необходимо, чтобы палаты строго держались статьи 154 о представительствѣ. Эта статья не уполномочиваетъ палаты дѣлать критическій разборъ хода управленія или дѣлать правительству какіе-либо упреки; она уполномочиваетъ палаты единственно выражать свои мнѣнія по поводу сообщеній, сдѣланныхъ сейму. Подобное мнѣніе, чтобы имѣть возможность доставить какую-либо дѣйствительную пользу, должно заключать въ себѣ выраженіе какого-либо положительнаго желанія или заявленіе какой-либо настоятельной потребности. Но это мнѣніе не должно касаться общихъ началъ или теоретическихъ отвлеченностей, ложное примѣненіе которыхъ нерѣдко причиняло пагубныя послѣдствія; оно не должно состоять изъ упрековъ, дѣлаемыхъ правительству неопредѣленно, какъ, напр., что оно дѣйствовало слишкомъ поспѣшно, начало одновременно слишкомъ много дѣлъ, не всегда обращало свое вниманіе на предметы, требовавшіе по преимуществу его первой заботливости и т. д. Это все такіе упреки, которые также легко отважиться сдѣлать, какъ трудно доказать ихъ правильность, полезность и цѣлесообразность. Польза этого мнѣнія будетъ несомнѣнна, когда оно будетъ ограничиваться выраженіемъ пожеланій, указаніемъ потребностей, вызываемыхъ непосредственно сообщеніями, сдѣланными сейму; когда это мнѣніе будетъ выражено со всею умѣренностью и со всѣмъ уваженіемъ, съ которымъ всѣ общественныя власти должны относиться другъ къ другу. При такомъ условіи мнѣніе палатъ можетъ не только доставить правительству полезныя указанія, могущія способствовать увеличенію общественнаго благосостоянія—общей цѣли усилій правленія и желаній управляемыхъ,—но также содѣйствовать установленію между тѣмъ и другими полнаго соглашенія въ стремленіяхъ и взглядахъ и поддержанію той гармоніи, той правильности каждаго движенія государственнаго механизма, безъ которыхъ нарушается равновѣсіе, балансъ, обязанный уравновѣшивать движенія механизма, чтобы сдѣлать ихъ спокойными, плавными.

Только руководствуясь любовію къ отечеству, очищая мнѣнія отъ всѣхъ предразсудковъ, освобождая ихъ отъ зависимости частныхъ или исключительныхъ выгодъ, выражая ихъ съ простотою и прямодушіемъ, отвергая обманчивую прелесть, столь часто заражающую даръ слова, отъ которой не всегда уберегаетъ и наибольшая чистота намѣреній, если только самое неусыпное зоркое разсужденіе не будетъ постоянно указывать опасности онаго—только при этихъ условіяхъ единственно палаты, исполняя всѣ лежащія на нихъ обязанности, могутъ содѣйствовать осуществленію самыхъ завѣтныхъ желаній родительскаго сердца его величества и опытомъ счастливаго успѣха на дѣлѣ доставить торжество учрежденіямъ, которыми Польша обязана монарху, желающему распространить благотворное ихъ вліяніе и рас-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

той же Европѣ, что, обезпечивая наше счастье, вы нисколько не подвергали опасности поколебать благоденствіе вашей Имперіи; что самый полный порядокъ является другомъ, союзникомъ свободныхъ учрежденій; что подчиненіе, обдуманное и вызванное убѣжденіемъ и чувствомъ, основательнѣе и плодотворнѣе подчиненія, вынужденнаго силою оружія; что чувство признательности въ сущности есть чувство счастья, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всего этого является ненарушимая привязанность, беззавѣтная вѣрность, безграничная преданность,—достоинства и добродѣтели, во всѣ времена составлявшія славу польскаго народа».

Увѣреніями въ чувствахъ признательности императору, выраженіями благодарности за все сдѣланное Польшѣ, готовностію пожертвовать послѣднею каплею крови для поддержанія существованія родины и страны была наполнена рѣчь представителя палаты депутатовъ.

Послѣ этихъ рѣчей послѣдовало закрытіе сейма того же числа.

П. М. Майковъ.

положить, наконецъ, правительство идти навстрѣчу полезныхъ желаній, выраженныхъ общественнымъ мнѣніемъ. Но его величество придаетъ слишкомъ важное значеніе тому, чтобы эти учрежденія, при первомъ ихъ развитіи, не переродились бы, чтобы установленныя власти сообразовались въ дѣйствіяхъ своихъ съ установленными для нихъ правилами, чтобы они слѣдовали безъ малѣйшаго уклоненія по пути, ими начертанному и отъ котораго они не могутъ отдалиться, не ввергнувъ себя въ пропасть. Поэтому его величество и предлагаетъ государственному совѣту указать палатамъ тѣ уклоненія, которыя они допустили себѣ въ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей, и тѣ несоотвѣтствующія выраженія, которыя они себѣ дозволили въ своихъ замѣчаніяхъ.

Послѣ этого излагались объясненія по замѣчаніямъ сейма, заканчивавшіяся слѣдующими словами: „Палаты, при первомъ опытѣ осуществленія на дѣлѣ самой главнѣйшей ихъ прерогативы, могли иногда преступить предѣлы, предписанные имъ положеніемъ о народномъ представительствѣ, но государственный совѣтъ не можетъ сомнѣваться въ значеніи, которое его величество придаетъ осуществленію этого столь въ высшей степени полезнаго права. Онъ, конечно, знаетъ, насколько существенно важно правительству учрежденіе, которое доставляетъ ему возможность узнать общественное мнѣніе страны о прошломъ и указываетъ ему желанія оной относительно будущаго. „Я взвѣшу со вниманіемъ ваши прошенія—сказалъ его величество представителямъ королевства,—и надѣюсь, что на будущемъ засѣданіи вашемъ вы узнаете объ удовлетвореніи оныхъ сообразно возможности и обстоятельствамъ“. Эти слова императора и короля являются самымъ точнымъ и въ то же время самымъ общимъ выраженіемъ его воли.

Попытка къ борьбѣ съ Наполеономъ при помощи періодической печати.

Къ сентябрѣ (4-го) 1805 года былъ высочайше утвержденъ докладъ князя А. Чарторыйскаго, въ которомъ онъ писалъ:

«Поверхность, какую пріобрѣтаетъ французское правительство надъ общенароднымъ мнѣніемъ, употребляя газеты и разныя періодическія сочиненія къ распространенію зловредныхъ правилъ своихъ, побуждаетъ меня представить вашему императорскому величеству о необходимости учредить секретную цензуру, посредствомъ которой, съ одной стороны, таковыя сочиненія не могли бы свободно проникать внутрь Россіи, а съ другой—здѣсь выходящія и даже нѣкоторыя издаваемыя въ чужихъ краяхъ могли бы способствовать, дабы представить въ настоящемъ видѣ и нынѣшнее положеніе Европы и благотворныя намѣренія вашего величества по благу общественному.

«Цензура таковая, по мнѣнію моему, должна состоять подъ вѣдомствомъ министра управляющаго иностраннымъ департаментомъ и все, что по части журналовъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, подлежитъ ей, имѣетъ быть возложено на чиновника, который и будетъ тѣмъ заниматься подъ руководствомъ самого министра.

«Упражненія его состоять должны:

1) Въ надзираніи надъ журналами, печатаемыми въ Россіи, и надъ оффиціальными извѣстіями, которыя будутъ помѣщаться въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

2) Въ надзираніи надъ журналами и газетами, выписываемыми изъ чужихъ краевъ, и

3) Въ пріобрѣтеніи нужнаго вліянія надъ журналами и газетами, въ чужихъ краяхъ издаваемыми, такъ и вообще надъ мнѣніемъ обще-

ственнымъ, посредствомъ припечатанія разныхъ статей, соотвѣтствующихъ видамъ и намѣреніямъ Россіи, и изданія разныхъ политическихъ сочиненій, имѣющихъ въ виду благо общественное.

«Относительно перваго пункта: министръ подпишется на одинъ экземпляръ всѣхъ періодическихъ сочиненій, по политическимъ предметамъ въ Россіи издаваемыхъ, и экземпляръ сей будетъ доставляемъ прямо къ чиновнику, упражняющемуся по газетной части. Такъ какъ сочиненія сего рода прежде, нежели отдаются здѣсь въ печать, бываютъ просматриваемы университетскою цензурою, то хотя и съ вѣроятностью полагать можно, что ничего несовмѣстнаго достоинству вашего величества и ничего могущаго ввести въ заблужденіе мнѣніе народное, помѣщено въ нихъ не будетъ; но тѣмъ не менѣе нужно, чтобъ чиновникъ, занимающійся сею частью, имѣлъ свѣдѣніе о содержаніи ихъ, и чтобъ онъ могъ, буде сверхъ всякаго чаянія могло въ нихъ вкрасться что-либо противное видамъ и настоящей пользѣ Имперіи, сдѣлавъ изъ того выписку, представить министру, замѣтя приличнѣйшія средства, какъ исправить вредное впечатлѣніе, какое таковая статья произвести можетъ, и предупредить, чтобы издатель не сдѣлалъ впредь подобной погрѣшности. Самое же сочиненіе должно быть сохранено у него съ отмѣткою въ оном какъ примѣчанія, имъ сдѣланнаго, такъ рѣшенія, вслѣдствіе того даннаго министромъ.

«Кромѣ того, что чиновникъ, занимающійся по части газетной, долженъ устремить все свое вниманіе на замѣчаніе статей, вредныя впечатлѣнія произвести могущихъ, онъ имѣетъ также выписывать со тщаніемъ помѣщенныя въ тѣхъ сочиненіяхъ историческія происшествія, служащія ко славѣ Россіи или упоминающія о разныхъ учрежденіяхъ, вашимъ величествомъ сдѣланныхъ, и которыя послужатъ къ утвержденію всеобщаго мнѣнія о человѣколюбіи вашемъ и о попеченіи касательно пользы вашихъ подданныхъ.—Выписки таковыя имѣютъ быть переведены на разные языки и доставлены къ издателямъ періодическихъ сочиненій внѣ Россіи для помѣщенія въ оныхъ.

«Чиновникъ, занимающійся по газетной части, имѣетъ также составлять разныя статьи относительно политическихъ предметовъ, какія министръ признаетъ за нужное помѣстить въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», и оныя будутъ припечатываемы подъ статьею: «Изъ С.-Петербурга». Въ тѣхъ же вѣдомостяхъ можно помѣщать и другія извѣстія, но оныя не будутъ уже подъ статьею «Изъ Петербурга» и, слѣдовательно, не должны почитаться оффиціальными.

«Относительно втораго пункта. Кромѣ журналовъ и газетъ, которыя министръ получать будетъ для собственнаго своего употребленія, будетъ онъ выписывать также извѣстнѣйшія періодическія сочиненія, въ Европѣ издаваемыя. Экземпляръ сихъ сочиненій, безъ всякой пере-

мѣны (исключенія?) въ оныхъ, присылаться будетъ съ почты, тотчасъ по полученіи, прямо къ чиновнику, управляющему по газетной части. Онъ имѣетъ заняться прочтеніемъ оныхъ и составленіемъ изъ нихъ двухъ выписокъ, изъ коихъ первая заключать должна извѣстія, заслуживающія вниманія, и все, что особливо примѣчательнаго найдется въ нихъ въ пользу или противъ Россіи, а во второй входить имѣютъ статьи, которыя по содержанію ихъ должны быть уничтожены или требующія возраженія прямо ли именемъ Россіи или постороннимъ образомъ. Чиновникъ, занимающійся по части газетъ, получа приказаніе отъ министра касательно отвѣта на таковыя сочиненія, имѣетъ заняться составленіемъ онаго, дабы представить его съ выпискою изъ газетъ слѣдующей почты.

«Если министръ признаетъ нужнымъ уничтоженіе какой-либо статьи изъ газетъ, онъ сообщитъ немедленно С.-Петербургскому почтамту объ удержаніи той газеты.

«Относительно третьей статьи. Чиновникъ, употребленный по газетной части, имѣетъ попеченіе открывать находящихся въ Петербургѣ корреспондентовъ издателя «Гамбургской газеты» и посредствомъ ихъ употреблять стараніе о помѣщеніи въ сію газету разныхъ статей, могущихъ споспѣшествовать къ славѣ Россіи. Онъ имѣетъ пещись равнымъ образомъ о снисканіи здѣсь связей съ людьми, упражняющимися въ словесности, дабы черезъ посредство ихъ упражненій снабжать писателей въ нѣмецкой землѣ политическими извѣстіями, могущими способствовать видамъ Россіи. Онъ имѣетъ представлять также министру замѣчанія свои, какимъ образомъ министры наши въ чужихъ краяхъ могутъ содѣйствовать къ склоненію тамошнихъ писателей наполнять сочиненія ихъ правилами здѣшней системы.

«Чиновникъ, по сей части занимающійся, долженъ вести точные журналы своихъ упражненій, какъ-то: примѣчаній, къ которымъ разныя періодическія сочиненія служили поводомъ; рѣшеній, по тому послѣдовавшихъ отъ министра, и съ какимъ успѣхомъ разныя сочиненія съ нашей стороны помѣщаемы были въ иностранныхъ вѣдомостяхъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, чтобъ размноженіемъ таковыхъ сочиненій, въ добромъ намѣреніи и въ хорошихъ правилахъ составленныхъ, не располагалось мнѣніе общественное.

«Прилично, чтобъ сочинители иностранные были награждены по мѣрѣ услугъ, ими оказанныхъ. Тѣмъ, которые могутъ быть награждены публично, можно пожаловать медали съ изображеніемъ вашего величества, другихъ же награждать втайнѣ.

«Когда чиновникъ, занимающійся по газетной части, получитъ достаточныя удостовѣренія о приверженности нѣкоторыхъ писателей къ Россіи, онъ имѣетъ стараться привлечь также нѣкоторыхъ типографщи-

ковъ, которымъ бы, смотря по обстоятельствамъ, надежнымъ образомъ можно было ввѣрить напечатаніе статей или и цѣлыхъ сочиненій противу правительствъ, которыми бы Россія имѣла причину быть недовольною.

«Для облегченія чиновника, упражняющагося по газетной части въ трудахъ его, даны ему будутъ помощники, которые имѣютъ быть выбраны изъ чиновниковъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, знающихъ какъ россійскій, такъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки.

«Представляя о семъ вашему императорскому величеству, пріемлю смѣлость испрашивать по оному предмету высочайшаго повелѣнія».

Императоръ Александръ I повелѣлъ поручить это дѣло Павлу Гавриловичу Дивову, завѣдывавшему въ то время секретнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

«Препровождая при семъ къ вашему превосходительству,—писалъ ему кн. А. Чарторыйскій [1]),—записку, высочайше апробованную государемъ императоромъ объ учрежденіи здѣсь секретной цензуры, честь имѣю сообщить вамъ, что приведеніе въ дѣйствіе разныхъ предположеній, въ оной предначертанныхъ, по волѣ его величества, возлагается на попеченіе ваше до дальнѣйшаго впредь распоряженія.

«И потому рекомендуя вамъ приступить немедленно къ соображенію всѣхъ средствъ, какія могутъ споспѣшествовать къ исполненію сего полезнаго и важнаго учрежденія и дать оному первоначальное движеніе,—увѣренъ я, что вы не упустите сего случая дѣятельнымъ исполненіемъ возлагаемаго на васъ порученія заслужить монаршее благоволеніе и содѣйствовать пользѣ общественной.

«Пребываю, впрочемъ, съ истиннымъ почтеніемъ» и проч.

П. Г. Дивовъ принялся дѣятельно за порученную ему работу: составлялъ выписки изъ иностранныхъ газетъ и представлялъ ихъ князю Чарторыйскому. Послѣдній поручилъ ему «безъ потери времени заняться составленіемъ возраженій на разныя статьи касательно Россіи, во французскихъ газетахъ помѣщаемыя, особенно же тѣ, которыя хотя и заключаютъ въ себѣ ложныя показанія, какъ въ разсужденіи видовъ нашихъ на Турцію, Персію и проч., но по изъясненнымъ вамъ причинамъ въ публику в ы п у с к а ю т с я». Князь Чарторыйскій просилъ Дивова «поставить себя въ сношенія съ иностранными издателями газетъ и періодическихъ сочиненій».

Исполнить скоро послѣднее желаніе князя было трудно, а возраженія, печатаемыя въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», конечно, не достигали цѣли, такъ какъ читались только въ Россіи. Тогда пришли къ мысли о необходимости издавать въ С.-Петербургѣ журналъ на фран-

[1]) Въ письмѣ отъ 9-го сентября 1805 г.

цузскомъ языкѣ; но въ столицѣ не было ни порядочной типографіи, ни достаточнаго числа рабочихъ для набора французскаго текста. Это заставило князя Чарторыйскаго пріобрѣсти одну изъ заграничныхъ типографій, и дѣло это скоро устроилось.

«Поручивъ вамъ,—писалъ онъ П. Г. Дивову [1]),—дѣло относительно покупки типографіи въ Брауншвейгѣ отъ типографщика Александра Плюшара, равно и попеченіе о выписаніи самаго типографщика Плюшара съ шестью работниками, на который конецъ ваше превосходительство получили уже изъ государственнаго казначейства для остаточныхъ суммъ 4.000 рублей ассигнаціями и 900 голландскихъ червонныхъ. Долженъ вамъ еще объявить, что, на основаніи предложенія онаго типографщика, государю императору всемилостивѣйше угодно, чтобы вы, съ вашей стороны объявили, что сей типографщикъ Плюшаръ, со дня подписанія условій ѣхать сюда, имѣетъ получать по 2.000 руб. годоваго жалованья, доколѣ учрежденіе онаго не будетъ достаточно для пристойнаго содержанія, а потомъ будетъ получать токмо по тысячѣ рублей и пользоваться всѣми выгодами заведенія сего, вновь учреждаемаго».

Пока Плюшаръ ѣхалъ въ Россію, князь Чарторыйскій ушелъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ и управляющимъ министерствомъ былъ назначенъ баронъ А. Будбергъ. Продолжая начатое дѣло, онъ писалъ П. Г. Дивову [2]):

«Его императорскому величеству всемилостивѣйше угодно было указать учредить особую экспедицію для сочиненія и издаванія французскаго журнала подъ названіемъ «Journal du Nord» и поручить какъ оную (экспедицію), такъ и принадлежащую къ сему предмету типографію въ надзоръ вашего превосходительства. Приложенный при семъ штатъ [3]) экспедиціи сей служить вамъ будетъ руководствомъ для заплаты окладовъ всѣмъ и каждому, равномѣрно и для другихъ статей, въ ономъ содержащихся.

«Но какъ разсуждено за благо, чтобъ сіе новое заведеніе не имѣло явнаго вида, яко бы управляется правительствомъ, того ради именнымъ секретнымъ указомъ отъ 20-го сентября къ г. министру внутреннихъ дѣлъ высочайше повелѣно, чтобъ потребная сумма 13.000 руб. на содержаніе сего заведенія каждогодно отпускаема была изъ общихъ доходовъ по почтовому правленію по моимъ предложеніямъ. На семъ основаніи обязаны вы, по востребованію надобностей, входить ко мнѣ съ представленіями для полученія надобныхъ суммъ и удовлетворять ежемѣсячно какъ гг. редакторовъ и чиновниковъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, такъ и типографщиковъ и другихъ служителей типографіи

[1]) Въ письмѣ отъ 3-го апрѣля 1806 г.
[2]) Въ письмѣ отъ 25-го сентября 1806 г.
[3]) Штата при письмѣ не оказалось.

сообразно суммамъ, означеннымъ въ штатѣ на всѣ предметы. На который конецъ завести слѣдуетъ вамъ книги для росписокъ и общаго отчета вашего, а ко мнѣ будете представлять рапортами объ издержкахъ.

«Относительно чиновниковъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ увѣдомляю ваше превосходительство, что по настоящему назначенію слѣдуетъ вамъ выдавать по 300 рублей въ годъ гг. ассессорамъ Блудову и Ланскому [1]), также и переводчикамъ Коху и Страндману. Впредь же еслибъ который изъ вышепомянутыхъ чиновниковъ особымъ какимъ-либо порученіемъ удалился отъ упражненій по сей экспедиціи, въ такомъ случаѣ изъ прочихъ сотрудниковъ опредѣлены будутъ на ихъ мѣста по моему выбору.

«Для приведенія въ надлежащее устройство типографіи сообразно съ общими учрежденіями цензуры и съ другими мѣрами осторожности, согласенъ я на то, чтобъ представленный вашимъ превосходительствомъ проектъ инструкціи для типографщика Плюшара былъ приведенъ въ дѣйство и вами врученъ ему».

Первые шаги редакціи газеты не вполнѣ удовлетворяли Будберга, и 14-го октября 1806 г. онъ писалъ П. Г. Дивову [2]):

«Всѣ, присланные вами до сихъ поръ, пробные нумера газеты содержатъ почти исключительно только одни извлеченія, касающіяся главнѣйшихъ событій, сообщаемыхъ прочими газетами. Изложеніе ихъ не даетъ мнѣ возможности судить о талантливости тѣхъ лицъ, кои намѣчены въ редакторы означенной газеты. Я надѣюсь, однако, что эти господа поймутъ въ скоромъ времени, въ какомъ именно смыслѣ я хотѣлъ бы, чтобы они работали, и что вамъ, послѣ нѣсколькихъ пробъ, удастся доставить намъ упомянутую газету въ томъ видѣ, каковой она должна имѣть, чтобы заслужить одобреніе императора и соотвѣтствовать намѣченной цѣли. Было бы излишне останавливаться долѣе на томъ, что говорилось въ различныхъ французскихъ газетахъ, по поводу ратификаціи мира 8-го (20-го) іюля, ибо касательно этого вопроса, который подвергался столько разъ обсужденію, я имѣю записку, заключающую всѣ тѣ замѣчанія и поправки, какія намъ нужны. Вслѣдствіе этого предлагаю вамъ, внимательно просмотрѣть французскія газеты: «Moniteur», «Publiciste» и другіе журналы, появившіеся позднѣе той злостной статьи, о которой идетъ рѣчь, и поручить г. маркизу де Мемнону и двумъ другимъ редакторамъ, чтобы они, каждый отдѣльно, написали опроверженіе на статьи, появившіяся позднѣе, съ цѣлью представить событія въ ложномъ свѣтѣ и повредить правому дѣлу. Придерживаясь въ этомъ случаѣ правилъ, намѣченныхъ вамъ разъ навсегда, передайте гг. редакторамъ,

---

[1]) Впослѣдствіи оба были министрами.

[2]) Письмо на французскомъ языкѣ, и здѣсь предлагается его переводъ.

что они должны обращать вниманіе не только на то, что̀ содержится въ означенныхъ газетахъ оскорбительнаго для Россіи, но и на все то, что̀ по ихъ понятію противно системѣ, принятой нашимъ дворомъ. Статья Брюссельской газеты по поводу такъ называемыхъ совѣтниковъ, имѣющихъ вліяніе на Потсдамскій кабинетъ, и другія тому подобныя статьи принадлежатъ къ числу тѣхъ, коихъ не слѣдуетъ обходить молчаніемъ.

«Надѣюсь, что редакторы не упустятъ настоящаго случая доказать, что они во всѣхъ отношеніяхъ подходятъ къ возложенной на нихъ задачѣ и что, руководствуясь вашими указаніями, они справятся съ нею удовлетворительнымъ образомъ».

О дальнѣйшемъ ходѣ изданія «Journal du Nord» мы не имѣемъ свѣдѣній, но несомнѣнно, что таковыя находятся въ одномъ изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Сообщилъ **Н. Д.**

Письмо М. М. Сперанскаго—С. С. Уварову, по поводу избранія его почетнымъ членомъ Академіи Наукъ.

17-го сентября 1819 г. Иркутскъ.

При письмѣ вашего превосходительства отъ 23-го іюня я имѣлъ честь получить дипломъ, коимъ угодно было императорской академіи наукъ почтить меня. Любовь къ наукамъ и искреннее уваженіе къ сему знаменитому сословію составляетъ всю мою заслугу; но академія взирала не на дѣла и поставила высокую цѣну самымъ побужденіямъ.

И въ Сибири побужденія сіи сохранили свою силу. Здѣсь все напоминаетъ труды членовъ академіи. Натуральная и политическая исторія, географія, древности Сибири, все есть ихъ произведенія. Путешествія ихъ въ сихъ странахъ, тогда еще не приступныхъ, всегда будутъ памятниками ихъ славы, эмблемой усилій разума человѣческаго въ путяхъ истины. Въ заключеніе позвольте мнѣ здѣсь принести вашему превосходительству, какъ президенту сего сословія, особенную благодарность. Чувство уваженія, въ семъ званіи вамъ изъявляемое, имѣетъ нѣчто столь отличное отъ обыкновенныхъ увѣреній, столь устраненное отъ подозрѣній лести, что и изъявлять его безъ оскорбленія скромности и принимать безъ тщеславія можно. Съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ и искреннею преданностію честь имѣю быть вашего превосходительства покорнымъ слугою М. Сперанскій.

Сообщ. П. М. Майковъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Воспоминанія офицера генеральнаго штаба.

Затишье.

Память—одно изъ самыхъ благодатныхъ даровъ неба. Для меня нѣтъ высшаго наслажденія, какъ погружаться въ прошедшее. Воспоминаніе, какъ лучъ луннаго свѣта, имѣетъ свойство озарять прошедшее какъ разъ настолько, что худое не замѣчаешь, все хорошее кажется еще лучше.

Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II Выпускъ XII, стр. 364.

I.

Нѣчто о смертельной блѣдности.—Служба и жизнь въ батареѣ.—Командиры батарей: Яновъ, Осиповъ, Гильдебрандъ.—Высшее начальство: Леманъ, Шейдеманъ.—Фейерверкеръ Рядинскихъ.—Д. С. Нагловскій.—Генералъ Добровольскій.

Въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины» [1]), описывая мой послѣдній разговоръ съ генераломъ Добровольскимъ, я выразился такъ: «Когда я взглянулъ на него, то былъ пораженъ его необычайной блѣдностью; это была уже не блѣдность, а какой-то сѣрый, землистый цвѣтъ лица».—И далѣе: «Не выходила у меня изъ головы эта смертельная блѣдность Добровольскаго».

---

[1]) См. стр. 455.

Не знаю, допустимо ли по наукѣ, чтобы на лицѣ человѣка, вполнѣ, повидимому, здороваго, могла отпечатлѣться печать смерти, къ нему грядущей, къ нему близкой; думаю, что это возможно и что это бываетъ, и если по наукѣ, въ теперешнемъ ея развитіи, этого не должно быть, то, вѣроятно, потому, что это еще тайна.

Какъ бы то ни было, но по поводу этого случая, этой особой какой-то блѣдности Добровольскаго, я припоминаю еще два случая въ моей жизни, когда я видѣлъ такую же смертельную блѣдность и съ такимъ же концомъ—смертью, послѣдовавшей почти вслѣдъ за симъ. Долженъ прибавить, что хотя во всѣхъ трехъ случаяхъ необычайная блѣдность эта обращала на себя, противъ воли, особое мое вниманіе, притягивала меня къ себѣ, неотступно преслѣдовала и даже безпокоила, но въ ту минуту я не сознавалъ, что это было преддверіе къ смерти. Я былъ ею пораженъ, она врѣзывалась мнѣ въ память, но объясненіе этой блѣдности и подтвержденіе того, что она особенная, что она бросилась мнѣ въ глаза и запечатлѣлась во мнѣ не съ проста, я получалъ уже послѣ, но во всѣхъ трехъ случаяхъ очень скоро.

Для поясненія того, что я хочу разсказать, мнѣ приходится вернуться къ давно прошедшимъ временамъ и далеко ушедшей моей молодости, къ началу 60-хъ годовъ и службѣ моей въ полевой конной артиллеріи, воспоминанію о которой я и отношу вышеприведенный эпиграфъ.

Я вышелъ изъ Пажескаго корпуса въ 1860 году настолько юнымъ, что мнѣ пришлось, въ силу существовавшихъ тогда правилъ, по производствѣ въ офицеры, поступить въ одну изъ академій: артиллерійскую или инженерную. Увлекаясь лекціями талантливаго профессора фортификаціи генерала Квиста, я выбралъ инженерную академію и долженъ былъ, уже произведеннымъ 16-го іюня въ офицеры, держать дополнительный экзаменъ въ августѣ изъ разныхъ высшихъ наукъ. Мечталъ я выйти въ гродненскіе гусары, но кто-то, добрый человѣкъ, посовѣтовалъ этого не дѣлать, такъ какъ, по его словамъ, достаточно было бы знаменитому ученому, тогдашнему профессору и академику Остроградскому, увидѣть передъ собой гусара, чтобы, не долго думая, поставить ему нуль. Я послушался совѣта, подумавъ, что дѣйствительно гусаръ и интегралы какъ-то несовмѣстимы, и вышелъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, который тогда назывался лейбъ-гвардіи Гатчинскимъ.

Поступные экзамены въ академію сошли блистательно, и даже самъ страшный Остроградскій поставилъ мнѣ 12. Какъ теперь помню, изъ дифференціаловъ рѣшалъ я Тайлорову и Маклоренову теорему, а интегральную задачу рѣшалъ «по способу нашего знаменитаго математика

Остроградскаго»,—фразу мною съ разбѣга сказанную и вызвавшую благосклонную улыбку огромнаго, одноглазаго Остроградскаго [1]).

Въ академіи пришлось пробыть недолго, и въ январѣ 1861 года я перешелъ въ строй, а осенью 1861 былъ переведенъ, по собственному желанію, въ полевую конную артиллерію.

Въ батарею ѣхать я не думалъ, разсчитывая поступить, по истеченіи установленнаго срока, въ артиллерійскую академію, но, на мою бѣду, тогдашній главный распорядитель моей службы, вѣроятно очень почтенный, но относительно меня весьма строгій генералъ Якимахъ, приказалъ мнѣ, безъ разсужденій, ѣхать въ городъ Зміевъ, гдѣ стояла 11-я батарейная батарея 6-й конной артиллерійской бригады, въ которую я былъ переведенъ.

Хотя въ корпусѣ мы учились географіи у очень хорошаго преподавателя, всѣмъ пажамъ того времени весьма памятнаго Порфирія Никитича Бѣлохи, но о городѣ Зміевѣ я узналъ впервые отъ генерала Якимаха; я бросился справляться, что такое Зміевъ, и узналъ, что это уѣздный городъ Харьковской губерніи, а пріѣхавъ на мѣсто, увидѣлъ что къ Зміеву вполнѣ можно примѣнить стихи Лермонтова:

Зміевъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда [2]).

И дѣйствительно, Зміевъ въ то время былъ такимъ захолустьемъ что даже почта, приходившая къ намъ два раза въ недѣлю изъ Харькова, сдавъ корреспонденцію, возвращалась обратно, такъ какъ дальше «шляху» не было [3]).—Теперь черезъ Зміевъ проходитъ желѣзная дорога, а тогда было по извѣстному опредѣленію прежнихъ уѣздныхъ городовъ: соборъ, гостиный дворъ, острогъ и заборъ.—Заборовъ было много, а еще болѣе пустырей.

По первому впечатлѣнію было совсѣмъ плохо, но мнѣ было тогда 18 лѣтъ, а въ эти годы и Зміевъ терпимъ.

Командовалъ батареей почтеннѣйшій и добрѣйшій полковникъ Николай Алексѣевичъ Яновъ, совсѣмъ глухой, совершенно по-отечески относившійся къ молодымъ офицерамъ; благодаря ему мы, молодежь, скоро познакомились съ окрестными помѣщиками, ѣздили къ нимъ въ гости, пропадали по нѣсколько недѣль изъ Зміева, конечно, всѣ влюбля-

---

[1]) У Остроградскаго одинъ глазъ вытекъ, болѣлъ и всегда слезился, вслѣдствіе чего передъ нимъ на каѳедру ставили стаканъ съ водой, въ который онъ опускалъ пальцы и протиралъ глазъ, но такъ какъ онъ въ то же время нюхалъ табакъ и очень усердно, то въ стаканѣ скоро оказывалась какая-то муть.

[2]) Казначейша. У Лермонтова: „Тамбовъ“.

[3]) Почтовой или вообще большой дороги.

лись въ дочекъ или молодыхъ женъ сосѣдей и даже рѣшились отблагодарить нашихъ радушныхъ хозяевъ, пригласивъ ихъ на балъ въ Зміевъ. Общими усиліями всѣхъ чиновъ батареи балъ устроили въ классахъ уѣзднаго училища, за отсутствіемъ полотеровъ сами натирая полъ стеариновыми огарками. Молодость скрашивала все, и мы веселились до упада.

Тѣ давно прошедшія времена, начало 60-хъ годовъ, были въ Россіи временемъ большаго расцвѣта мысли. Въ Петербургѣ уже гремѣли своими знаменитыми публичными лекціями въ залахъ Пассажа и Городской думы: Лавровъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Костомаровъ, Павловъ; романъ Чернышевскаго «Что дѣлать» былъ уже всѣми прочитанъ, жизнь кипѣла, явились разныя вѣянія и теченія, а у насъ въ батареѣ была тишь и благодать, не возмущаемая никакими ни вѣяніями, ни теченіями. Хозяйственные вопросы, особенно фуражный, сбереженіе лошадей и ихъ тѣла составляли главную заботу высшихъ чиновъ и ихъ ближайшихъ помощниковъ, молодые же офицеры были отъ этихъ заботъ отстранены и имъ предоставлялась большая свобода жизни.

Главными дѣятелями и помощниками командировъ естественно были: вахмистръ, каптенармусъ, фуражиръ, старшій писарь—эти дѣйствительные столбы батареи, которые играли гораздо бо̀льшую роль, чѣмъ офицеры, особенно молодые; послѣдніе представляли изъ себя только неизбѣжную принадлежность батареи, состояли по штату.

Ниже я приведу довольно яркій примѣръ этой оригинальной службы.

Старшіе офицеры, видавшіе Дунай и Силистрію 1854-го года, а также Севастополь, уже сѣдые штабсъ-капитаны и поручики: Николай Гавриловичъ Анучинъ, Станиславъ Клементьевичъ Гуща и Александръ Николаевичъ Писаревъ, были большими знатоками службы, отличными офицерами, но имъ разрѣшалось вмѣшиваться только въ строевую подготовку батареи, администрація же и въ особенности хозяйственная часть до нихъ не касалась. По службѣ особенно выдѣлялся А. Н. Писаревъ, еще не старый, хотя совсѣмъ сѣдой поручикъ, энергичный, живой, отличный ѣздокъ, богато одаренный отъ природы и образованный человѣкъ, но въ служебномъ отношеніи заглохшій среди Зміевской тишины и черепашьяго чинопроизводства, при неимѣніи даже случаевъ себя заявить. Писаревъ взялъ меня подъ особое свое покровительство; я былъ прилежнымъ его ученикомъ—онъ требовательнымъ, но добрымъ, опытнымъ учителемъ и скоро товарищи стали меня дразнить, говоря: лихой конно-артиллеристъ Паренсовъ, ученикъ знаменитаго конно-артиллериста Писарева.

Съ тѣхъ поръ прошло 40 лѣтъ, но я былъ бы счастливъ, если бы А. Н. Писаревъ прочиталъ эти, хотя и запоздалыя, но все же горячія слова моей любви и благодарности, къ нему обращенныя.

Батарейный командиръ Яновъ, какъ я уже сказалъ, былъ прекрасный человѣкъ, хорошій хозяинъ, мягкій, даже слабый. Главными его помощниками по управленію батареей были: вахмистръ Евдокимъ Ежковъ, котораго солдаты, какъ водится, почтительно величали по имени и отчеству: Евдокимъ Филипповичъ, знаменитый тѣмъ, что, будучи силачемъ, очень строго (говоря по-кавалерійски) ѣздилъ, больно дрался и сильно пилъ, но никогда не былъ пьянъ. Другой дѣятель батареи былъ каптенармусъ Костырко—шевронистъ, какъ тогда выражались: «на вторительной службѣ» [1]). Поименованныя мною лица были безусловно столбами батареи; она на нихъ покоилась, они вели ея жизнь и ее оберегали. Но эти два лица были все же представителями грубой силы, а былъ еще столбъ, но уже другой формаціи, интеллигентъ, старшій писарь тоже шевронистъ—Демченко. Выдающагося ума и способностей, вслѣдствіе чего мы иногда называли его министромъ, съ массой нашивокъ на лѣвомъ рукавѣ, горьчайшій пьяница, Демченко былъ дорогъ для батареи и славился особенно тѣмъ, что умѣлъ отписываться. Адъютанта въ батареѣ не полагалось и канцеляріей завѣдывалъ обыкновенно одинъ изъ младшихъ офицеровъ, совершенно неопытный, и вотъ бывало пришлютъ сверху запросъ: почему, да отчего, да на какомъ основаніи? Конечно, мы, неопытные юнцы, не знаемъ, что дѣлать и что отвѣтить.

Зоветъ Яновъ Демченку, показываетъ бумагу, и начинается цѣлый діалогъ: «Демченко, читалъ ты эту бумагу?» —«Точно такъ, ваше в-іе, читалъ»,—тоненькимъ дискантомъ отвѣчаетъ Демченко.—«Ну, такъ какъ же намъ быть?»—«Не могу знать, ваше в-іе».—«Надо отвѣтить».—«Точно такъ, ваше в-іе; надо отвѣтить; нельзя не отвѣтить» и затѣмъ, послѣ паузы, какъ будто раздумывая, Яновъ, съ добрымъ лицомъ и мягко спроситъ: «а можно отвѣтить?» Демченко, очевидно сознавъ, что онъ властвуетъ надъ положеніемъ, весьма рѣшительно отвѣчаетъ: «Можно, ваше в-іе» и затѣмъ пишетъ, да такъ, что какъ будто бы и хорошо выходитъ.

Да какой степени царствовали разные Ежковы и Демченки, видно изъ слѣдующаго.

Батарею нашу перевели въ 1864 году въ м. Тарговицы, Кіевской губерніи, Уманьскаго уѣзда. Жизнь наша стала куда хуже, въ жидовскомъ мѣстечкѣ, въ еврейскихъ квартирахъ, вдали даже отъ Умани, съ помѣщиками поляками, да еще сейчасъ послѣ 1863 года. Къ тому же Яновъ вышелъ въ отставку, и батареей командовалъ полковникъ Осиповъ, тоже добрѣйшій человѣкъ, но очень старый холостякъ, чрезвычайно богатый и до невозможности скупой. Будучи одинокимъ, Осиповъ кормилъ всѣхъ офицеровъ батареи—5 человѣкъ, но, Боже мой, что

[1]) По-теперешнему—на сверхсрочной службѣ.

это были за обѣды. Ходили, потому что нельзя было не ходить. Я, кажется, никогда не забуду знаменитый Осиповскій хересъ: темно-коричневый, густой, невозможный даже для нашихъ тогдашнихъ молодыхъ и нетребовательныхъ вкусовъ и желудковъ. Послѣ этихъ обѣдовъ, отъ которыхъ Лукуллъ, конечно, съ ужасомъ отвернулся бы, да и мы ѣли ихъ скрѣпя сердце, молодая компанія отправлялась довольно часто въ сосѣднюю винную лавку, конечно, еврейскую, пить портеръ; а иногда заказывали даже что-нибудь поѣсть. За прилавкомъ царила дочь хозяина, строгая красавица Гита, служившая, между прочимъ, не малой приманкой для посѣтителей, конно-артиллеристовъ.

Лошадей берегли такъ, что онѣ сдѣлались какъ боровы. Не было уже «горячихъ» конно-артиллерійскихъ ученій, которыя хотя и не часто, но все же бывали при Яновѣ. Осиповъ, у котораго болѣли ноги, выѣзжалъ передъ батареею, если было мокро, въ глубокихъ галошахъ. Ученью предпосылалось поученіе съ стереотипной фразой: «Конная артиллерія должна учиться на карьерѣ; но»—и тутъ бралась высокая нота—«для того, чтобы учиться на карьерѣ, надо прежде выучиться шагомъ». И мы ползали шагомъ, никогда не доходя до карьера.

При Осиповѣ всѣ столбы батареи Ежковъ, Демченко и проч. сдѣлались еще сильнѣе, и вотъ примѣръ. Вслѣдствіе перемѣщенія нашей бригады изъ Харьковской губерніи въ унылыя мѣстечки Кіевской—Тарговицу и Бабанку, нѣсколько старшихъ офицеровъ, по семейному и имущественному положенію, вышли въ отставку и я, несмотря на молодость, оказавшись по старшинству вторымъ офицеромъ въ батареѣ, командовалъ вторымъ дивизіономъ, который, вслѣдствіе тѣсноты размѣщенія въ Тарговицѣ, вывели въ деревню. По вечерамъ обыкновенно являлся ко мнѣ съ рапортомъ старшій фейерверкеръ Гончаренко, носившій очень странное имя: Сазонъ. Такого имени въ дѣйствительности и нѣтъ; есть св. Сасоній, и, вѣроятно, это была передѣлка: Сасонъ въ Сазонъ.

Огромнаго роста, съ огненнорыжими волосами, выстриженными подъ гребенку, рябой Гончаренко становился у притолки и, докладывая о благополучіи, обыкновенно говорилъ: «все благополучно, лошади всѣ здоровы», прибавляя иногда: «и люди тоже»; когда же онъ о людяхъ умалчивалъ, то я, принадлежавшій къ молодому поколѣнію 60-хъ годовъ, конечно, спрашивалъ: «а люди?» на что Гончаренко хотя и отвѣчалъ: «ничего, ваше благородіе, люди тоже не болѣютъ», но такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: стоитъ о такихъ пустякахъ спрашивать; если кто заболѣетъ, то въ околодокъ пошлемъ, а за лошадь деньги заплачены, да и начальство взыщетъ.

Однажды этотъ Гончаренко явился ко мнѣ довольно поздно вечеромъ, уже послѣ вечерняго рапорта и доложилъ, что завтра намъ надо

идти въ Тарговицу на батарейное ученье. Когда же я спросилъ, полученъ ли о томъ приказъ, то Гончаренко, конфузясь, отвѣчалъ, что приказа нѣтъ, но что онъ получилъ письмо и вынулъ изъ-за лѣваго обшлага шинели записку, буквально слѣдующаго содержанія: «Любезный кумъ Сазонъ Кирилловичъ. Приходите съ дивизіономъ завтра къ 10-ти часамъ на ученье въ Тарговицу. Доложите поручику Паренсову. Любящій васъ Евдокимъ Ежковъ». Сначала я было разсердился, хотѣлъ остаться и не пойти на ученье, но потомъ раздумалъ и пошелъ.

Разсказавъ про малую подвижность батареи при Осиповѣ, я долженъ сказать, что не всѣ батарейные командиры того времени были ему подобны. Были и замѣчательно лихіе, извѣстные всей конной артиллеріи. Такимъ былъ, напримѣръ, нашей же бригады, командиръ 12-й облегченной батареи Платонъ Ивановичъ Гильдебрандъ. По недостатку офицеровъ въ 12-й батареѣ, меня къ ней прикомандировали, и я пробылъ въ ней около года. Живя одинокимъ съ батареей въ деревнѣ Бабанкѣ, Гильдебрандъ тоже кормилъ всѣхъ офицеровъ, былъ весьма радушнымъ хозяиномъ и, не прибѣгая къ роскоши, устраивалъ такъ, что идти къ нему на обѣдъ было просто праздникомъ въ глухой деревнѣ, гдѣ единственнымъ интеллигентнымъ лицомъ, внѣ офицерской среды, былъ священникъ. Прибавить надо, что, напримѣръ, я жилъ съ товарищемъ Н. Н. Мартыновымъ [1]) въ одной половинѣ хаты, т. е. въ одной комнатѣ съ земляным полом, двумя крошечными окошечками безъ двойныхъ рамъ и выходомъ прямо въ сѣни. Понятно, что при такой обстановкѣ ходить обѣдать къ Гильдебранду жившему въ благоустроенномъ домѣ священника, съ крашенымъ, блестящимъ поломъ, составляло развлеченіе и удовольствіе, оживлявшееся радушіемъ и любезностью хозяина, простымъ, но вкуснымъ обѣдомъ.

И у Гильдебранда были свои Ежковы и Демченки, но всѣ они, какъ и вся батарея, были въ желѣзной рукѣ командира. Я считался въ своей 11-й батареѣ бойкимъ офицеромъ, но на первомъ же ученьи въ 12-й батареѣ, ко мнѣ карьеромъ подскакалъ Гильдебрандъ, разнесъ въ пухъ за медленность въ командованіи и объявилъ: «такъ служить въ конной артиллеріи нельзя». На мое счастье, я нашелъ и въ этой батареѣ покровителя и учителя въ лицѣ уже пожилаго, но весьма энергичнаго капитана Куборскаго, который такъ живо и фундаментально меня отшлифовалъ, что я замѣчаній болѣе не получалъ. Любимой штучкой Гильдебранда, которою онъ всегда угощалъ на смотрахъ, въ видѣ апоѳеоза, пріѣзжее начальство, было построить 8-ю орудійную батарею въ колонну изъ середины въ два орудія по 4-му и 5-му орудіямъ на рысяхъ, повернуть ее назадъ въ отступной порядокъ и затѣмъ, скомандовавъ

[1]) Командовавшій впослѣдствіи гвардейской конной батареей въ Варшавѣ.

«4-е и 5-е орудія налѣво кругомъ», подать послѣдовательно, но весьма быстро, одинъ за другимъ, сигналы: «Строить фронтъ» и «карьеръ». По этимъ командамъ и сигналамъ, всѣ орудія заѣзжали налѣво и направо кругомъ и вѣеромъ неслись для построенія фронта въ первоначальномъ направленіи. Не давъ еще подойти 1-му и 8-му орудіямъ на линію фронта, Гильдебрандъ подавалъ сигналъ «огонь», орудія снова дѣлали заѣздъ, снимались съ передковъ и открывали стрѣльбу.

Все это дѣлалось на карьерѣ, и картина выходила замѣчательная, а со стороны глядя—страшная; только и слышно было: топотъ копытъ, свистъ срывавшихся подковъ и щелканье нагаекъ ѣздовыхъ. Случалось что орудіе перевертывалось вверхъ колесами при крутомъ заѣздѣ на карьерѣ. Тутъ офицерамъ надо было скакать во всю: иначе сейчасъ попадешь въ постромки.

Особенной лихостью и ловкостью отличались ящичные ѣздовые; ящики тогда были оглобельные и запрягались тройкой въ рядъ, при чемъ ѣздовой сидѣлъ верхомъ на лѣвой, коренной, имѣя двухъ подручныхъ, пристяжныхъ справа. Были такіе молодцы, что при этомъ неудобномъ управленіи ухитрялись продѣлывать, идя въ карьеръ, на-короткѣ, букву S.

На моихъ глазахъ, во время одного изъ ученій 6-й кавалерійской дивизіи подъ Чугуевымъ [1]), ученьи, которое производилъ лихой старикъ, начальникъ дивизіи генералъ Мютонъ, батареѣ нашей приказано было проскакать назадъ въ карьеръ въ интервалы кавалеріи; въ одномъ изъ орудій упалъ съ лошади номеръ, и слѣдовавшій сзади ящичный ѣздовой 1-го орудія Бѣлянскій, скакавшій почти на хвостѣ орудія, успѣлъ продѣлать эту букву S, не задѣвъ лежащаго.

Лихость Гильдебранда помогла ему по службѣ. Я былъ уже въ академіи генеральнаго штаба, но мнѣ писали товарищи изъ батареи, что Гильдебрандъ отличился на маневрахъ подъ Кіевомъ. Тогдашній командующій войсками генералъ Безакъ, тоже старый конно-артиллеристъ, хотѣлъ пустить въ атаку Рижскій драгунскій полкъ; передъ фронтомъ атаки былъ оврагъ съ пнями отъ срубленныхъ деревьевъ по дну, и командиръ полка доложилъ, что по пнямъ полкъ идти въ атаку не можетъ; тогда Безакъ обратился къ Гильдебранду и спросилъ, можетъ ли батарея выѣхать на ту сторону оврага, для обстрѣла противника, на что Гильдебрандъ, отвѣтивъ, что можетъ, пустился въ карьеръ. Три орудія остались съ сломанными колесами и дышлами въ оврагѣ, но

---

[1]) По старой организаціи дивизія состояла изъ 6 полковъ: Стародубовскаго и Рижскаго драгунскихъ, Бѣлгородскаго и Чугуевскаго уланскихъ, Изюмскаго, Ахтырскаго гусарскихъ полковъ и нашихъ двухъ батарей: 11-ой и 12-ой.

пять выскочили на тотъ берегъ и открыли огонь къ великому удовольствію Безака и къ славѣ батареи.

Въ скоромъ времени Гильдбрандъ получилъ этотъ же Рижскій драгунскій полкъ, а въ 1877 году, въ іюнѣ, я встрѣтилъ его въ Журжевѣ, бригаднымъ командиромъ, когда я былъ въ роли Paul Paulson'a и въ соотвѣтственномъ костюмѣ, моемъ сѣромъ пальмерстонѣ [1]).

Высшее начальство, пріѣзжавшее насъ смотрѣть, всегда относилось къ намъ очень любезно, даже ласково. Бригаднаго командира, генерала Овсянникова, мы считали своимъ человѣкомъ, но обязаны были внимательно и съ интересомъ, въ сотый разъ, слушать его разсказъ о томъ, какъ онъ, служа еще въ гвардейской конной артиллеріи, во время царскаго смотра, на глазахъ у государя упалъ, при чемъ сломалъ себѣ ногу, что̀ вызвало вниманіе къ нему и заботу государя. Довольно часто пріѣзжалъ къ намъ любимецъ нашъ, генералъ Николай Александровичъ Леманъ, который пѣшкомъ хромалъ или скорѣе волочилъ правую ногу, но верхо̀мъ ѣздилъ такъ, что мы имъ всегда любовались. У Янова былъ верховый жеребецъ, весьма непокорный; тихій Николай Алексѣевичъ относился къ нему съ почтеніемъ: рѣдко на него садился. На одинъ изъ смотровъ нашей батареи этого жеребца осѣдлали для Лемана, и строптивый конь вздумалъ отнестись и къ Леману такъ же революціонно, какъ онъ съ успѣхомъ относился къ Янову. Стоя во фронтѣ, мы, конечно, не смѣли, но въ душѣ аплодировали Леману, который всадилъ упрямцу такія шпоры, что тотъ сдѣлалъ было скачекъ, но сейчасъ же и смирился. Не одни мы, офицеры, любовались Леманомъ; во время описаннаго сейчасъ эпизода, я, командуя 1-мъ взводомъ, стоялъ на своемъ мѣстѣ, въ головѣ перваго орудія, и когда усмиренный жеребецъ пошелъ, красиво переступая ногами, немножко траверсомъ, вдоль фронта, то услышалъ сзади себя голосъ ѣздоваго: «шалишь братъ; это тебѣ не Яновъ!». Понастоящему слѣдовало бы водворить тишину и даже сдѣлать внушеніе за ея нарушеніе во фронтѣ, но это восклицаніе было такое сердечное и такъ соотвѣтствовало моему личному впечатлѣнію, что я предпочелъ не оборачиваться и промолчать. Пріѣзжали къ намъ, тоже довольно часто, очень добрый, любезный генералъ Петерсъ и даже генералъ Шейдеманъ, севастополецъ, георгіевскій кавалеръ и гроза артиллеріи Харьковскаго округа. Онъ былъ съ нами добръ, только все допекалъ, что мы мало знакомы съ «зелененькой книжкой генерала Безака». На мнѣ, на первомъ отозвалось незнаніе этой книжки. Шейдеманъ приказалъ мнѣ приготовить орудіе къ бою, и я началъ командовать заряжаніе, но Шейдеманъ сейчасъ же остановилъ меня,

[1]) Изъ прошлаго. На войнѣ. Часть 1-я, стр. 44.

сказавъ, что я и начинаю—то не такъ, что прежде всего надо спросить у ефрейтора ключъ, отпереть и открыть зарядный ящикъ; при этомъ онъ наставительно прибавилъ: «а все оттого, что вы не знаете зелененькой книжки Безака».

Изрѣдка пріѣзжалъ очень большой начальникъ, генералъ-адъютантъ Кнорингъ, отличавшійся большими странностями, но, должно быть, тоже очень добрый. Онъ ни за что не соглашался останавливаться у командира батареи, въ единственномъ хорошемъ домѣ нашего Змієва, а потому, за неимѣніемъ гостиницъ, жилъ на постояломъ дворѣ, обѣдъ же у командира принималъ только по окончаніи смотра, продолжавшагося дня три. Онъ однажды распекъ нашего юнкера Богдановича за то, что тотъ недостаточно молодцевато шелъ по улицѣ, прибавивъ въ концѣ своей рѣчи: «Когда конно-артиллерійскій юнкеръ выходитъ на крыльцо своего дома, то вся улица должна это знать!»

Вотъ какія были времена!

Одинъ только разъ за всѣ 4—5 лѣтъ моей службы въ полевой конной артиллеріи насъ огорчилъ инспектирующій генералъ, начальникъ артиллеріи Кіевскаго округа, баронъ Майдель, но это было уже въ Тарговицѣ. Мы приготовились представиться ему на смотръ въ конномъ строю, и каково же было наше изумленіе и огорченіе, когда онъ объявилъ, что «смотръ» будетъ въ пѣшемъ строю, а въ конномъ будетъ не «смотръ», а «батарейное ученье». У нижнихъ чиновъ тогда были длинные до шпоръ рейтузы съ леями [1]); отъ ѣзды кожа выгибалась и всѣ ноги выглядывали кривыми, колесомъ, да и ходили мы очень плохо, за что̀ и получили строгій выговоръ отъ Майделя, который на докладъ Осипова, что намъ ходить пѣшкомъ не приходится—весьма негодующе отвѣтилъ: «помилуйте, а церковный парадъ» и прочиталъ намъ длинное наставленіе о важности пѣшаго строя и о томъ значеніи, которое онъ имѣлъ при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, у котораго Майдель когда-то служилъ.

Непріятныя для насъ стороны Майделя, въ особенности его сухость, вполнѣ сглаживались добротой, вѣжливостью и любезностью его помощника, генерала Олохова.

Меня могутъ спросить: а что же стрѣльба? Долженъ сознаться, что эта главная наша служба обрѣталась у насъ не въ авантажѣ. На практическую стрѣльбу конечно ходили, но ходили, такъ сказать, только чтобы «отбыть» практику и представить журналъ. Да и пушечки были гладкія: полупудовые единороги и 12-ти фунтовыя облегченныя пушки. Въ тѣ времена конная артиллерія задачу свою въ бою рисовала себѣ такъ: подскакать поближе, несмотря нина что—и картечь. Очень въ

[1]) Поверхъ сукна рейтузъ, съ внутренней сторочы ноги, сверху до низу нашивалась черная кожа, которая отъ сырости садилась болѣе сукна.

ходу были у насъ и разсказы о подобныхъ примѣрахъ; упоминались имена: Арнольди (1812 г.) и Деконскаго (1849 г.).

Теперь, конечно, и въ конной артиллеріи многое иначе; другія времена—другіе нравы. Лишь бы оставался въ ней нашъ старый конно-артиллерійскій духъ.

Увлекшись воспоминаніями о дорогой для меня конной артиллеріи, этой колыбели моей службы, я отошелъ отъ главной нити моего разсказа.

По существовавшимъ тогда правиламъ, батареи должны были посылать, кажется ежегодно, по одному, во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ достойному, рядовому въ Образцовую конную батарею [1]) на годъ, для усовершенствованія во всѣхъ порядкахъ службы. Эта повинность, въ тѣ времена, была для насъ весьма тягостна: пошлешь добросовѣстно, дѣйствительно хорошаго солдата, его произведутъ въ фейерверкеры и оставятъ въ кадрахъ, въ постоянномъ составѣ Образцовой батареи, а мы лишимся отличнаго рядоваго, котораго и сами бы произвели въ фейерверкеры, оставивъ у себя въ батареѣ; пошлемъ плохаго—вернутъ назадъ, да еще выговоръ сдѣлаютъ. Вотъ мы и посылали такого, что съ виду какъ будто и ничего, а на дѣлѣ неважный, но на всякій случай, если бы онъ въ образцовой батареѣ оказался плохъ, напримѣръ, лѣнивъ, или пьющій, то наши столбы и мудрецы—Ежковы, Демченки и комп., уже готовили отвѣтъ: не знаемъ, что это съ нимъ случилось: у насъ былъ всегда исправнымъ солдатомъ.

Прислали къ намъ изъ образцовой батареи, произведя въ фейерверкеры, нашего же солдата, по фамиліи Рядинскихъ; очень высокій, стройный, даже красивый, но горькій пьяница и лодырь непомѣрный.

Однажды Яновъ, въ Зміевѣ, обходилъ зимою стоги батарейнаго сѣна. Его, какъ всегда, сопровождали неизмѣнные спутники: Ежковъ, Костырко и Демченко, но на этотъ разъ были офицеры, въ томъ числѣ и я. Обходя стоги, я увидѣлъ Рядинскихъ, выглядывавшаго изъ за-стога сѣна и какъ будто прятавшагося; заподозривъ, что онъ пьянъ, а потому и прячется, я обошелъ стогъ и, подойдя къ нему, былъ пораженъ удивительной, сѣрой блѣдностью его, довольно красиваго, правильнаго лица; но онъ былъ трезвъ и на мой вопросъ, не боленъ ли, отвѣтилъ, что совсѣмъ здоровъ. Я былъ тогда очень молодъ, жилъ беззаботно и весело, вѣроятно, никакой наблюдательностью не обладалъ и, конечно, никакой прозорливостью не отличался, но все же, особая блѣдность Рядинскихъ меня поразила и при томъ настолько, что и вечеромъ того дня я о ней вспоминалъ.

Рано утромъ меня разбудили; пришелъ министръ—Демченко. Входитъ ко мнѣ, несмотря на ранній часъ, уже красный, носъ блеститъ, глаза тоже успѣли помутнѣть, и начинаетъ, какъ всегда, тоненькимъ го-

---

[2]) Переименованную впослѣдствіи въ Учебную конную батарею.

лоскомъ: «ваше благородіе, полковникъ приказали вамъ быть сегодня на вскрытіи»...—«Какое вскрытіе, кто умеръ?».—«Рядинскихъ въ кабакѣ ночью умеръ».

Тутъ я вспомнилъ эту поразившую меня наканунѣ блѣдноту бѣднаго Рядинскихъ.

Въ то, давно прошедшее время, дознанія производились довольно поверхностно; очень часто употреблялась фраза: «волею Божіею» или: «по неосторожности» и по «неизвѣстной причинѣ». Такъ и тутъ: по дознанію вышло, что Рядинскихъ, выходя пьяный изъ кабака, поскользнулся на обледѣнелыхъ ступенькахъ крыльца, упалъ и расшибъ себѣ черепъ; говорили же промежь себя, что убитъ въ кабакѣ, въ дракѣ и мертвымъ вынесенъ на крыльцо.

Какъ бы то ни было, но, припоминая этотъ случай,—сѣрую блѣдность Рядинскихъ, я вижу и теперь.

Въ третій разъ меня поразила особенная какая-то блѣдность Д. С. Нагловскаго, за часъ—много полтора часа до его смерти [1]).

Въ штабѣ Варшавскаго военнаго округа шла военная игра, которая затягивалась иногда до втораго часа ночи. Игрой руководилъ Нагловскій и очень ею увлекался.

12-го января 1900 года, былъ только 12-й часъ ночи, игра была въ полномъ ходу, какъ подошелъ ко мнѣ Нагловскій, присѣлъ и началъ говорить, что очень усталъ, что игра слишкомъ затягивается и что надо принять мѣры къ болѣе раннему ея окончанію. Мы сидѣли у стола, сильно освѣщеннаго висячей лампой, и я, взглянувъ на Нагловскаго, былъ пораженъ его особенной какой-то блѣдностью и изъ ряду вонъ большими темными кругами около глазъ. Я спросилъ, не боленъ ли онъ, но получилъ отвѣтъ, что вполнѣ здоровъ, а только очень утомленъ; между тѣмъ, живя почти вмѣстѣ и видаясь часто въ теченіе дня, мнѣ было извѣстно, что особой причины къ большому утомленію въ этотъ день не было. Прекратили игру и разошлись.

Моя квартира примыкала къ штабнымъ комнатамъ, въ которыхъ велась игра, съ одной стороны, а Нагловскаго—съ другой, такъ что мы во всякое время приходили другъ къ другу, черезъ отдѣлявшія насъ четыре комнаты штаба. Не успѣлъ я, придя домой, совсѣмъ раздѣться, какъ ко мнѣ постучали со стороны штаба и закричали, что генералу Нагловскому дурно. Накинувъ халатъ, перебѣжалъ я черезъ комнаты штаба и, взойдя въ кабинетъ Дмитрія Станиславовича, нашелъ его на полу мертвымъ.

Невольно пришло въ голову: такъ вотъ отчего онъ былъ сейчасъ такой блѣдный.

---

[1]) Изъ прошлаго. Часть I. На войнѣ, стр. 377—393.

Припоминая потомъ эти три случая поразившей меня предсмертной блѣдности здоровыхъ на видъ людей и трагическій исходъ, я невольно думалъ, что это не съ проста.

Три человѣка, полные силъ и здоровья, Добровольскій, Нагловскій—служили и дѣйствовали, Рядинскихъ кутилъ... не сознавая, что смерть уже подошла къ нимъ, стала около нихъ и черезъ нѣсколько мгновеній скажетъ свое послѣднее слово.

Добровольскій, за какихъ-нибудь полчаса до смерти, просилъ капитана Куропаткина [1]) передать Скобелеву нѣсколько словъ, казавшихся ему очень важными и крайне необходимыми въ его личномъ существованіи и дальнѣйшей службѣ. Нагловскій безпокоился и заботился о томъ, чтобы на слѣдующій разъ военная игра не затягивалась, а черезъ нѣсколько мгновеній исчезли у нихъ всѣ заботы и мысли, столь важныя и необходимыя.

Всему наступилъ конецъ: заботамъ Нагловскаго, дальнѣйшей службѣ Добровольскаго, разгулу Рядинскихъ...

Казалось мнѣ тогда, кажется и теперь, что въ тѣ предшествовавшія мгновенья смерть уже наложила свою блѣдную печать на ихъ лица, что я тогда же эту печать видѣлъ, хотя и созналъ все позже.

П. Паренсовъ.

---

[1]) Нынѣ военнаго министра.

Постановленіе для перенесенія тѣла императора Павла Петровича изъ почивальни въ тронную.

1801 г.

Въ назначенный по высочайшему повелѣнію день, по учиненной наканунѣ повѣсткѣ, соберутся въ кавалерскую комнату придворныя обоего пола особы и первыхъ трехъ классовъ. Знатное духовенство соберется въ облаченіи въ тронную комнату.

По прибытіи ихъ императорскихъ величествъ и ихъ императорскихъ высочествъ, изъ почивальни, при обыкновенной духовной церемоніи, переложится тѣло на парадную кровать. Поднимаютъ изъ свиты покойнаго императора генералъ и флигель-адъютанты и перенесутъ на парадной кровати въ тронную комнату, гдѣ и поставится оная на тронъ. Его императорское величество возложитъ корону на голову усопшаго императора. Въ головахъ поставлены будутъ на часахъ л.-гв. два капитана, а также и у ногъ, имѣя какъ на епантонахъ, знакахъ, шпагахъ, шляпахъ такъ и на рукахъ черные флеры. Нѣсколько шаговъ отступя, по обѣ стороны, вдоль около кровати стоять должны шесть кавалергардовъ; у обѣихъ дверей, у каждой по два кавалергардскихъ часовыхъ внутри комнаты; у ногъ стоять въ недальномъ разстояніи четыремъ пажамъ.

Со дня перенесенія въ тронную будутъ дежурить денно и нощно по 8 кавалеровъ первыхъ 4-хъ классовъ и по 2 императорскихъ камергера. Въ ногахъ поставлены будутъ два налоя: одинъ для образа, а другой—для Евангелія и оба покрыты будутъ малиновымъ бархатомъ, обложенные золотымъ позументомъ. При тѣлѣ отправляться будетъ повседневная церковная служба.

О допущеніи къ поклоненію тѣлу учинятся заблаговременно черезъ полицію и черезъ герольдовъ въ городѣ извѣщенія. Пріѣздъ позволится отъ 9 часовъ утра до перваго часа пополудни, а послѣ обѣда отъ 3-хъ часовъ до 8-ми часовъ вечера.

Записки Э. И. Стогова[1].

IV[1].

Отъѣздъ Стогова въ Якутскъ, а потомъ въ Охотскъ. — Назначеніе командиромъ судна «Михаилъ». — Плаваніе въ Камчатку.—Пожаръ на суднѣ. — Характеристика каторжныхъ и ихъ жизнь.—Докторъ Беневскій.—Помѣщикъ и его камердинеръ въ одномъ острогѣ.—Петропавловскій портъ.—Жизнь въ Камчаткѣ.—Волканы.—Бытъ мѣстныхъ жителей.

Наступила зима, и мы отправились въ Якутскъ, гдѣ областнымъ начальникомъ былъ Миницкій, бывшій морякъ. Онъ былъ сначала начальникомъ въ Охотскѣ и, бывши въ Иркутскѣ, женился на старшей дочери Трескина и получилъ Якутскъ въ приданое. Миницкій былъ уже очень пожилой человѣкъ, довольно умный и способный дѣлецъ; его любили въ Якутскѣ. Жена его была очень недурна, но наклонностями — вся въ маменьку.

Мы легко сошлись съ нею, но Миницкій, видѣвшій наши отношенія, на страстной недѣлѣ объявилъ намъ, что начальникъ въ Охотскѣ проситъ какъ можно скорѣе отправить къ нему двухъ лейтенантовъ—Стогова и Повалишина.

Изъ Якутска въ Охотскъ—около 1.300 верстъ. Обыкновенно, всѣ отправляются лѣтомъ на нанятыхъ лошадяхъ въ Якутскѣ верхомъ; можно ѣхать и зимою, но тогда на почтовыхъ, путь очень трудный: сначала верстъ 120 въ повозкахъ, потомъ верстъ 300 верхомъ на лошадяхъ, потомъ верстъ 650 верхомъ на оленяхъ, остальной путь на

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1903 г.

собакахъ. Не взирая на трудность пути, я уговорилъ Повалишина ѣхать немедля. Послѣ оказалось, что Миницкій все выдумалъ: никакого требованія отъ охотскаго начальника не было, но Миницкому хотѣлось избавиться отъ насъ.

Мы, молодежь, не подумали, что на предстоящемъ пути нѣтъ ни одного жилья, и о запасахъ на дорогу не позаботились. Миницкій даже со злобы не упредилъ насъ, а распорядился отпустить съ нами пудовъ пять сухарей, два фунта чая и голову сахара, да на первые дни жаренаго мяса. Морозы были еще очень сильны, домовъ на станціяхъ нѣтъ, тѣснились въ бѣдныхъ тунгузскихъ юртахъ и находили тамъ самую скудную пищу. Помню, ѣхавши на оленяхъ, остановились кормить ихъ и отпустили на волю; олени разгребаютъ въ 2 — 3 аршина снѣгъ, находятъ подъ нимъ мохъ и наѣдаются. Мы встали передъ свѣтомъ, взяли тунгузскій котелокъ, положили сухарей и снѣга, и сами вскипятили на разведенномъ огнѣ. Это былъ день Христова воскресенья; мы похристовались и принялись разговляться сухарями съ снѣжной водой; ѣли съ аппетитомъ и находили наше кушанье очень вкуснымъ и отъ души смѣялись надъ своимъ положеніемъ. Молодость, здоровье—это истинное богатство.

Въ Охотскѣ былъ злой начальникъ Ушинскій, онъ былъ капитанъ 1-го ранга. Ушинскій крайне былъ удивленъ нашимъ пріѣздомъ; тутъ мы узнали, что онъ и не думалъ насъ требовать. Квартиру намъ отвели у лазаретнаго коммиссара Окулкова. Это былъ старикъ, выслужившійся матросъ, его звали Алексѣй Михайловичъ, жена его, Анна Ивановна—была за нимъ за третьимъ мужемъ, у нихъ былъ одинъ сынъ — лѣтъ 12-ти. Старики были рѣдкой доброты; я всѣ 12 лѣтъ жилъ на одной этой квартирѣ.

Охотскъ стоитъ на самомъ берегу Охотскаго моря, отдѣляется отъ него грядой Курильскихъ острововъ. Океанъ страшными своими волнами накидалъ низенькій мысъ—можетъ быть, сажени двѣ отъ горизонта моря; грунтъ изъ мелкаго круглаго камня, земли и песку нѣтъ. Этотъ низенькій мысъ шириною версты двѣ и уже. На этомъ мыскѣ: портъ, верфь, казармы и домики отставныхъ матросовъ. Жителей въ городѣ съ командами до двухъ тысячъ. Вотъ куда закинула меня судьба, но на другой день я, къ удивленію своему, приглашенъ былъ въ театръ. Театръ былъ въ пустой казармѣ, играли какую-то комедію и не дурно. Послѣ первой пьесы, подсѣлъ ко мнѣ щегольски одѣтый молодой мужчина красавецъ, почти мнѣ ровесникъ. Это былъ одинъ изъ служащихъ въ Американской компаніи, Анастасій Изотовичъ Ленже; онъ воспитывался въ коммерческомъ училищѣ и очень хорошо былъ образованъ, служилъ бухгалтеромъ и былъ душою затѣи—театра. Тутъ же въ театрѣ, мы съ нимъ сошлись и до конца его жизни были

друзьями. Этотъ превосходный человѣкъ, послѣ сдѣлавшись правителемъ факторіи, проживалъ до 40 тысячъ руб. въ годъ, но потомъ спился и умеръ въ крайней бѣдности.

Въ Охотскѣ строился корабль «Михаилъ», я былъ назначенъ командиромъ его и получилъ приказаніе отправиться на немъ въ Камчатку, въ Петропавловскую гавань. Походъ былъ весьма благополучный, но случилось одно важное происшествіе: какъ помощника у меня не было, то раздѣваться и выспаться не приходилось—спалъ на палубѣ и урывками. Какъ-то выдался прекрасный тихій день. Барометръ стоялъ высоко, мнѣ захотѣлось понѣжиться, я раздѣлся и легъ спать въ каютѣ, это было въ 10-мъ часу утра. Вдругъ показался дымъ изъ трюма. Боцманъ Шкулевъ пришелъ разбудить меня, будилъ, поднималъ, а я спалъ, какъ въ летаргическомъ снѣ. Дымъ становился гуще, и почти вся команда пришла будить меня; очнулся и удивился, увидавъ полную каюту людей. Мнѣ доложили, что пожаръ на кораблѣ.

— Такъ что же вы не тушите?

— Не знаемъ какъ.

Я отдалъ первоначальныя распоряженія и сталъ одѣваться, но, разумѣется, обдумывалъ, что̀ мнѣ дѣлать. Приходитъ Шкулевъ и говоритъ, что дымъ сильнѣе.

— Пожалуйте наверхъ.

— Не идти же мнѣ въ одномъ сапогѣ, — отвѣчалъ я хладнокровно, вотъ надѣну другой сапогъ и выйду.

Помпы были поставлены за бортъ, гребныя суда были готовы къ спуску. Дымъ дѣйствительно былъ густъ, и люди не выдерживали. Я приказалъ намочить полотенца, обвязалъ рты матросамъ, и они долѣе выдерживали. Вынимая грузъ наверхъ, пробирались къ тому мѣсту, откуда шелъ дымъ, при чемъ оказалось, что плита въ кухнѣ лопнула, прогорѣлъ войлокъ, протаялъ свинецъ и загорѣлись запасныя матроскія койки. Потушили. Долго послѣ того, если двое заспорятъ, и одинъ разгорячится, то ему говорили: да ты надѣнь сапогъ.

Подойдя къ Курильскимъ островамъ, я осмотрѣлъ третій островъ—это огромная и голая скала безъ пристани. Курильскіе острова и берега Камчатки — это громадный хребетъ горъ, уставленный высочайшими волканами, океанъ—полонъ морскими звѣрями: киты, касатки, дельфины, морскіе львы, а близко берега — множество разнообразныхъ тюленей. Морскихъ птицъ множество. Все это было ново для меня и очень занимало. На горизонтѣ я увидѣлъ какую-то массу и много птицъ; я пошелъ туда, оказалось, это былъ мертвый китъ, и милліоны птицъ дѣлили добычу и дрались между собою, какъ собаки. Все было ново, любопытно, и этотъ походъ вознаграждалъ меня за лишенія въ далекой сторонѣ. Власть командира и торжество науки надъ препят-

ствіями и опасностями окончательно пристрастили меня къ морской службѣ. Петропавловская гавань, какъ гавань—не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ мірѣ. Входъ не шире $^3/_4$ мили, длиною, какъ каналъ, около 7 миль. Большая гавань можетъ помѣстить флоты всего міра; изъ этой гавани выходятъ три небольшія гавани, въ которыхъ, ни въ какую бурю не возмущается вода. Въ одной изъ этихъ маленькихъ гаваней, на скатѣ двухъ горъ—пріютились строенія и церковь. Все бѣдно, все мелко, но это Камчатка—12 тысячъ верстъ отъ Москвы.

Еще въ Охотскѣ, я сдѣланъ былъ презусомъ военнаго суда. Тамъ ни уѣзднаго и никакого не было, и я былъ слѣдователемъ по всѣмъ происшествіямъ. Въ 20 верстахъ отъ Охотска, по берегу моря, стоитъ саловаренный заводъ, на которомъ работаютъ каторжные, но какіе каторжные,—неподдавшіеся исправленію ни отъ какихъ наказаній. Всѣ они вытерпѣли нѣсколько наказаній кнутомъ и, какъ послѣдняя мѣра, сосланы въ Охотскъ. Это отпѣтые люди, учинившіе не одно убійство, презирающіе всякое наказаніе и какъ бы ищущіе сдѣлать преступленіе. Это люди, которыхъ всѣ боялись, и по заведенному порядку — каторжный не имѣлъ права подходить къ чиновнику ближе 6-ти аршинъ.

Стоитъ того, чтобы я поговорилъ объ этомъ народѣ.

Въ первую весну, какое-то слѣдствіе привело меня на заводы. Я уже много слышалъ о характерѣ этихъ молодцовъ и составилъ себѣ идею о нихъ. Я еще засталъ тамъ знаменитаго Карцова, бывшаго поручика гвардіи; это былъ человѣкъ саженнаго роста, съ нѣкоторымъ образованіемъ и поэтическимъ понятіемъ о чести и благородствѣ; онъ былъ атаманъ небольшой шайки разбойниковъ человѣкъ 5—6 не болѣе. Всякую весну онъ убѣгалъ и командирствовалъ на дорогѣ, между Якутскомъ и Охотскомъ; зимой являлся, судился, наказывался плетями, а весною опять уходилъ. Старикъ при мнѣ уже не бѣгалъ. Подобные ему отверженцы, лишенные всѣхъ человѣческихъ правъ, дорожили болѣе жизни—свободою. Какою же свободою, когда всю жизнь проводили въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ? а все-таки и у нихъ была свобода по своему понятію. Каторжныхъ было человѣкъ болѣе 300, изъ нихъ женатые имѣли особые домики, а всѣ холостые жили въ общей казармѣ посреди площади за желѣзными рѣшотками и за строгимъ карауломъ. Холостымъ дозволялось послѣ работы ходить въ гости къ женатымъ, вотъ тутъ-то и были ихъ клубы, тутъ происходила азартная игра въ какія-нибудь 15—20 картъ, на капиталъ 30 коп., но азартъ былъ совершенно такой же, какъ въ игрѣ на 100 тыс. руб. Тутъ влюблялись въ чужихъ женъ, тутъ смертельно ревновали, бывали и убійства; тутъ же составлялись сговоры на побѣги, — однимъ словомъ, хотя это былъ и грязный міръ падшаго человѣка, но человѣкъ и въ этотъ міръ перенесъ съ собою страсти, да еще въ крайней степени. Каторжный,

если не имѣлъ на себя жалобы, вмѣшательство начальника считалъ нарушеніемъ своей свободы, и тогда начальникъ берегись. Если же бывала жалоба, тогда виновнаго можно наказать жестоко, и начальникъ не виноватъ, онъ исполнилъ законъ, а закону должны повиноваться всѣ.

Пріѣхавъ въ заводъ, я увидѣлъ удивительную охоту на безчисленныхъ озерахъ. Я былъ молодъ, а молодость просилась на подвигъ. Я выбралъ трехъ каторжныхъ изъ самыхъ отчаянныхъ, приказалъ расковать, посадилъ въ лодку, и мы отправились на охоту. Пристали я къ острову, приказалъ каторжнымъ развести огонь, жарить и ѣсть птицу, а самъ завернулся въ шинель и будто бы заснулъ. Одинъ изъ нихъ, Андрюшка, сказалъ, что я долженъ быть честный человѣкъ. Другой подтвердилъ и прибавилъ: «да, онъ честный и храбрый, потому что подлецъ не довѣрился бы намъ, варнакамъ, а онъ спитъ, какъ ангелъ». Третій сказалъ: «вотъ на такого человѣка не поднимается и рука». Они наѣлись, а я будто проснулся, и мы поѣхали домой. Дорогой я спросилъ:

— Можетъ быть, изъ васъ кто-нибудь намѣренъ бѣжать?

Молчатъ.

— Я спрашиваю васъ не по службѣ, а по секрету,—продолжалъ я.

Андрюшка, глядя исподлобья, сказалъ вполголоса, что онъ убѣжитъ.

— Когда?

— Завтра.

— А кандалы?

— Да это царское, я повѣшу на деревѣ.

— А что ты будешь ѣсть?

— Да я зимой спряталъ въ дуплѣ сухарей и крупы, а тамъ, что Богъ пошлетъ.

— Ребята, я ничего не слыхалъ, секретъ.

— Слушаемъ-съ,—отвѣчали они.

Пріѣхали; я приказалъ заковать по положенію и очень былъ доволенъ своимъ днемъ. Остановить Андрюшку — безполезно, онъ бѣжитъ въ другое время, а я только озлоблю его и другихъ. По утру получаю рапортъ, что изъ числа ходившихъ на рубку дровъ Андрюшка бѣжалъ. Сдѣлано было законное распоряженіе о поимкѣ, но Андрюшки и слѣдъ простылъ. Въ тотъ же день, каторжные шептали: «съ этимъ бариномъ можно жить, онъ честный и благородно держитъ слово». Съ первымъ снѣгомъ Андрюшка явился на гауптвахту, гдѣ я случился на то время. Онъ повалился мнѣ въ ноги и цѣловалъ ихъ, благодарилъ за то, что я не помѣшалъ ему бѣжать.

— Дуракъ, вѣдь тебя накажутъ плетьми?

— Что же, батюшка, это не твое дѣло, не ты, а законъ наказываетъ, а ты выше закона не будешь.

Но вотъ еще замѣчательный разсказъ объ Иванѣ Мѣдянцевѣ. Онъ только-что убилъ въ казармѣ одного каторжнаго кандалами по головѣ. Его наказали кнутомъ, и онъ успокоился.

Мѣдянцевъ изъ ярославскихъ мѣщанъ, лѣтъ 32-хъ, вершковъ 10-ти роста, хорошо сложенъ, гибокъ, силенъ, грамотенъ. Послѣ каждаго убійства онъ усердно читалъ Библію—это была его потребность.

Съ устройства завода, никто и никогда не входилъ въ холостую казарму каторжныхъ, а обыкновенно выкликали поименно. Я первый рѣшился пойти, за мной вошли караульные съ ружьями, но что могутъ сдѣлать караульные тамъ, гдѣ достаточно одного удара кандалами по головѣ? Я караульнымъ приказалъ выйти вонъ. Я былъ въ форменномъ сюртукѣ, въ эполетахъ, но безъ сабли. Вошелъ и поздоровался. Болѣе 200 человѣкъ на нарахъ, въ два этажа, загремѣли цѣпями, всѣ поднялись и здоровались. Боже мой, что за искаженныя физіономіи и въ такой массѣ предстали предъ меня! Но это люди, и я держалъ себя, какъ съ людьми, хотя другіе и считали ихъ хуже звѣрей. Какъ водится, хозяева просили меня садится, но я не рѣшался, видя много ползающихъ насѣкомыхъ. Догадались, нашли доску, вытерли. Я началъ съ участія къ ихъ быту, спрашивалъ, нѣтъ ли обидъ, каково кормятъ и проч. Дошелъ я и до нравственнаго отвѣта въ будущей жизни.

— Отнимать жизнь,—сказалъ я,—дѣло непоправимое,—великъ отвѣтъ передъ Богомъ, и обратился съ увѣщаніемъ къ Мѣдянцеву.

Онъ искренно признался, что онъ самъ мерзокъ себѣ, послѣ убійства.

— Такъ зачѣмъ же ты убиваешь?

— А вы думаете, я радъ тому: бываетъ такое время, не знаетъ человѣкъ покоя, сна нѣтъ, все красно въ глазахъ, куда бы нибудь спрятался, а на эту пору, какой-нибудь дрянной человѣкъ досаждаетъ, ну, и не помнишь, какъ хватишь его чѣмъ попало и почему попало. Тогда опомнишься, когда убьешь, да уже поздно. Явится новая непріятность за убійство (наказаніе), да уже не поправишь, вотъ такъ и живешь.

Подобный разсказъ о какомъ-то болѣзненномъ пароксизмѣ я слышалъ отъ многихъ и въ разныхъ мѣстахъ, и полагаю едва-ли это не истерическій припадокъ отъ сильныхъ потрясеній при наказаніи кнутомъ. Это физіологическое состояніе организма стоило бы разъясненія.

Поговоривши съ каторжными по-человѣчески часа два, я простился съ ними; они напутствовали меня молитвами, пожеланіями и, видимо, имъ понравилось мое посѣщеніе. Смотрителемъ завода былъ чиновникъ Мелехинъ, онъ оскорбилъ Мѣдянцева, нарушилъ свободу. Оскорбленный

не вынесъ, разругалъ смотрителя на весь заводъ. Мелехинъ взялъ его съ примкнутыми штыками и приковалъ къ стѣнѣ на цѣпь. Мѣдянцевъ объявилъ, что хочетъ открыть важный секретъ, Мелехинъ подошелъ, Мѣдянцевъ рванулся на цѣпи, но ошибся, только разрѣзалъ платье и легко ранилъ Мелехина; Мѣдянцева наказали, признали неисправимымъ и сослали въ Камчатку. Тамъ снимали кандалы и давали свободу—только живи смирно. Мѣра эта, по большой части, удавалась, каторжный смирялся и доживалъ вѣкъ въ Камчаткѣ.

Заговоривъ о каторжныхъ, буду продолжать. Я не умѣлъ бы сказать, какихъ національностей не было между каторжными саловаренаго завода. Разъ, проѣзжаетъ чрезъ Охотскъ въ Америку докторъ Беневскій. Среди разговора онъ сказалъ, что знаетъ всѣ языки Европы и почти всѣ—Азіи. Я промолчалъ, но уговорилъ его посмотрѣть саловаренный заводъ, на что онъ охотно согласился. На заводѣ приказано было отобрать людей разныхъ націй, и Беневскому былъ представленъ длинный рядъ: турокъ, персіянъ, армянъ и почти всѣ племена Европы. Я предложилъ Беневскому поговорить съ каждымъ изъ нихъ. Но каково же было мое удивленіе, когда онъ спросилъ персіянина: изъ какой онъ провинціи, и началъ говорить поговорками его родины, пропѣлъ даже пѣсню. Такъ прошелъ онъ весь фронтъ и каждому сказалъ нѣсколько родныхъ имъ прибаутокъ, пѣлъ ихъ народныя пѣсни и каждаго дразнилъ, какъ дразнятъ на его родинѣ. Беневскій уѣхалъ на службу Американской компаніи—въ Ситху. Года чрезъ три, мнѣ сказали, что Беневскій цѣлый годъ жаловался болью головы, наконецъ, сошелъ съ ума и заговорилъ на всѣхъ языкахъ, такъ что никто не понималъ его.

Узнали мы, что въ заводъ ссылается тамбовскій помѣщикъ Алмазовъ, гдѣ находился бывшій его камердинеръ. Исторія такая: Алмазовъ дѣлалъ фальшивыя ассигнаціи, конечно, тайно, въ глуши сада, въ бесѣдкѣ. Какъ-то пронюхалъ онъ, что его работу подглядѣлъ камердинеръ. Алмазовъ взвелъ какъ-то убійство на камердинера и, посредствомъ денегъ, достигъ того, что невиннаго камердинера сослали въ каторжную работу. Любопытно намъ было поглядѣть, какъ встрѣтятся они. Алмазовъ былъ еще довольно молодъ, тщедушный, съ плохимъ здоровьемъ. Камердинеръ встрѣтилъ бывшаго своего барина дружелюбно, даже съ оттѣнкомъ почтенія. Алмазовъ не могъ исполнять даннаго урока на работѣ, камердинеръ помогалъ и много дѣлалъ за барина, чинилъ ему обувь, платье. Всѣхъ насъ тронула честная доброта камердинера, и мы назначили его въ неспособные и выпустили на вольное пропитаніе, а Алмазова, какъ бывшаго дворянина, взяли въ городъ и числили мастеровымъ при портѣ, т. е. Алмазовъ жилъ въ городѣ на волѣ. Камердинеръ, получившій свободу, поселился съ бариномъ и можно сказать трудами своими пропитывалъ его. Алмазовъ надѣлалъ

разныхъ куколъ, сочинялъ разныя комедіи и, дѣйствуя куклами и разными голосами, весьма искусно представлялъ «Петрушку», ходя по домамъ. Мы всѣ охотно платили ему за труды, и онъ тѣмъ и существовалъ при казенномъ пайкѣ. Было въ заводѣ человѣкъ шесть такъ-называемыхъ «фальшивыхъ монетчиковъ». Это были всѣ самые кроткіе люди, хорошіе рисовальщики и рѣзщики. Каждый годъ, лѣтомъ изъ завода бѣжало нѣсколько человѣкъ, иногда составляли шайки, и тогда на дорогѣ между Охотскомъ и Якутскомъ они были властителями. Бѣглые одиночки существовали воровствомъ, но бывали шайки бѣглыхъ,—тогда они были дерзкими хозяевами. Послѣ смерти Карцева, долго не составлялись шайки, да и послѣ не каждый годъ; ловить ихъ на огромномъ и безлюдномъ пространствѣ не было никакой возможности; зимой же, бѣглые сами являлись въ Охотскъ. Эти шайки всегда имѣли атамана, есаула, поручика и два, три рядовыхъ. Они знали всѣ пути транспортовъ, казеннаго не трогали, но купецъ рѣдко проходилъ, не заплатя пошлины. При купеческихъ транспортахъ обыкновенно ѣхалъ приказчикъ; бѣглые останавливали транспортъ, и атаманъ спрашивалъ накладную. Если приказчикъ не покорялся, то его раздѣвали, на мягкія мѣста клали зажженный трутъ и выжидали покорности. Если накладной при транспортѣ не было, то разбивали всѣ сумы и ящики и выбирали, что имъ нужно, а если накладная была, то назначали по нумерамъ тѣ ящики, которые должны быть отданы имъ, брали, что имъ нужно, и отпускали. Разумѣется, главную статью составляла французская водка и одежда, напримѣръ: круглая шляпа, хорошіе сапоги и проч. Чай, сахаръ—само-по-себѣ. Купцы переносили бѣду, какъ неизбѣжное зло.

Но вернемся къ своему разсказу. Въ Петропавловскую гавань каждый годъ приходили американцы съ товарами, и намъ, морякамъ, государь дозволилъ запасаться всѣмъ безпошлинно, но пользовались этимъ правомъ всѣ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ томоженныхъ нѣтъ. Камчатка нетерпѣливо ждетъ корабль изъ Охотска: тутъ и запасы, и продовольствіе, и прихоти привозятъ купцы, тутъ же и почта—эта единственная ниточка, которою Камчатка привязана къ цивилизованному міру. Въ Иркутскъ приходитъ почта каждую недѣлю, въ Якутскъ—каждыя двѣ недѣли, въ Охотскъ—каждый мѣсяцъ, въ Камчатку—одинъ разъ лѣтомъ, да не всегда, другой разъ доходитъ зимой.

Въ Петропавловской гавани домъ для капитана корабля, прехорошенькій, стоитъ на полгорѣ, венеціанское свѣтлое окно, три комнаты и кухня. По горѣ, во многихъ мѣстахъ бѣгутъ родники, а потому въ каждый домъ проведена струя воды на кухню. Для команды не далеко казарма. Осенью, пришелъ американскій корабль съ товаромъ, корабль почему-то былъ подъ испанскимъ флагомъ, а потому на кораблѣ, для наружности, былъ молоденькій испанецъ Маркезо, уроженецъ Мексики.

Въ послѣднее время, онъ игралъ весьма важную роль генерала въ Мексикѣ, но тогда былъ еще юношей, игралъ на гитарѣ и пѣлъ романсы. Корабль запоздалъ, ночью выпалъ первый снѣгъ. Маркезо, не имѣвшій понятія о снѣгѣ, вздумалъ сдѣлать выгодную спекуляцію: всѣ свои бутылки съ виномъ, съ прованскимъ масломъ—вылилъ прямо въ море и давай набивать бутылки снѣгомъ и все это секретно. Но какова же была его печаль, когда къ полдню, въ его бутылкахъ оказалось по нѣскольку ложекъ мутной воды—бѣдный Маркезо плакалъ. Вблизи домовъ гавани, есть великолѣпное озеро, оно замерзло, и Маркезо, увѣрялъ, что нигдѣ не видалъ такихъ большихъ зеркалъ, какъ цѣлое озеро. Наступила зима и начались вечеринки — эти маленькіе балы. Жена начальника Рикорда, Людмила Ивановна, очень милая особа; не имѣя дѣтей, она собрала къ себѣ пять хорошенькихъ дѣвочекъ, дочерей дьячковъ и мѣщанъ, прилично одѣла ихъ, выучила грамотѣ и танцамъ.

Жившій со мою путешественникъ, англичанинъ Кокранъ, часто проводилъ время у Рикорда. Разъ я спросилъ Кокрана:

— Отъ чего вы не женаты?

— Не хотѣлъ быть дуракомъ перваго ранга,—отвѣчалъ онъ.

Но однажды зимой Кокранъ сказалъ мнѣ:

— Мнѣ нравится Оксинька, я хочу жениться на ней.

— Такъ ты хочешь быть дуракомъ перваго ранга?

— Да, и ты будешь дуракомъ перваго ранга,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Оксинька — Ксенія Ивановна—дѣвочка прехорошенькая, лѣтъ 17-ти, была въ числѣ пяти воспитывающихся у Людмилы Ивановны. Она была дочь дьячка при церкви въ Большерѣцкѣ. Ихъ было пять сестеръ, и всѣ были красавицы: старшая вышла замужъ за коммиссіонера американской компаніи, вторая за купца, третья за попа, а Оксинька за Кокрана. Свадьба Кокрана устроилась скоро. Когда ихъ обручали, Оксинька страшно плакала и кричала: «не хочу за Кокрана, хочу за Повалишина». Сколько возможно, свадьба была обставлена парадно. Отъ дома Рикорда до церкви дорога выстлана была сукномъ (которое шло на обмундировку командъ), по бокамъ дороги—горѣли фалшфееры. Я и лейтенантъ Саполовичъ были шаферами Кокрана. Онъ былъ уже въ церкви, а мы, шафера, должны были проводить въ церковь Оксиньку. Какъ мы ни уговаривали ее, она молчитъ и не идетъ; я шепнулъ Саполовичу: «понесемъ ее». Взяли ее подъ локти и снесли въ церковь. Я научилъ Кокрана отвѣчать попу: «согласенъ». Попъ Иванъ, уроженецъ Камчатки, при вѣнчаніи, имѣлъ обыкновеніе говорить рѣчь. Вѣнчая камчадалъ, онъ говорилъ:

— Если ты не будешь любить своей жены, то первый медвѣдь раздереть тебя», а невѣстѣ: «если ты не будешь любить мужа, то онъ будетъ

несчастливъ на охотѣ, а ты не увидишь ни шелковаго платка, ни шелковой тѣлогрѣйки.

Когда попъ Иванъ спросилъ Кокрана: «согласенъ ли поять въ жены юже предъ собою видѣши?» Кокранъ отвѣчалъ: «Здравствуй, благодарствуй». Послѣ рѣчи о медвѣдѣ свадьба считалась совершенною.

Былъ въ гавани старичекъ англичанинъ Бутлеръ, онъ давно уже попался въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, наказанъ по-русски кнутомъ, вырваны ноздри и поставлены на лицѣ знаки. Это былъ образованный старикъ, жилъ, ничего не дѣлая, кой-какъ рисовалъ портреты, картинки, образа—и тѣмъ существовалъ безъ нужды. Бутлеръ нарисовалъ замысловатый транспарантъ съ сердцами, стрѣлами, амурами и вензелями. Транспарантъ горѣлъ надъ воротами дома Рикорда — было все въ порядкѣ, но всякій изъ насъ зналъ, что эта свадьба, какъ карикатура, сочинена была Рикордомъ, для потѣхи.

Послѣ веселаго ужина, молодыхъ проводили въ домъ капитана Калмыкова, уложили спать и заперли двери. Поутру, я еще былъ въ постели, какъ является ко мнѣ Кокранъ, безъ сапогъ, въ одной фланелевой одеждѣ. Я, конечно, былъ изумленъ. Кокранъ объяснилъ, что, проснувшись и вспомня, что онъ не сказалъ мнѣ наканунѣ, что не будетъ къ чаю, предположилъ, что, вѣроятно, я ожидаю его, искалъ платье и сапоги, но не нашелъ, потому что дверь была заперта. Не быть у меня къ чаю онъ считалъ нечестнымъ и потому вылѣзъ въ форточку и прибѣжалъ въ чемъ спалъ.

— А что же Оксинька?—спросилъ я.

— Она спитъ.

Мы пили чай и завтракали вмѣстѣ, какъ обыкновенно. Вотъ типъ англичанина! Воображаю, какъ была удивлена Оксинька, проснувшись и не найдя мужа.

Кокранъ никогда не говорилъ, но я догадывался, что онъ былъ нанятъ богатою англійскою компаніею собрать свѣдѣнія о чукчахъ и корякахъ и дойти до устья рѣки Анадыра, собрать свѣдѣнія о ихъ промыслахъ и о возможности завести торговлю около Берингова пролива. Но Кокранъ изъ Колымы не рѣшился пробраться къ чукчамъ, хотѣлъ попробовать, нельзя ли достигнуть того же изъ Камчатки, оказалось—тоже невозможно. Не имѣя возможности сдержать даннаго слова, онъ, какъ англичанинъ, рѣшился выкинуть штуку—жениться на камчадалкѣ. Это надѣлало шуму въ его отечествѣ, и Кокранъ сдѣлался львомъ въ Англіи, это все, чего онъ хотѣлъ достигнуть.

Я поѣхалъ по рѣкѣ Камчаткѣ. Не доѣзжая селенія Ганалы, есть острожекъ Малка, тутъ горячія минеральныя воды и при нихъ больница. Эти воды почти 80° R: въ семь минутъ варится мясо, въ 4 минуты рыба, а яицо, не успѣешь прочитать «Отче нашъ»—и готово. Видѣлъ я, грыз-

лись собаки, и одна ступила ногою въ родникъ, и вынула ногу голую—слѣзла шерсть. Около обильнаго горячаго родника близко течетъ родникъ холодный въ 4° тепла; воду мѣшаютъ и лѣчатся отъ многихъ болѣзней. Камчадалъ тонокъ, сухощавъ, безъ бороды и усовъ, съ густыми и длинными волосами на головѣ, заплетенными въ косы; вообще, камчадала отъ камчадалки отличить трудно. Въѣзжая въ село Ключи, повсюду встрѣчаешь мужчинъ съ густыми русыми бородами и усами, народъ ширококостный, бѣлотѣлый, тогда какъ камчадалъ брюнетъ съ мѣднымъ отливомъ. Жители Ключей поражаютъ невольно, но это объясняется тѣмъ, что еще Екатерина II, желая обрусить этотъ край, приказала набрать нѣсколько русскихъ семействъ и поселить ихъ въ Камчаткѣ. Съ тѣхъ поръ, русаки обжились, размножились, но не мѣшаются съ камчадалами, и живутъ и говорятъ чисто по-русски. Въ селѣ двѣ церкви. Живутъ богато, занимаются огородничествомъ, но пашни не имѣютъ, о хлѣбѣ забыли, питаются рыбою и звѣроловствомъ, имѣютъ довольно скота и благословляютъ свою судьбу. Я остановился у попа Михаила и всю ночь не спалъ, любуясь волканомъ. Въ Камчаткѣ имъ много. Меня изумлялъ громадный столпъ пламени, полный искръ. Со мною была зрительная труба, въ которую я хорошо видѣлъ, что кажущіяся огненныя искры есть огромные камни, которые, падая на сопку, долго катились по бокамъ ея и пропадали въ пропастяхъ. При взрывахъ сопки, не было землетрясенія, но стучали рамы и двери въ домѣ. Картина величественная и страшная, но народъ привыкъ и всѣ спали спокойно. Иногда громъ сопки разбудитъ отца Михаила и онъ сквозь сонъ промычитъ: «вишь какъ вздымаетъ». По утру пришелъ ко мнѣ другой попъ, Іоаннъ, и разсказалъ съ особымъ удовольствіемъ, что у него, въ эту ночь, сдѣлалось угодье: около самаго скотнаго двора образовалась большая яма.

— Мы съ работникомъ, говорилъ онъ, связали два шеста и не достали дна; я собралъ возжи и всѣ, какія были отъ неводовъ веревки, связалъ, привязалъ камень и не досталъ дна, а приложишь къ ямѣ ухо—слышенъ только шумъ. Право угодье, мы съ работникомъ порадовались, что теперь не нужно вывозить навоза, вали въ яму—небось, не завалишь.

Такъ радостно разсказывалъ попъ Іоаннъ, и ему въ голову не приходило, что этотъ провалъ могъ случиться подъ самымъ его домомъ. Привычка; освоились съ волканомъ, какъ мы съ становымъ. Я, признаюсь, во все время, не могъ привыкнуть къ этому потрясающему явленію. Смотря на эту необъятную массу огня, постоянно извергаемую изъ вершины гиганской горы, этотъ снопъ пламени, стремящійся высоко въ пространство, снопъ, полный громадныхъ камней, накаленныхъ добѣла, соображая эту подземную силу и величину невидимаго горна,

воображеніе уничтожаетъ самого человѣка до нуля, и онъ чувствуетъ себя не господиномъ міра, а ничтожною пылинкою.

Изъ села Ключи, по льду рѣки Камчатки, проѣхавъ острожекъ Камакъ (что̀ значитъ по-камчадальски «дьяволъ») верстъ 15, дорогу мнѣ перегородилъ сплошной хребетъ горъ до 2.000 футъ высоты. Рѣка Камчатка, уходя въ хребетъ, такъ замаскировывается, что не видать ея русла. Ясно видно, что эта огромная рѣка прорвала этотъ хребетъ и между оборванныхъ боковъ горъ, какъ въ коридорѣ или ущельи—течетъ 15 верстъ. Подъѣхавъ къ подножію горъ, я невольно остановился и увидѣлъ разомъ пять волкановъ и всѣ извергающія пламя и дымъ. Это единственный пунктъ въ Камчаткѣ, съ котораго видно разомъ столько сопокъ. Прежде бывшій городъ, а теперь селеніе Нижне-Камчатскъ, стоитъ на рѣкѣ Камчаткѣ. Я остановился у благочиннаго отца Никифора, которому было подъ 90 лѣтъ. Онъ родился въ Камчаткѣ, отецъ его былъ тоже благочиннымъ, заѣхавшимъ изъ Россіи, и жилъ слишкомъ 100 лѣтъ. Никифоръ былъ строгой нравственности, глубоко религіозный, но добрый; это былъ мой духовный отецъ. Никифоръ былъ ширококостный, толстый, средняго роста, волоса русые и ни одного волоса сѣдаго, но что̀ удивительно, у него не было и признака бороды и усовъ, онъ былъ вдовъ, дѣтей не было. Старика любила и почитала вся Камчатка.

При мнѣ, въ Нижне-Камчатскѣ было сильное землетрясеніе. Шла заутреня, діаконъ стоялъ на амвонѣ и получилъ такой толчекъ, что съ амвона перекинуло его подъ престолъ, народъ попадалъ въ церкви, доски потолка въ алтарѣ вышли изъ стѣны и повисли. Съ о. Никифоромъ я ѣздилъ на устье рѣки Камчатки.

Около Нижне-Камчатска есть гора, называемая «Осыпь», она замѣчательна тѣмъ, что очень похожа на сотъ воска у пчелъ, только въ большомъ видѣ. Въ каждой ячейкѣ крѣпко втиснутъ круглый камень болѣе кулака; разбивши камень, въ каждомъ находится окаменѣлая раковина. Захотѣлось мнѣ перевалить чрезъ Среднекамчатскій хребетъ, отъ Ключей, верстахъ въ 35, на рѣкѣ Еловкѣ. Подъ хребтомъ есть острожекъ Еловка, отсюда и начинается подъемъ на хребетъ. Погода стояла превосходная, но хребетъ покрытъ былъ облаками. Камчадалы говорили о невозможности перебраться чрезъ горы, такъ какъ тамъ величайшая пурга. Прожилъ я недѣлю, хребетъ не показывался, соскучился и рѣшился ѣхать. Набралось попутчиковъ человѣкъ 15, я взялъ лучшаго провожатаго Кирилу и поѣхалъ. На половинѣ подъема хребта шелъ густой снѣгъ, хотя внизу было ясно. Камчадалы уговаривали вернуться, но я не послушалъ. Еще до свѣта мы проѣхали опасное мѣсто, называемое «Столбовая тундра»—это вершина гребня, шириною мѣстами нѣсколько саженъ; по обѣ стороны тундры—пропасти, а куда ни взглянешь: гора на

горѣ—хаосъ невообразимый. Поднявшись на самый хребетъ, мы нашли не пургу, а тучи снѣжныя, такъ-что на аршинъ нельзя видѣть предмета. Уже было три часа по полудни, а мы не знали, гдѣ мы. Всѣ санки были привязаны другъ за дружку, чтобы не разлучаться. Вдругъ Кирило закричалъ: ко, ко, ко,—значитъ, опасность; оказалось, что двѣ передовыя его собаки упали въ пропасть и повисли на ошейникахъ—мы находились на краю неизвѣстной пропасти. Рѣшились тутъ ночевать. Я собралъ всѣхъ около себя и, чтобы насъ не занесло снѣгомъ, то мы безпрестанно вставали и отряхались, а чтобы не уснуть, проговорили всю ночь. Не помню какъ, но передъ свѣтомъ, я на полчаса сдремнулъ, оказалось, что меня по поясъ засыпало снѣгомъ. Двѣ нарты камчадальскія, въ каждой по 6-ти собакъ, такъ занесло, что не могли найти слѣдовъ, такъ и отступились. Долго мы бились, но около полдня перевалили черезъ хребетъ на западную сторону и только начали спускаться, какъ передъ нами открылось безоблачное небо и повѣяло тепломъ. Описывая этотъ перевалъ и говоря о хребтѣ я выразился:

Ничто здѣсь не растетъ,
Ничто не зеленѣетъ,
Комаръ здѣсь не поетъ,
Червякъ ползти не смѣетъ.

Спустясь съ хребта, я видѣлъ диво дивное: отроги горъ образовали узкую долину, всю тѣсно наполненную дикими оленями. Мы едва могли удержать собакъ, кричали на оленей, бросали въ нихъ камнями, но олени бросятся отъ насъ и, встрѣтя плотно сплоченную массу и не имѣя выхода—возвращались назадъ. Ружей съ нами не было, мы стояли около двухъ часовъ, пока дальніе олени стали расходиться и ближайшіе могли дать намъ дорогу. Камчадалы говорили, что необыкновенная пурга согнала всѣхъ оленей съ хребтовъ. Но сколько ихъ тутъ было? и счета нѣтъ. Тутъ вершина рѣки Тигиля и тутъ выстроена юрта, въ которой мы ночевали. До Тигиля верстъ 60—70, мы проѣхали быстро. Тигиль была крѣпость во времена перваго занятія Камчатки русскими, но теперь крѣпости и знака нѣтъ, хотя тамъ существуетъ комендантъ изъ флотскихъ офицеровъ. Въ Тигилѣ есть церковь, больница безъ доктора, которой управляетъ фельдшеръ Дунаевъ, есть 12 штатныхъ казаковъ и купецъ 2-ой гильдіи Ворошиловъ. Казаки—это потомки первыхъ завоевателей Камчатки. Бо̀льшихъ патріотовъ, какъ эти казаки, я не видалъ во всю мою жизнь. Сынъ казака, достигнувъ 18 — 20 лѣтъ, зачисляется на службу, присягаетъ и служитъ вѣрою и правдою 25—30 лѣтъ, получаетъ солдатскій паекъ хлѣба и то не всегда полный—болѣе ничего. Одежды, жалованья казакъ не получаетъ. Обязанности его службы неограничены—онъ въ полномъ и безотчетномъ повиновеніи ближайшаго начальника. Казаки отапливаютъ всѣ казенныя зданія, обя-

заны имѣть собакъ, для гоньбы и для командировокъ. Лѣтомъ, казаки ловятъ рыбу для начальника и обработываютъ его огороды, словомъ, казакъ на службѣ — рабъ. Такихъ усердныхъ и ретивыхъ служивыхъ рѣдко можно видѣть, поведенія—всѣ отличнаго, даже званіемъ своимъ гордятся. Я всегда удивлялся патріотизму казаковъ и любовался ихъ прекраснымъ характеромъ. Казакъ вѣжливъ, гостепріименъ, усерденъ, честенъ и совершенно преданъ начальнику и все за одинъ ничтожный паекъ. Онъ носитъ форменную куклянку съ краснымъ воротникомъ и обязанъ имѣть собственную саблю и винтовку. Только старость увольняетъ его на покой. Чувство повиновенія, дисциплина, уваженіе къ старшему казаку—врожденно у этихъ людей.

Верстъ 300 отъ Тигиля, по берегу Охотскаго моря стоитъ острожекъ Ича, тутъ церковь, священникъ, при чемъ обыкновенно сынъ наслѣдуетъ отцу. Въ Камчаткѣ всѣмъ священникамъ разрѣшена охота на звѣрей, и попы всѣ охотники. Въ Ичѣ отецъ Іоаннъ побывалъ въ лапахъ медвѣдя, но кончилось счастливо; медвѣдь, помявъ попа, переломилъ ему лѣвую руку наполовинѣ между локтемъ и плечомъ; кость не срослась, и я видѣлъ удивительное явленіе. По просьбѣ моей, Іоаннъ снялъ перевязку съ руки, и вдругъ рука вытянулась почти до полу. Въ переломленномъ мѣстѣ образовалась не толстая веревка изъ жилъ и кожи. Попъ собралъ кожу къ плечу, приставилъ кость къ кости, связалъ въ лубки, и стала рука, какъ рука, но онъ не можетъ свободно ею дѣйствовать. Старику лѣтъ за 80, онъ служитъ заутрени и ѣздитъ для исполненія требъ по селеніямъ. Изъ Ичи я доѣхалъ до Большерѣцка и нашелъ его небольшимъ селомъ, остановился у общаго любимца попа Алексѣя. Онъ извѣстенъ былъ подъ общимъ названіемъ: чача. Это былъ добрякъ, весельчакъ, гостепріименъ и любилъ выпить. Къ приходу чачи принадлежали и Курильскіе острова, куда онъ на байдарѣ отправлялся разъ въ два — три года для исполненія требъ. Изъ Большерѣцка я возвратился въ Петропавловскій портъ.

Переведенный въ Петербургъ адмиралъ Рикордъ просилъ меня отвезти его и Кокрана съ семействами въ Охотскъ. Я приготовилъ корабль къ походу. Кромѣ Рикорда и Кокрана со мной отправились человѣкъ 40 пассажировъ. Капитанскую каюту занялъ Рикордъ съ женою, каюту для моего помощника я отдалъ Кокрану съ женою, а самъ помѣстился въ общей второй палубѣ, гдѣ и устроилъ временныя каютки и общую залу. Такъ какъ у меня не было помощника, то я бо́льшую часть сутокъ проводилъ на верхней палубѣ. Кокранъ выпьетъ 3—4 стакана пуншу и, уложившись на мою койку спать, оставляетъ Оксиньку одну. Желая уснуть хотя передъ свѣтомъ и не добудившись Кокрана, я, не раздѣваясь, ложусь спать въ ногахъ Оксиньки; каково же удивленіе молодой жен-

щины, когда она, проснувшись, видитъ у ногъ своихъ мужчину. Людмила Ивановна (Рикордъ) не разъ заставала меня спящимъ и хохотала.

Благополучно подошли мы къ Курильскимъ островамъ и уже были во входѣ въ проливъ, какъ подулъ противный вѣеръ; судя по облакамъ, я ожидалъ крѣпкаго вѣтра, барометръ сильно падалъ, былъ уже вечеръ. На кораблѣ былъ пассажиръ, американецъ Толманъ, онъ подошелъ ко мнѣ и весело сказалъ:

— Вотъ завтра пройдемъ Курильскіе острова.

— Можетъ быть, и нѣтъ,—отвѣчалъ я.

Толманъ предложилъ пари: когда пройдемъ проливъ, я долженъ былъ дать ему четыре соболя, а пока не пройдемъ, онъ будетъ платить мнѣ по соболю въ сутки. Я согласился. По утру буря съ противнымъ вѣтромъ, туманъ, потомъ штормъ, двѣ недѣли сильный противный вѣтръ унесъ насъ на параллель Парижа. Толманъ заплатилъ мнѣ сверхъ данныхъ мною 4 соболей, своихъ 10 соболей. Наконецъ, вѣтръ сталъ тише, и мы, хотя и съ трудомъ, вошли въ гавань.

Около Рождества я поѣхалъ прокатиться по Камчаткѣ, отъѣхалъ уже 400 верстъ, встрѣтилъ почту изъ Охотска и вернулся, такъ интересна тамъ почта. Перечитавъ почту, я отправился вновь, у меня уже вездѣ были знакомые, да я и самъ ознакомился съ нравами камчадаловъ. Что такое камчадалъ? Я убѣжденъ, что этотъ народъ, не урожденный Азіи. Складъ его, физіономія, ничто не походитъ на коренныя азіатскія племена. Языкъ — чрезвычайно мягкій, нравы, обычаи — кротки. Азіатецъ — темнокожъ, камчадалъ болѣе желтоватъ, какъ бы съ мѣднымъ отливомъ. Бороды, усовъ нѣтъ у всего племени, волоса на головѣ какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ—черные, очень густые и необыкновенно длинные; мужчины носятъ длинныя косы, заплетая по-женски, два раза обматываютъ ихъ около головы. Голосъ у мужчинъ—мягкій теноръ, у женщинъ—необыкновенно высокій сопрано. Пѣсни ихъ заунывны, протяжны и очень трудны для подражанія. Екатерина II, собирая всѣ народы въ Коммиссію Уложенія, удивлялась голосамъ камчадаловъ, но камчадалъ и камчадалка не могутъ жить внѣ Камчатки, они умираютъ скоро, какъ швейцарцы—тоскою по родинѣ. Камчадалы всѣ христіане и христіане—душою и тѣломъ. За 300, 400 верстъ, камчадалъ съ женою ежегодно ѣдутъ говѣть. Это честнѣйшій народъ на земномъ шарѣ—въ этомъ я увѣренъ. Столѣтній протопопъ родился въ Камчаткѣ и знаетъ всякаго камчадала и предковъ до 3-го колѣна. На вопросъ мой случалось ли ему видать драку между камчадалами, онъ мнѣ отвѣчалъ, что никогда не слыхалъ грубаго слова между ими, супруги живутъ какъ любовники до старости. Воровство между ими совершенно неизвѣстно. Я не могъ растолковать имъ, что̀ такое нищій въ Россіи, они

слушали и не вѣрили. Когда я представилъ имъ, какъ нищій проситъ Христа ради, они спросили: чего же онъ проситъ?

— Ѣсть.

— Да пусть бы пришелъ и ѣлъ, на что же просить.

Камчадалы и камчадалки, всѣ говорятъ по-русски, не совсѣмъ правильно, но говорятъ, напримѣръ: мой жена, я тебѣ корову-то принесъ и проч.; для домашняго обихода употребляютъ свой языкъ. Камчадалъ чрезвычайно опрятенъ, изба его съ русской печкою и съ трубою. Камчадалка готовитъ кушать въ шелковомъ платкѣ съ золотыми цвѣтами, часто въ шелковой тѣлогрѣйкѣ; печку каждый день бѣлитъ, полы, лавки, стулья и столы каждый день моетъ, стѣны и потолокъ моетъ каждую недѣлю, домовъ безъ досчатаго пола—нѣтъ. Камчадалъ безъ чая—не живетъ, у каждаго есть тарелки, стаканы, чайныя чашки, ножи и вилки; не покрывши стола, кушанья не поставятъ. Болѣе всего любятъ чай и хорошій, водку пьютъ, но нечасто, пьяные—тихи, ласковы. Во всѣхъ случаяхъ жизни руководствуются своими преданіями, которыя хранятся въ памяти стариковъ, старость—чрезвычайно уважается. Родительская власть мягка и ласкова, дѣти послушны. Я смотрѣлъ на этотъ народъ, какъ на отломокъ какого-то великаго и высшей цивилизаціи народа. Кто скажетъ, откуда пришелъ этотъ народъ? А кто скажетъ, откуда взялся народъ на Сандвичевыхъ островахъ и островахъ Дружества?

Остановившись разъ у камчадала, остановиться у другаго хозяина нельзя, первый хозяинъ счелъ бы себя глубоко оскорбленнымъ. Подъѣзжая къ дому камчадала, хозяинъ и хозяйка съ сіяющими лицами и радостію встрѣчаютъ гостя.

— Здравствуй, чача, здоровъ ли? спрашиваютъ они. — А мы тебя ждали, ждали, думали, не случилось ли чего.

Хозяинъ распрягаетъ собакъ и убираетъ санки, хозяйка раздѣваетъ, и будьте увѣрены: одежда, обувь ваша внимательно осмотрѣны и все починено, если нужно. Входя въ чистый домъ, видишь, что печка уже топится и готовится кушанье, самоваръ кипитъ и для хозяйки лучшее удовольствіе разливать чай. Камчадалы очень словоохотливы, съ ними не скучно. Послѣ обѣда, хозяинъ всегда даритъ соболя, либо лисицу—это за сдѣланное ему посѣщеніе. Разумѣется, не принять нельзя, но я всегда отдаривалъ равноцѣнно, и хозяинъ не отказывался. Прогости два, три дня, хозяинъ въ восторгѣ, похвали его собаку, онъ непремѣнно запряжетъ ее тебѣ. Если случалось мнѣ поднести старикамъ по рюмочкѣ водки, то они непремѣнно устроятъ вечеринку, соберутъ молодежь и откроютъ балъ. Какъ-то капитанъ-лейтенантъ Захаровъ ѣхалъ на перемѣнныхъ собакахъ; ему показалось, что камчадалъ тихо запрягаетъ

собаку, и Захаровъ ударилъ камчадала. Онъ съ доброй улыбкой и тихо сказалъ:

— Ты, чача, видно гнѣваешься, можетъ, я не умѣлъ сдѣлать, такъ ты скажи, какъ я долженъ сдѣлать, я сдѣлаю, только бы не разсердить тебя; ты скажи, а я, право, все сдѣлаю.

Подобное доброе хладнокровіе хоть кого обезоружитъ.

Камчатка и всѣ родившіеся въ Камчаткѣ оставили во мнѣ навсегда воспоминаніе, что это люди святые. Такой спокойной, безпечной, съ отрицаніемъ чувства объ опасности, съ совершеннымъ отсутствіемъ идеи о могущей быть непріятности—другой страны и народа, нѣтъ на земномъ шарѣ. Вспоминая о людяхъ, родившихся въ Камчаткѣ, я не могу себѣ иначе представить, что тамъ родятся съ улыбкою, живутъ смѣючись и умираютъ въ тихомъ спокойствіи. Объ убійствахъ, грабежахъ, воровствахъ—тамъ никто не подумаетъ, потому что нѣтъ ссоръ, нѣтъ зависти—всякій имѣетъ все, что ему нужно безъ тяжкаго труда; желанія ограничены, а кто желаетъ имѣть болѣе, тому стоитъ поболѣе трудиться, и пріобрѣтеніе никого не тревожитъ, потому, что пріобрѣтая, никого не лишаетъ. Тамъ совѣсть человѣка не возмущается, тамъ человѣкъ засыпаетъ безъ мысли о прошедшемъ днѣ и просыпается безъ мысли о могущей быть непріятности. Всѣ довольны, всѣ счастливы, всѣ добры. Лицемѣрію—нѣтъ мѣста. Гдѣ не родилась жадная зависть, тамъ не родилось и притворство, честное сердце—всегда искренно, встрѣчая человѣка съ привѣтливымъ поклономъ, слыша слова любви и дружбы, вѣрь, ни въ чемъ нѣтъ задней мысли, скрытаго замысла, все это простое побужденіе добраго сердца. Въ такой странѣ, поживши, самъ дѣлаешься добрѣе, честнѣе; довѣрчивость дѣлается господствующимъ чувствомъ. Мужъ—любовникъ своей жены до смерти, жена—любящій другъ и помощница своего мужа. Жизнь семейная — тиха, трудъ раздѣленъ и исполняется свято въ повиновеніи древнимъ преданіямъ, старость уважается, старики нѣжны и снисходительны къ юности. Юноша гордится, дѣлаясь помощникомъ своимъ родителямъ. Слава молодаго человѣка состоитъ въ любви и преданности къ отцу и матери. Спрашиваю, можно ли безъ теплаго чувства любви и удивленія вспоминать о такой странѣ, живя въ нашей средѣ—полной пороковъ, коварства, зависти и лицемѣрія.

Живя такъ долго въ Камчаткѣ, я не припомню ни одного непріятнаго слова, ни одного часа, который бы напомнилъ мнѣ непріятное чувство, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Вотъ почему писать воспоминанія о Камчаткѣ — для меня наслажденіе, жизнь моя въ Камчаткѣ повториться не можетъ ни въ какой странѣ. Живя тамъ, я сознавалъ всю цѣну счастливой жизни, уѣзжая въ Россію, на родину, въ страну цивилизаціи—я горько и неутѣшно плакалъ. Я сознавалъ, что, оставляя ее, погружаюсь въ омутъ коварства, зависти и ежеминутной

злобной хитрости. Я зналъ, что я теряю и что найду, и нашелъ борьбу съ жизнію.

Скажу нѣсколько словъ о курильцахъ. Основная ихъ пища морскія птицы, а какъ прилагательная—морскія звѣри и рыба.—Религія курильцевъ, есть смѣсь: шаманства съ идолопоклонствомъ.—Всѣ народы Азіи—бѣдны волосами, у многихъ—нѣтъ и признака волосъ на лицѣ. Курильцы, напротивъ, имѣютъ такое обиліе волосъ, что я другаго племени волосатаго и не знаю на земномъ шарѣ. Курильцевъ и по языку и по наружности нельзя не признать—особымъ племенемъ, можетъ быть, тоже какой-нибудь остатокъ большаго народа, спасшійся на островахъ при древнихъ переворотахъ на земномъ шарѣ.

При этомъ случаѣ, я разскажу извѣстный и любопытный случай.—Сандвичевы острова и островъ Дружества существовали, не зная другъ о другѣ. Одинъ англійскій лейтенантъ оказалъ какія-то услуги королю Сандвичевыхъ острововъ, король предложилъ англичанину—дать орденъ, для чего надобно было подвернуться татуированію колѣна.—Лейтенантъ, для странности, согласился на эту операцію—Старый жрецъ накололъ ему какой-то рисунокъ на тѣлѣ колѣна и затеръ краскою.—Это, конечно, служило шуткою для англичанина, онъ переѣхалъ на острова Дружества—кажется, болѣе 600 миль, тамъ вздумалъ купаться, при этомъ случился жрецъ, который, увидавъ рисунокъ на колѣнѣ—повергся въ прахъ и объявилъ, что лейтенантъ—Т а б у, т. е. неприкосновененъ, какъ особа священная.—Курильцевъ—очень мало, стоило бы сохранить ихъ типъ.—Продолженіе Курильскихъ острововъ—есть Японія, но это опять отдѣльное, маловолосатое племя.—Растительность Курильскихъ острововъ—бѣднѣе Камчатки.—Морскіе бури, то съ запада, то съ востока, не даютъ развиваться растительности, однако, кой-что есть одинаковое съ Камчаткою. Если растительность бѣдна, то зато море обильно снабжаетъ разною пищею. — Далѣе втораго острова я не захотѣлъ ѣхать и пошелъ въ Охотскъ.—Прощаясь съ Тигилемъ, я слушалъ пѣсню, сочиненную одной прехорошенькою дѣвочкою, дочерью казака:

На Тагильскомъ на мыску,
Погружаюсь въ грусть, тоску,
Лишь карабликъ за мысокъ,
А я млада въ голосокъ,—и проч. и проч.

Изъ этого можно заключить, что и у камчатскихъ дѣвушекъ есть сердца, умѣющія тосковать.

(П р о д о л ж е н і е с л ѣ д у е т ъ).

Изъ неизданныхъ стихотвореній и писемъ Н. М. Языкова.

I. Записки, въ стихахъ, Н. М. Языкова къ А. С. Дириной [1]).

1.

Милостивая государыня Анна Сергѣевна.

Обѣдать я у васъ готовъ—
Да дѣло въ томъ, что нездоровъ:
Я боленъ болью головной,
Сижу, хожу, какъ самъ не свой,
Я дома скученъ, какъ монахъ,
И увѣряю, что въ гостяхъ
Я буду вчетверо скучнѣй:
Теперь мой разумъ—безъ мыслей,
Глаза все на землю глядятъ,
Языкъ молчитъ, хоть и не радъ,
И даже громкія слова
Разслышать я могу едва.
Причина этому ясна
И для меня весьма важна:
Теперь я тѣломъ и душой

[1]) Помѣщаемыя здѣсь записки Языкова писаны къ Аннѣ Сергѣевнѣ Дириной, матери той Маріи Николаевны Дириной, которой имъ посвящено нѣсколько стихотвореній и которая впослѣдствіи (въ 1827 году) вышла замужъ за профессора русскаго права въ Дерптскомъ университетѣ, Александра фонъ Рейтца († 1862). По поводу свадьбы М. Н. Дириной вотъ что писалъ Языковъ своему другу А. Н. Вульфу, въ письмѣ отъ 1-го мая 1827 года, изъ Дерпта: „Сей день—т. е. 1 мая 1827 — достопамятенъ въ исторіи и твоего, и моего знакомства,—по случаю высокоторжественной и вожделѣнной свадьбы Маріи Дириной. Тютчева, Хрипкова [пріятелей Языкова по

Неинтересный и плохой.
Итакъ меня простите вы,
Что по причинѣ головы
Я не могу васъ посѣтить.
Васъ слушать, съ вами говорить
Мнѣ очень весело всегда —
Да не гожуся никуда,
А въ состояніи такомъ
Кто ходитъ въ вашъ пріятный домъ?
И не подумайте, что лгу:
Я точно доказать могу
Всю справедливость этихъ словъ.
Притомъ вамъ скажетъ Киселевъ [1])
(Онъ будетъ къ вамъ—такъ быть должно,—
Я это угадалъ давно),
Что видѣлъ самъ, какъ у меня
Ужъ голова болитъ три дня;
Но если скажетъ Киселевъ,
Что я сегодня ужъ здоровъ,
Вы не повѣрьте—это ложь:
Я и сегодня, право, тожъ,
Что былъ вчера. И такъ... и такъ—
Я не могу никакъ, никакъ
Быть сотоварищемъ ему.
Мнѣ это больно самому,
Но что же дѣлать? У судьбы
Нѣтъ либераловъ: всѣ рабы.

Вашъ покорнѣйшій Н. Языковъ.

1823, сентября 9.

Дерптскому университету] и меня грѣшнаго звали туда на празднованіе. Ни первый, ни второй, ни третій не поѣхали—по разнымъ причинамъ, преимущественно же ради отдаленности мѣста, трудности пути неизвѣстнаго—а я сверхъ того имѣлъ причину самую причинную!“

Анна Сергѣевна Дирина, вдова полковника, умершаго въ Данцигѣ въ 1812 году, пользовалась большимъ уваженіемъ лицъ, ее знавшихъ (см. о ней въ статьѣ ея сына Петра Николаевича Дирина „Нападеніе военныхъ поселянъ на село Петровское“ (Демьянскаго уѣзда, Новгородск. губ.) въ 1831 г., помѣщенной въ изданной „Русскою Стариною“ книгѣ: „Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія. 1809—1831“ (Спб. 1871), стр. 45—50). Объ этихъ стихотворныхъ запискахъ Языкова упоминается въ замѣткѣ г. Юкельсона, помѣщенной въ № 9148 „Новаго Времени“ 1901 г. (перепечатанной и въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1901 г., т. 86, стр. 363—365).

[1]) Николай Дмитріевичъ (р. 1801 † 1869), воспитанникъ Дерптскаго университета, впослѣдствіи бывшій нашимъ посланникомъ во Флоренціи; ему посвящено Языковымъ нѣсколько посланій.

2.

Милостивая государыня Анна Сергѣевна.

Вы извините, что я васъ
Своею просьбой безпокою.
И признаюсь: на этотъ разъ
Я недоволенъ самъ собою.
Но дѣлать нечего: судьбою
Теперь мнѣ данъ такой указъ.
Притомъ я самъ обезпокоенъ:
Во мнѣ восторгъ почти погасъ,
Мой умъ чувствительно разстроенъ,
И задичился мой Пегасъ,
Я ничего не сочиняю,
Я даже писемъ не пишу—
И потому-то васъ прошу,
Могу сказать, васъ умоляю
Поэта искренность простить
И сострадательной рукою
Мои финансы оживить,
Давно разсѣянные мною [1]).
Я знаю: деньги—суета;
И для неложнаго монаха
Онѣ едва ль дороже праха,
Душа не ими занята;
Но человѣку въ здѣшнемъ мірѣ
Онѣ такъ нужны, какъ въ трактирѣ,
Гдѣ въ долгъ не любятъ никого.
Я жъ человѣкъ—и такъ желаю,
Но вы ужъ знаете чего,—
И, уповая, умолкаю.

Вашъ покорнѣйшій слуга Н. Языковъ.

1823, ноября 2.

3.

Милостивая государыня Анна Сергѣевна.

Благословенному царю
Не такъ за ленту благодаренъ

[1]) Какъ извѣстно, студенческая жизнь Языкова въ Дерптѣ проходила шумно и радостно, въ удаломъ разгульѣ, и поэтъ-студентъ, вслѣдствіе того, часто нуждался въ деньгахъ. Въ 1829 году, къ концу пребыванія Языкова въ Дерптѣ, сумма его долговъ превышала 28 тысячъ (см. біографическій очеркъ В. И. Шенрока „Николай Михайловичъ Языковъ“ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1897 года, ноябрь, стр. 173).

Ея не стоящій бояринъ:
Я васъ душой благодарю.
Вы мнѣ веселость оживили,
Моей мечты прогнали мракъ
И вновь поэту возвратили
Свободу, музу и табакъ.
Была пора—я помню живо:
Свѣча задумчиво горитъ,
Сижу съ тоскою молчаливой,
Гляжу къ землѣ, перо лежитъ,
Лишь изрѣдка возьму бумагу,
Означу мѣсяцъ, день;—но вдругъ
Я вспомню денежный недугъ,
И на ладонь главою лягу,
И томно очи затворю...
Не вы ли мнѣ возможность дали
Укоротить мои печали?
Благодарю, благодарю!

Н. Я.

1823, 11 ноября.

4.

Еще элегія.

Какъ скучно мнѣ: съ утра до ночи
Лежу и думаю: когда
Моя окончится бѣда,
Мои яснѣе будутъ очи.
Бывало: пылкая мечта
Ко мнѣ веселая летала,
И жизни тихой красота
Мою надежду чаровала.
Бывало: позднею порой
Прекрасный ангелъ пѣснопѣній
Въ тиши бесѣдовалъ со мной
И ободрялъ мой юный геній.
Но быстро, быстро пронеслось
Мое веселье золотое:
Теперь что вздумаю—пустое,
Теперь стихи мои—хоть брось!
Но все пройдетъ, какъ сновидѣнье:
Я буду счастливъ и здоровъ,
И вновь святое вдохновенье
Проснется для моихъ стиховъ.

Такія чувствуетъ печали
Богачъ, котораго казну,
Его завистники украли:
Онъ грустно помнитъ старину;
Но мысль надежная сверкаетъ

Въ его печальной головѣ,
И онъ—въ управу посылаетъ
Сказать о важномъ воровствѣ:
Его сокровища найдутся,
Тоска исчезнетъ, какъ мечта—
И благовидно улыбнутся
Уже спокойныя уста.

Записку вашу я тогда же разобралъ: вамъ сказали неправду. Не нужно ли еще «Зима пришла» [1]), или довольно?

5 генваря 1824.

5.

Les vers sont en effet la musique de l'âme! [2])
Voltaire.

Когда въ моемъ уединеньѣ
Не существуетъ ни гроша,
Груститъ мое воображенье
И то же дѣлаетъ душа;
Когда у Господа—финансовъ
Я умилительно прошу
И ни студенческихъ романсовъ,
Ни важныхъ пѣсенъ не пишу,
Сіи минуты роковыя,
Въ ихъ безотрадной тишинѣ,
Напоминаютъ часто мнѣ
Кармана радости былыя,
И вдохновеніе, и васъ;
Я не забылъ, какъ мой Пегасъ,
Слуга живой и неизмѣнной,
Необходимости служилъ
И мнѣ отраду приносилъ
Отъ доброты незаслуженной!
О! сильно чувствуетъ поэтъ!
Въ душѣ, лишь генію послушной,
Притворства нѣтъ, и лести нѣтъ,
И нѣтъ надежды малодушной.
Неблагодарность всѣ вѣка
Открыто славилася въ мірѣ
И въ одѣяньѣ бѣдняка,
И въ императорской порфирѣ,—
И свѣтъ таковъ, каковъ онъ былъ.

---

[1]) Стихотвореніе Языкова.
[2]) Т. е. Стихи въ дѣйствительности суть музыка души.

Но въ длинныхъ лѣтописяхъ свѣта
Скажите: кто же находилъ
Неблагодарнаго поэта?
Одинъ, съ поникшей головой,
Въ моемъ пріютѣ одинокомъ,
Сижу въ молчаніи глубокомъ
И въ свѣтлый часъ, и въ часъ ночной—
Мечты чуть живы, не играютъ,
И часто съ утра до утра
По Дерпту цѣлому летаютъ
Искать бумажнаго добра—
И ничего не обрѣтаютъ!
Безъ денегъ съ нѣмцами—бѣда:
Они пріятны для досуговъ,
Но ихъ пріятность никогда
Не лѣчитъ денежныхъ недуговъ!
Но вы, которыя ко мнѣ—
За что? не знаю—благосклонны...
У васъ мой духъ неугомонный,
Какъ на родимой сторонѣ,
Отраду чистую находитъ;
Не къ вамъ ли, скучная порой,
Съ непринужденною тоской
Моя поэзія приходитъ?
О, будьте духу моему
Благотворителемъ, какъ были—
И то, и то, и то ему
Простите—если не простили!

Н. Языковъ.

3 апрѣля 1824.

6.

Какъ цвѣтъ небеснаго эѳира,
Какъ безмятежная луна,
Моя поэзія ясна.
Но суетѣ земнаго міра
Порой покорна и она.
Пускай божественнаго свѣта
Восторги сладостны уму
Самолюбиваго поэта:
Онъ все не Богъ, и все ему
Нужна подлунная монета—
Удѣлъ не славный, не святой!
Но такъ судьба опредѣлила,
И всѣ мы ходимъ подъ судьбой.
Вы понимаете въ чемъ сила!
Благодарю—и Богъ со мной.

Н. Языковъ.

15 мая 1825. Дерптъ.

7.

Въ послѣдній разъ въ семестрѣ этомъ—
Пускай за деньги—такъ и быть—
Я притворяюся поэтомъ
И васъ могу благодарить:
Не разъ, не два, вы прогоняли
Мои карманныя печали
И тайнымъ подвигомъ добра
И духъ и здравіе пера
Пѣвцу-студенту оживляли.
Все слава Богу—мнѣ пора
Скакать дорогой къ Петрограду
Найду тамъ братскую отраду,
Найду поэтовъ и друзей;—
Но, вѣрьте богу вдохновенья,
Я не забуду здѣшнихъ дней
И вашего благотворенья
И благодарности моей!

Н. Языковъ.

9 іюня 1825.

II. Письмо Н. М. Языкова къ А. С. Пушкину.

Дерптъ. 19-го августа 1826.

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
. . . . . [1])

Таково, съ моей стороны, начало нашей переписки! Ради Бога, въ васъ живущаго, поддержите ее; а я, вѣрно, буду постоянно ревностенъ въ дѣлѣ, которымъ могу гордиться. У меня есть еще другая къ вамъ просьба; вотъ она: одинъ мой пріятель, увлеченный духомъ времени, собирается издать на будущій годъ альманахъ; вслѣдствіе сего намѣренія человѣка добросовѣстнаго и литтератора и вслѣдствіе надежды на вашу ко мнѣ благосклонность — и прошу, и молю васъ не отказаться способствовать и сему богоугодному предпріятію. Апологъ:

[1]) Въ началѣ письма помѣщенъ полный текстъ этого посланія Языкова къ Пушкину (см. Стихотворенія Языкова, Спб. 1898, т. I, стр. 111 — 112). Къ стихамъ:

Съ челомъ возвышеннымъ стою
Передъ скрижалью вдохновеній

сдѣлано примѣчаніе: „Аспидная доска, на которой стихи пишу“.

Удѣлъ генія.

Змѣя увидѣла подснѣжникъ, ранній цвѣтъ,
И ядомъ облила прелестное растенье.
Такъ геній—наглости завистника предметъ—
Страдаетъ безъ вины и терпитъ угнетенье [1]).

Хорошъ ли? Прощайте покуда.—Засвидѣтельствуйте мои почтенія и поклоны Прасковьѣ Александровнѣ [2]) и всему міру, въ которомъ я былъ вполнѣ счастливъ.

Prope et longe tuus Н. Языковъ.

III. Письмо Н. М. Языкова къ А. Н. Очкину [3]).

Дерптъ. 20-го апрѣля 1829.

Христосъ воскресе! любезнѣйшій Аміілій, обнимаю тебя и цѣлую троекратно! Мнѣ теперь здѣсь такъ скучно, такъ грустно, что я бѣжалъ бы отсюда, куда глаза глядятъ, если бъ долги не держали меня за полы—все жду, жду, жду возможности покинуть Дерптъ [4]), и все еще не могу понять, почему это ожиданіе тянется да тянется. Возверзи печаль твою на Господа!... Я и это пробовалъ—постился семь недѣль, говѣлъ, исповѣдался, пріобщился Святыхъ Таинъ—и все еще здѣсь!! Сложивъ руки, сижу, сумраченъ и тихъ,—и не знаю, имѣю ли право хоть мало-мальски надѣяться на перемѣну судьбы моей. Сама природа, кажется, мнѣ досаждаетъ: всякой день снѣгъ, дождь и чревобѣсіе воздуха: улицы непроходимы, удовольствій ровно никакихъ; все одно и тоже—и Богъ вѣсть, когда кончится! Что ты думаешь о «Выжигинѣ» [5]): здѣсь его всѣ хва-

---

[1]) Это четверостишіе напечатано въ „Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки“ за 1889 г., стр. 43—44.

[2]) Осиповой, владѣлицѣ села Тригорскаго, гдѣ Языковъ провелъ лѣто 1826 г. и почти ежедневно видѣлся съ Пушкинымъ.

[3]) Аміілій Николаевичъ Очкинъ (р. 1802 † 1865), старинный пріятель и другъ Языкова (такъ же, какъ и онъ, воспитанникъ горнаго кадетскаго корпуса), занимался литературою, особенно переводами, и съ 1839 по 1863 г. былъ редакторомъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Между стихотвореніями Языкова имѣются и посланія его къ А. Н. Очкину.

[4]) Языковъ пріѣхалъ въ Москву въ маѣ 1829 г. (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, Спб. 1889, стр. 306).

[5]) Романѣ Булгарина „Иванъ Выжигинъ“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1829 г.

лятъ, и никто еще не прочелъ—не такъ ли у васъ въ Питерѣ? Судя по объявленію Греча, это произведеніе единственное въ нашей литературѣ (не забылъ ли Гречъ о романахъ Нарѣжнаго, особенно о «Русскомъ Жилблазѣ»?); но я держусь правила: не всякому слуху вѣруйте: есть бо духъ Божій и духъ льстечь! «Полтаву» Пушкина здѣсь уже прочли; мнѣнія различны: одни читатели безъ ума превозносятъ, другіе такожде хулятъ. Мнѣ кажется, что Пушкинъ не успѣлъ (вѣрно торопился) вполнѣ воспользоваться своимъ предметомъ; есть мѣста восхитительныя—коегдѣ есть духъ русской (вотъ главное! сказалъ Карамзинъ). Еще мнѣ кажется, что въ сей же поэмѣ слишкомъ видное стремленіе Пушкина описывать и выражаться какъ можно проще часто вредитъ поэзіи и вводитъ его въ прозу! Характеры вообще подгуляли.

Здѣсь теперь весь городъ — подобно мнѣ грѣшному — полонъ ожиданій: ждутъ государя [1]), государыню, наслѣдника, ждутъ Жуковскаго [2]), ждутъ Булгарина, Сомова [3]) и проч. Дай Богъ совершенія этимъ сердечнымъ прихотямъ—особенно моей поѣздкѣ. Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

IV. Письма Н. М. Языкова къ А. Н. Вульфу [4]),

1.

Дерптъ. 14-го марта 1828.

Ты давно не писалъ ко мнѣ, вѣроятно, за то или потому, что не получалъ моихъ писемъ, которыя, какъ открылось назадъ тому съ недѣлю, предательски задерживались въ карманѣ раба неблагодарнаго.

Вотъ въ чемъ дѣло: у тебя находится Манфредъ, пер(еводъ) Врон-

---

[1]) Императоръ Николай отправлялся на коронацію въ Варшаву.

[2]) Жуковскій пробылъ въ Дерптѣ до 30-го апрѣля и потомъ также уѣхалъ въ Варшаву (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 206).

[3]) Ореста Михайловича, литератора.

[4]) Выдержки изъ многихъ писемъ Н. М. Языкова къ его пріятелю Алексѣю Николаевичу Вульфу (р. 1805 † 1881) приведены М. И. Семевскимъ въ его статьяхъ „Прогулка въ Тригорское“ (въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1866 года, №№ 163, 168 и 175) и „Н. М. Языковъ“ (въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 года). Здѣсь помѣщаются только тѣ письма Языкова къ А. Н. Вульфу, которыя совсѣмъ не использованы М. И. Семевскимъ.—А. Н. Вульфъ, по окончаніи въ 1826 г. курса въ Дерптскомъ университетѣ, отправился сначала въ свое имѣніе (Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи), а потомъ въ Петербургъ.

*

ченки [1]), который разъѣхался съ моимъ братомъ. Ты потрудись, и какъ можно скорѣе, доставить его Вронченкѣ, живущему теперь у васъ въ Питерѣ, въ Сергіевской улицѣ, въ домѣ Калачевой, въ квартирѣ гвардейской артиллеріи поручика Ортенберга. А вотъ въ чемъ штука: скажи Вронченкѣ, что ты имѣлъ отъ брата порученіе взять теперь изъ его рукописехранилища оный переводъ и вручить, кому слѣдуетъ. Иначе нарушилась бы литературная тайна. Солги, сдѣлай по сему писанному—и если боишься грѣха, то я беру его на себя передъ Судомъ Страшнымъ.

Кланяйся Пушкину; ты увидишь и Ортенберга, нашего общаго добраго пріятеля, узнай и напиши мнѣ, куда ихъ шлютъ, зачѣмъ и скоро ли?

Пора на почту, прощай. Твой Н. Языковъ.

2.

Дерптъ. 4-го августа 1828.

Я довольно давно не писалъ къ тебѣ, мой почтеннѣйшій: вина не моя, что почта не отправляетъ писемъ въ долгъ; но вотъ въ чемъ дѣло: здѣсь носится молва — всѣмъ твоимъ знакомымъ и слѣдовательно мнѣ κατ εξοχην [2]) любопытная: говорятъ, что ты препоясываешь мечъ [3]) по бедрѣ твоей, ополчаешься за Русь православную и царя православнаго, что ты вовсе готовъ сѣсть на перекладную колесницу и мчаться къ знаменамъ, развѣвающимся уже на Балканѣ! Желаю тебѣ всевозможнаго счастія на полѣ чести и славы, да сокрушитъ рука твоя тьмы турокъ, да украсится грудь твоя знаками побѣдъ блистательныхъ и сердце воспоминаніями великими! Прошу у тебя обѣщанія писать ко мнѣ, хоть изрѣдка, съ поприща твоихъ подвиговъ, да извѣщаюсь объ нихъ самимъ героемъ!—и посланія лирическія польются, звонкія и торжественныя!

О здѣшнихъ новостяхъ теперь было бы не кстати: самая важная—твое отправленіе.

Мои дѣла учебныя идутъ—и слава Богу Тютчевъ [4]) готовится со мною

---

[1]) Михаилъ Павловичъ Вронченко (р. 1801 † 1855), офицеръ генеральнаго штаба и литераторъ, переводчикъ „Манфреда“ Байрона, „Гамлета“ и „Макбета“ Шекспира и „Фауста“ Гёте, былъ знакомъ Языкову и Вульфу,—такъ же, какъ и упоминаемый въ этомъ письмѣ офицеръ Ортенбергъ,—по Дерпту, гдѣ онъ слушалъ лекціи астрономіи Струве (см. „Русскій Архивъ“ 1867 г., столб. 714). Переводъ «Манфреда», исполненный Вронченкомъ, вышелъ въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1828 году.

[2]) Т. е. по преимуществу.

[3]) А. Н. Вульфъ поступилъ въ гусарскій принца Оранскаго полкъ (см. „Русскій Архивъ“ 1867 г., столб. 744).

[4]) Андрей Николаевичъ Тютчевъ (р. 1805 † 1831, въ Москвѣ, отъ скоротечной чахотки), которому также посвящено нѣсколько стихотвореній Языкова.

вмѣстѣ предстать къ Іисусу: пожелай намъ успѣха. Кланяйся своимъ. Писать некогда: тороплюсь на почту. Весь твой Н. Языковъ.

3.

28-го марта 1836.

Наконецъ я узналъ, гдѣ ты живешь и блаженствуешь, мой любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ! Братъ мой встрѣтилъ тебя въ Москвѣ и увѣдомилъ твоего пѣснопѣвца, что онъ можетъ писать къ тебѣ въ Старицу. Ты вовсе забылъ меня! Что же ты дѣлаешь? Или ты такъ сильно препогрузился въ агрономію, что тебѣ все, кромѣ хлѣба, трынъ-трава!

Странна судьба! Привлекла тебя въ Москву именно въ то время, когда я домовничаю на родинѣ! Но да не смущается сердце ваше! Мы съѣдемся, мы должны это сдѣлать! Надобно только списаться — и дѣло будетъ въ шляпѣ! Не такъ ли? Я извѣщу тебя, когда кончатся мои труды, печатать которые поѣду въ Бѣлокаменную—это прежде зимы никакъ невозможно—труды большіе, драматическіе [1])!!!

Читаешь ли ты хотя стихи мои? Замѣтилъ ли, что я сталъ объективнѣе—это къ лучшему—не всё одно и тоже! Пушкинъ, слышно, предпринимаетъ журналъ: Современникъ. Какъ-то онъ сладитъ съ трудомъ, требующимъ постояннаго сидѣнія за мелочами?

Поздравляю Шепелева [2]) съ гусарскими эполетами. Неужели онъ втянется въ службу надолго? Желаю ему во всемъ благаго поспѣшенія.

Нѣтъ ли у тебя сношеній съ Дерптомъ? Вотъ въ чемъ дѣло: я, еще въ ноябрѣ прошлаго 1835 года, писалъ къ Хрипкову [3]) и просилъ его отыскать нѣмца—дядьку для дѣтей моего брата. Хрипковъ не далъ отвѣта. Такъ не знаешь ли, не уѣхалъ ли нашъ любезный запоздалый пейзажистъ куда-нибудь въ сторону? Справься, если можешь: это мнѣ очень нужно.

Прощай покуда. Весь твой Н. Языковъ.

Всѣмъ твоимъ мой поклонъ и почтеніе; я еще въ долгу у Евпр(аксіи) Ник(олаевны) [4]): теперь есть надежда, что расплачусь: — вѣдь уплата стараго долга почти находка въ наше несостоятельное время!

Адресуй письма ко мнѣ: въ Карсунъ Симбирской губерніи.

---

[1]) Драматическая сказка „Жаръ-птица“, семь главъ изъ которой появились во II томѣ „Современника“ 1836 года.

[2]) Петра Николаевича Шепелева (р. 1806), также бывшаго студента Дерптскаго университета.

[3]) Александръ Дмитріевичъ Хрипковъ (р. 1799), также бывшій студентъ Дерптскаго университета, занимался живописью.

[4]) Сестра А. Н. Вульфа Евпраксія Николаевна (р. 1810 † 1883), бывшая, съ 1831 года, замужемъ за барономъ Борисомъ Александровичемъ Вревскимъ.

4.

25-го апрѣля 1836 года.

Вскорѣ послѣ отправки моего письма къ тебѣ, мой любезнѣйшій Аяксъ, получилъ я твое письмо изъ Старицы—честь и слава тебѣ, что помнишь меня грѣшнаго. Давай же опять вести переписку по прежнему: намъ не подобаетъ и во вѣки вѣковъ, если можно, забывать другъ друга.

Ты справедливо замѣтилъ, что я дѣятельно участвую въ «Московскомъ Наблюдателѣ»: да, я опять расписался и теперь уже, кажется, надолго. Принимаюсь и за большіе труды. Полно мнѣ, такъ сказать, мелочничать. Впрочемъ, да не смущается сердце твое—посланія у меня всегда будутъ писаться, только что они будутъ уже не главнымъ—вотъ главное! Теперь жизнь моя чрезвычайно благопріятна стихописанію: уединенная какъ нельзя больше, тихая, привольная и сельская, и—хвала за то Провидѣнію!—хозяйство мое такъ хорошо устроено и такъ долго шло хорошо, что я совершенно независимо могу предаваться любви своей [1]). Какъ-то ты ты дѣйствуешь по этой части? Гдѣ ты находишься преимущественно—на берегахъ ли Сороти [2]) и въ виду двухъ озеръ? Это мнѣ нужно знать—пригодится, можетъ быть. Напиши мнѣ подробно обо всемъ, что ты дѣлаешь, куда стремишься и проч. Прощай покуда. Твой Н. Языковъ.

Всѣмъ твоимъ мой поклонъ и почтеніе.

5.

12-го іюля 1837.

Не хочу, потому что никакъ не могу, оправдываться передъ тобою; ты имѣешь все право, ты долженъ сердиться на меня за мое молчаніе; и что ты думалъ обо мнѣ, не получая отъ меня ни строки такъ долго, послѣ моего обѣщанія писать къ тебѣ изъ Москвы, куда я тогда ѣхалъ? Вина моя передъ тобою непростительна, несносна. Но если можетъ въ насъ раскаянье живое... и проч.

Много утекло воды съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ къ тебѣ. Что же дѣлалъ ты въ это время? Хозяйничалъ ли, или женился [3]), подражая твоему соратнику Хомякову [4])? У меня же весь почти этотъ годъ про-

---

[1]) Небольшая выписка изъ этого письма, притомъ не вполнѣ точная, напечатана въ біографическомъ очеркѣ Языкова, помѣщенномъ въ изданіи его „Стихотвореній“ 1858 года, часть первая, стр. VIII.

[2]) Т. е. въ Тригорскомъ.

[3]) А. Н. Вульфъ умеръ холостымъ.

[4]) Извѣстный писатель-славянофилъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ

шелъ въ разъѣздахъ (это не извиненіе!). Я былъ и въ Москвѣ довольно долго,—просидѣлъ ровно 6 мѣсяцевъ, именно просидѣлъ—по слабости здоровья моего! Стиховъ не писалъ почти вовсе, какъ ты видишь въ журналахъ,—за то собираюсь опять приняться за что-нибудь большое.

Гдѣ ты теперь находишься? Тамъ, гдѣ мы нѣкогда гуляли вмѣстѣ съ нашимъ безсмертнымъ Пушкинымъ? Горько и досадно, что онъ погибъ такъ безвременно и отъ руки какого-то пришлеца! Исторія причинъ дуели его—чрезвычайно темна и, вѣроятно, останется таковою на вѣки вѣковъ. И какъ мало отдѣланнаго нашлось въ его бумагахъ. Его губилъ и погубилъ большой свѣтъ—въ которомъ не житье поэтамъ! Поклонись за меня его праху, когда будешь въ Святогорскомъ монастырѣ. Пиши ко мнѣ.

Прощай покуда. Твой Н. Языковъ.

Всѣмъ твоимъ мое почтеніе.

Адресъ мой: въ Карсунъ Симбирской губерніи.

6.

(Помѣта о полученіи письма: 22-го октября 1837 г.).

Я получилъ письмо твое и не знаю, какъ благодарить тебя за то, что ты на меня не сердишься: ты почти прощаешь мнѣ всѣ мои великіе грѣхи передъ тобою и бесѣдуешь со мною по прежнему.

Ты спрашиваешь: каково мое здоровье? Плохо, плохо! Я продолжаю лечиться, а поправляться еще и не начиналъ. Въ концѣ будущаго ноября поѣду въ Москву или въ Питеръ: надобно же мнѣ—и пора—чѣмъ-нибудь покончить мое томительное положеніе! Прошлаго 1836 года въ Москвѣ прожилъ я ровно 7 мѣсяцевъ по пустякамъ. Повѣришь ли, что все это время я сбирался день за день ѣхать домой, лечиться порядочно; а пріѣхавъ сюда, началъ собираться ѣхать въ Москву,—здѣсь уже догадавшись, что мнѣ было бы лучше тамъ остаться! So geht es in der Welt [1])!!

Ты смотришь на причины дуели Пушкина совсѣмъ не такъ, какъ ихъ намъ показываютъ. Въ распространеніи слуховъ объ этой кровавой трагедіи вмѣшалось такъ много относительнаго и духа партій, что нашему брату, удаленному отъ большаго свѣта и неопытному въ распутываніи столичныхъ сплетней—вовсе ничего разобрать нельзя. Отъ тебя надѣюсь узнать правду и истину.

Если жена Пушкина своею вѣтренностію или неосторожностію дѣй-

участвовалъ, какъ и Вульфъ, въ Турецкой войнѣ 1828—29 гг. Онъ женился на сестрѣ Н. М. Языкова, Прасковьѣ Михайловнѣ.

[1]) Т. е. Такъ все идетъ на этомъ свѣтѣ!

ствительно навела на него ударъ, его поразившій, то слѣдуетъ ли изъ этого, что стихотворцамъ и вообще всѣмъ холостымъ жениться не слѣдуетъ. Нѣтъ, мой почтеннѣйшій, ты ошибаешься! Хомяковъ своимъ примѣромъ доказываетъ и очень убѣдительно совѣтуетъ и мнѣ приступить, разумѣется со страхомъ Божіимъ и вѣрою, — къ сочетанію своего сердца съ сердцемъ существа ему любезнаго! Онъ говоритъ даже, что и ты женишься!.....

Когда моя поѣздка обозначится яснѣе теперешняго—а это будетъ на дняхъ,—то я напишу къ тебѣ, какъ и что. Надобно же намъ увидѣть другъ друга! Мнѣ бы хотѣлось на это время быть здоровымъ—Богъ милостивъ и благъ,—но и въ противномъ случаѣ все-таки надобно.

Прощай покуда. Весь твой Н. Языковъ.

Нѣтъ ли у тебя стиховъ изъ «Мѣднаго Всадника», которые не напечатаны?

7.

Октября 17-го дня 1838 года, Ганау.

Прошлаго 1837 года, осенью, писалъ я къ тебѣ изъ Симбирска, что собираюсь ѣхать въ Москву лечиться, что оттуда извѣщу тебя, долго ли тамъ пробуду и проч.: я въ самомъ дѣлѣ собрался было и тогда же въ Москву именно, но за день до дня отъѣзда простудился и такъ сильно, что пролежалъ на одрѣ болѣзни до мая 1838; тогда былъ п е р е в е з е н ъ въ Москву, гдѣ медики предписали мнѣ путешествіе въ Маріенбадъ и около двухъ мѣсяцевъ приготовляли меня къ этому подвигу—т. е. къ возможности быть везому на далекія цѣлебныя воды, въ безъизвѣстную! Въ Маріенбадѣ пробылъ я почти два мѣсяца, пилъ бруннъ, купался въ водѣ и грязяхъ, и по окончаніи курса, отъ котораго пользы еще не вижу, отправился въ Ганау къ знаменитому Копу [1]), гдѣ и есмь. Копъ обѣщается поставить меня на ноги и сдѣлать вообще молодцемъ къ осени 1839: въ Ганау продержитъ меня до лѣта, а лѣтомъ пошлетъ купаться въ Гастейнъ. Вотъ какъ скоро судьба бросаетъ меня нынѣ черезъ горы и долы, изъ страны въ страну! Меня, который такъ любилъ и такъ привыкъ пребывать на одномъ мѣстѣ и сидѣть сиднемъ! И какъ быстро перемѣнился я, можно сказать, съ головы до ногъ. Теперь еще не могу порядочно пройти по комнатѣ, взойти на лѣстницу безъ провожатаго; мѣсяцъ

---

[1]) Іоганнъ-Генрихъ Копп (р. 1777 † 1858), докторъ и авторъ нѣсколькихъ трудовъ по медицинѣ, пользовавшійся большою извѣстностью у русскихъ, ѣздившихъ за границу.

тому назадъ не могъ прочесть страницы, написать пяти строкъ, не почувствовавъ одышки!

Какъ ты поживаешь, гдѣ ты? Дай мнѣ отвѣтъ на эти вопросы—я здѣсь еще успѣю получить письмо твое. Не сердись на мое молчаніе: прости мнѣ его больному, какъ прежде прощалъ здоровому.

Меня везъ въ чужіе краи и здѣсь еще со мною находится — мнѣ въ утѣшеніе—П. В. Кирѣевскій, занимающійся собираніемъ русскихъ пѣсенъ и стиховъ: если у тебя много порожняго времени—то примись-ка записывать съ голоса народа русскія пѣсни и стихи. Послѣдніе чрезвычайно важны во многихъ отношеніяхъ: это легенды, поемыя нищими, въ нихъ столько поэзіи, что мы можемъ гордиться ими передъ Европою—и въ нихъ-то истинная, наша, самобытная словесность. Я увѣренъ, что ты не откажешься отъ этого благаго дѣла.

Прощай покуда. Весь твой Н. Языковъ.

Всѣмъ твоимъ мой поклонъ.

8.

Іюля 8-го дня 1839. Ганау.

Пишу къ тебѣ еще разъ изъ Ганау. Я недавно возвратился сюда изъ Крейцнаха, гдѣ купался въ соленой водѣ и пилъ ее, какъ бывало вино. Теперь переношу ея дѣйствіе на мое тѣло и пережидаю жары, мнѣ вредоносные. Когда все это посмирится, отправлюсь въ Гастейнъ, гдѣ, по словамъ Копа, найду мое исцѣленіе. Изъ Гастейна въ Вевѐ—лечиться виноградомъ,—а потомъ зимовать въ Римъ: такъ мнѣ предписано! Послѣднюю статью этого регламента постараюсь не исполнить: лучше, кажется, будетъ просидѣть зиму въ Фернѐ, чѣмъ въ столицѣ каѳолицизма, гдѣ, хотя и теплѣе, но не въ домахъ, а на улицѣ, потому что нѣтъ хорошихъ печей,—а въ Швейцаріи эта важная часть бытія человѣческаго стоитъ на высшей точкѣ совершенства, нежели въ Нѣметчинѣ и въ Италіи. Не велика бѣда, что я не перейду черезъ Сенъ-Бернардъ или Сенъ-Готардъ: что̀ мнѣ теперь до славы? что̀ я за Наполеонъ, что́ я за Суворовъ? Здоровье краше всѣхъ румянъ! И что папы не увижу—тоже не бѣда. Мнѣ теперь ничего такъ не хочется, — мнѣ никогда ничего такъ сильно не хотѣлось, — какъ поскорѣе во свояси. Эта жизнь подъ перстомъ медицины, эта таскатня отъ одного мѣста леченія къ другому, это всегдашнее пребываніе въ комнатѣ въ закупоркѣ, эти несносно-тягостные переѣзды, и пережданія, и отдыхи отъ одного лекарства до другого,—этотъ чужой языкъ и людъ, другой законъ, другіе нравы—и, наконецъ, вся эта микстура, вмѣстѣ взятая и приправленная нѣмецкимъ духомъ, какъ нѣмецкій супъ мушкатнымъ орѣхомъ, эта микстура наскучила мнѣ, какъ всѣ прочія микстуры, и

мази, и пластыри—слабительные, свербительные и томительные! Что-то скажу я послѣ купанія моего въ электрической водѣ гастейнской? Копъ сильно на нее надѣется. Я имъ очень доволенъ. Онъ поправилъ меня, сколько можно было: это была, дискать, только подготовка для Гастейна,—а главное, а все въ немъ!

На зимовкѣ начну писать стихи. Я такъ намерзся моимъ бездѣйствіемъ духовнымъ, что, вѣроятно, разражусь сильно и множественно—ежели... разумѣется, мое здоровье этому не воспротивится, какъ было до сегодня. Прощай покуда. Напиши ко мнѣ въ Гастейнъ. Твой Н. Языковъ.

Всѣмъ твоимъ мои почтенія и поклоны. Не женился ли ты? У меня есть слухи, что это должно быть: такъ требуй же отъ меня поздравительныхъ стиховъ!

9.

Сентября 6-го дня 1844. Москва.

Спасибо тебѣ, мой любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ, что ты вспомнилъ меня, твоего стараго однокашника и воспѣвателя! Правда, что я уже возвратился изъ нѣмецкихъ краевъ: я теперь нахожусь въ Бѣлокаменной—на Арбатѣ, у Спаса на Пескахъ, въ домѣ Безсмѣнова. Пріѣзжай взглянуть на меня. Я въ Москвѣ еще съ августа прошлаго 1843 года и пробуду здѣсь, вѣроятно, еще долго: мой врачъ не позволяетъ мнѣ удалиться изъ-подъ его личнаго надзора! Пріѣзжай: покажи мнѣ себя, превратившагося изъ воинственнаго гусара въ мирнаго помѣщика,—и посмотри меня, который когда-то пѣлъ бойко и гулялъ молодецки, а теперь съежился въ болѣзненнаго домосѣда! Я еще въ долгу у Евпраксіи Николаевны [1]): если у ней есть еще альбомъ, то привези его мнѣ, я исполню свое обѣщаніе. Всѣмъ твоимъ мои поклоны и почтенія. Твой Н. Языковъ.

10.

Октября 14-го дня 1844.

Правда, что я прожилъ въ Москвѣ почти годъ, не извѣстивъ тебя о моемъ возвращеніи на Русь православную; но правда и то, что я имѣлъ желаніе сдѣлать это и справлялся, въ свое время, о тебѣ у кого слѣдуетъ: справлялся я у А. Д. Хрипкова [2]). Онъ не далъ мнѣ удовле-

---

[1]) См. выше, стр. 487, прим. 4-е.
[2]) См. выше, стр. 487, прим. 3-е.

творительнаго отвѣта ни на одинъ изъ многихъ моихъ о тебѣ вопросовъ: и такъ поблагодари отъ меня Евпраксію Николаевну за сообщеніе тебѣ извѣстія о моемъ пребываніи въ Москвѣ.

Хотя я самъ не большой хозяинъ,—или, лучше сказать, я хозяинъ ни большой, ни малой, т. е. я вовсе не хозяинъ, но я умѣю уважать обязанности всякаго хозяина — итакъ думаю, что ты освободишься отъ водъ и твоихъ дѣлъ хозяйственныхъ не прежде перваго пути: тогда, братъ, и Москва будетъ веселѣе и явится тебѣ въ полномъ блескѣ своей зимы. Здѣсь ты найдешь и твоего однополчанина Ал(ексѣя) Степ(ановича) Хомякова. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

11.

Августа 23-го дня 1845. Башиловка.

Наконецъ дождался я письма отъ тебя, мой Алексѣй Николаевичъ! Я уже начиналъ думать, не предался ли ты заманчивому и завлекательному вихрю питерскихъ суетъ и соблазновъ и не носишься ли ты по прихоти волнъ треволненной столичной жизни? Теперь вижу, что все это время прошло у тебя не въ мишурныхъ забавахъ и наслажденіяхъ, а въ горькихъ хлопотахъ и заботахъ; сердечно сострадаю тебѣ въ твоей семейной потерѣ: покойнаго Валерьяна [1]) я живо помню, какъ помню все, что, во время оно, было въ незабвенномъ Тригорскомъ. Сердечно сострадаю и несчастію [2]), постигшему вашу губернію: оно нимало не удивило меня: хотя я, своею особою, и никогда не принадлежалъ и не принадлежу къ несмѣтному числу пружинъ, движущихъ ту огромную, тяжелую и скрыпучую махину, которую мы называемъ русскимъ правительствомъ, но всетаки и я уже довольно приглядѣлся къ ея дѣйствіямъ—и почитаю всѣ ихъ истиннымъ посланіемъ Божіимъ, на которое и смотрю съ этой точки зрѣнія.....

Засвидѣтельствуй мою искреннюю благодарность всѣмъ помнящимъ меня въ Тригорскомъ за несказанную ихъ пріязнь ко мнѣ многогрѣшному. На дняхъ посылаю тебѣ подобающее число экземпляровъ моихъ новыхъ стихотвореній [3]). Если ты вздумаешь писать ко мнѣ, то надписывай письма: въ Москву, на Пречистенку, у Троицы въ Зубовѣ, въ домъ Наумовой. Къ 1-му сентября я переѣду туда съ дачи, гдѣ теперь еще пребываю, дрожа и ежась отъ холода. Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

---

[1]) Братъ А. Н. Вульфа, Валеріанъ Николаевичъ (р. 1812) умеръ 13-го марта 1844 года.

[2]) Голодъ.

[3]) „Новыя стихотворенія“ Языкова вышли въ свѣтъ въ 1845 году.

Въ Москвѣ примусь и за альбомъ баронессы Вревской [1]), которой кланяюсь всеусерднѣйше.

12.

Февраля 14-го дня 1846.

Вотъ тебѣ альбомъ Евпраксіи Николаевны и мои стихи для него: доставь все это по принадлежности съ приложеніемъ моего почтенія и просьбы принять благосклонно мои каракульки! Не знаю, разберетъ ли ихъ Евпраксія Николаевна, разберешь ли ихъ даже ты? Но мнѣ хотѣлось переписать ихъ собственноручно, хотя они и писаны не для печати. Въ самомъ альбомѣ моя рука вышла бы еще неразборчивѣе—почему и рѣшился пустить ихъ на особомъ листѣ.

Посылаю тебѣ новое мое стихотвореніе, только что отпечатанное: прими и его радушно.

Я продолжаю сидѣть въ Москвѣ по-прежнему, т. е. въ такомъ же видѣ и положеніи, какъ ты меня видѣлъ здѣсь прошлаго года; будущимъ лѣтомъ будутъ меня пользовать водолеченіемъ: не знаю почему, а мнѣ кажется, что оно мнѣ поможетъ или хотя прибодритъ меня болѣе, нежели всѣ вмѣстѣ прежнія ванны, мази, микстуры, декокты, эссенціи, укрѣпляющія, возбуждающія, возстановляющія и разводящія!! Прощай покуда. Всѣмъ твоимъ мои поклоны и почитанія. Твой Н. Языковъ.

Адресъ мой: На Пречистенкѣ, у Троицы въ Зубовѣ, въ домѣ г-жи Наумовой.

13.

Марта 19-го дня 1846.

Виноватъ я передъ тобою, мой любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ: я послалъ къ тебѣ альбомъ Евпраксіи Николаевны, да не написалъ къ тебѣ ни слова при сей важной оказіи. Я только теперь и вспомнилъ объ этомъ важномъ, такъ сказать, промахѣ. Прости мнѣ его великодушно.

Къ альбому присоединилъ я и мои стихи на открытіе памятника Карамзину. Они собственно принадлежатъ къ литературному сборнику, у насъ составляющемуся и имѣющему выйти въ свѣтъ на Ѳоминой недѣлѣ [2]). Нашъ сборникъ будетъ лучше всѣхъ петербургскихъ изданій подобнаго рода.

---

[1]) Евпраксіи Николаевны, рожд. Вульфъ (см. выше, стр. 487, прим. 4-е).

[2]) Стихи Языкова на открытіе памятника Карамзину въ Симбирскѣ были напечатаны въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1846 года.

Разобрала ли Евпраксія Николаевна мои каракули? Послать ихъ къ ней переписанными не собственною моею рукою—было бы неловко; а написалъ я ихъ на особомъ листкѣ бумаги, потому что альбомъ слишкомъ малъ для стиховъ такого размѣра, да и бумага эта не такъ шероховата и на ней моя рука менѣе спотыкается.

Будь здоровъ. Кланяйся отъ меня всѣмъ твоимъ, меня помнящимъ. Твой Н. Языковъ.

Адресъ мой теперь вотъ какъ: на Пречистенкѣ, у Троицы въ Зубовѣ, въ домѣ Наумовой

14.

Апрѣля 22-го дня 1846.

Жаль мнѣ, что моя посылочка, можетъ быть, пропадетъ безъ вѣсти, особенно жаль потому, что альбомъ, въ которомъ заключаются стихи Пушкина—есть драгоцѣнность и онъ же долженъ быть сохраненъ, какъ памятникъ того золотого времени, когда у русскихъ дѣвицъ были альбомы. Теперь время другое, прозаическое, пошлое и проч.

Справлюсь въ здѣшнемъ почтамтѣ: и если мнѣ возвратятъ мою посылку, то я снова пошлю ее къ тебѣ; но какъ же мнѣ сдѣлать, чтобы съ нею не повторилась та же исторія: напиши мнѣ, когда именно прислать ее къ тебѣ въ Старицу? Тригорскому мой поклонъ и его владѣтельницѣ и всѣмъ моимъ тамошнимъ знакомымъ мои почтенія и желанія всякаго добра и блага!.....

На лѣто переѣду я въ Сокольники, т. е. на дачу, гдѣ буду лечиться холодною водою по методѣ знаменитаго Присница [1]), лучше сказать, Прысница,—и надѣюсь, что она освѣжитъ и прибодритъ мое бренное тѣло.

Если вздумаешь писать ко мнѣ, то адресуй письма: на Кузнецкой мостъ, въ домъ Хомякова. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

15.

Мая 17-го дня 1486.

Трудно было мнѣ выручить изъ Московскаго почтамта альбомъ, возвратившійся изъ Старицы,—но, слава Богу, онъ опять въ вѣрныхъ рукахъ и сегодня же ѣдетъ снова къ тебѣ; смотри же, не упусти его: въ другой разъ едвали и отдадутъ его мнѣ назадъ..... Спасибо тебѣ за намѣреніе навѣстить меня: пріѣзжай будущею зимою—буду ждать тебя. Да, мой любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ! ровно двадцать лѣтъ про-

[1]) Извѣстнаго доктора въ Греффенбергѣ.

шло уже съ того времени, какъ мы отправлялись изъ Дерпта въ Тригорское: много съ тѣхъ поръ воды утекло, многаго нѣтъ, многихъ нѣтъ! мы постарѣли! Но честь и слава намъ, что мы не измѣнили ни самимъ себѣ, ни другъ другу!

Вези мои поклоны и почтенія въ Тригорское, всѣмъ и каждому, кто меня помнитъ, и всѣмъ мѣстамъ, кои я помню о сю пору и никогда не забуду.

Я все еще только что собираюсь переѣхать на дачу: погода не пускаетъ—холодно, сыро, вѣтрено!

1846 годъ, кажется, обойдется безъ весны, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ея не видно.

Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

Письмо В. А. Жуковскаго императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

(С.-Петербургъ, 11-го мая 1826 г.)

Честь имѣю представить вашему императорскому величеству эту маленькую книжечку, въ которой собраны самыя необходимыя фразы [1]): вы легко можете дополнить ихъ другими, болѣе общими. Чрезъ нѣсколько часовъ я уѣзжаю [2]). Примите, всемилостивѣйшая государыня, изъявленіе моей глубочайшей признательности за трогательную доброту, съ какою вы простились со мною; сердце мое преисполнено такой же признательности и къ особѣ государя императора [3]). Это узы, связующія на вѣки: ваше величество повѣрите мнѣ на слово. Отнынѣ вся моя жизнь посвящена исполненію моей священной обязанности [4]). Молю Господа даровать мнѣ здоровье и въ особенности способность исполнять ее достойнымъ образомъ. У меня теперь одна цѣль: она заставляетъ меня смотрѣть съ уваженіемъ на мою жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ она преисполняетъ меня боязнію, такъ какъ я не надѣюсь на свои силы. Быть можетъ, Провидѣніе благословитъ мое усердіе и приметъ его во вниманіе. Прощайте, всемилостивѣйшая государыня. Да хранитъ васъ Господь! Возлагая вѣнецъ на главу вашего супруга [5]), да сплететъ Онъ ему вѣнецъ славы и вѣнецъ счастья для его народа. Внутреннее чувство говоритъ мнѣ, что наше послѣднее несчастіе,—столь трогательная кончина ангела Елисаветы [6]),—было послѣднимъ испытаніемъ для вашей семьи и для Рос-

---

[1]) На русскомъ языкѣ, для разговоровъ съ разными лицами на предстоявшей коронаціи въ Москвѣ.

[2]) Жуковскій выѣхалъ изъ Петербурга въ заграничное путешествіе 11-го мая 1826 г. (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 178).

[3]) Съ государемъ и императрицею Жуковскій простился 10-го мая (тамъ же).

[4]) Быть наставникомъ великаго князя Александра Николаевича.

[5]) Въ 1826 году совершилась коронація императора Николая.

[6]) Императрицы Елисаветы Алексѣевны († 4 мая 1826 г.).

сіи. Начнется новый порядокъ вещей. Государь благородно началъ свое поприще. Небо, въ награду за чистоту его намѣреній, ниспошлетъ ему силу и необходимыя познанія для того, чтобы продолжать такъ, какъ онъ началъ. Да царствуетъ онъ непрерывно, долго, чтобы оставить своему сыну Россію счастливую, установленія прочныя, безъ коихъ нѣтъ счастья народнаго, и людей, достойныхъ упрочить то, что имъ будетъ учреждено. Тѣмъ временемъ нашъ ангелъ будетъ развиваться спокойно подъ охраною энергичнаго и отеческаго правленія. А вы будете наслаждаться счастьемъ обоихъ. Это предсказаніе. Оно исходитъ изъ сердца. Примите его, всемилостивѣйшая государыня, какъ залогъ безграничной преданности и да хранитъ васъ Провидѣніе [1]).

Жуковскій.

---

[1]) Подлинное письмо писано по-французски:

J'ai l'honneur de présenter à Votre Majesté Impériale ce petit livret, rempli de phrases les plus essentielles vous: les complèterez facilement par d'autres plus générales. Dans quelques heures je serai parti. Madame, recevez ici les expressions de ma profonde reconnaissance pour la bonté touchante avec laquelle vous m'avez fait vos adieux, la même reconnaissance remplit mon coeur pour la personne de l'Empereur. Ce sont des liens qui attachent éternellement: Votre Majesté me croira sur parole. Toute ma vie est maintenant devouée a mon devoir sacré. Que Dieu me donne la santé et surtout la capacité pour le remplir dignement. Je n'ai à présent qu'un seul but: il me fait respecter ma vie, mais aussi il me remplit de crainte, car je me défie de mes forces. Peut-être la Providence voudra bénir ma bonne volonté et m'en tenir compte. Adieu, Madame! Que Dieu vous garde! et qu'en mettant la couronne sur la tête de Votre époux, Il en fasse une de gloire pour lui et de bonheur pour son peuple. Un sentiment intérieur me dit, que notre dernier malheur, que cette mort si touchante de l'ange Elisabeth a été la dernière épreuve pour Votre famille et pour la Russie. Un nouvel ordre de choses va commencer. L'Empereur a ouvert grandement sa carrière. Le ciel en récompense de ses intentions pures lui enverra et la force et les lumières nécessaires pour continuer comme il a commencé. Qu'il règne toujours, longtemps, pour laisser à son fils une Russie heureuse, des institutions stables, sans lesquelles il n'y a pas de bonheur public, et des hommes dignes de soutenir ce qu'il aura fondé. En attendant notre ange se développera tranquillemet sous la sauvegarde d'un règne énergique et paternel. Et vous jouirez du bonheur de tous les deux. Ce sont des prédictions. Elles partent du coeur. Recevez les, Madame, comme un gage d'un dévouement sans bornes et que la Providence veille sur Vous.

Joukoffsky.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

XI [1]).

Мѣры къ облегченію и обезпеченію быта крестьянъ.—Высочайшее повелѣніе 19-го февраля 1861 года объ устройствѣ крестьянъ въ царствѣ Польскомъ.—Литовско-русская азбука.—Командированіе Никотина въ Варшаву.—Свиданіе его съ Н. А. Милютинымъ.—Засѣданіе учредительнаго комитета по крестьянскому вопросу.—Характеристика графа Берга.—Положеніе крестьянъ въ Августовской губерніи.—М. П. Погодинъ въ Вильнѣ.—Я. П. Бакланов и его дѣятельность.—Я. А. Соловьевъ.

Въ виду разныхъ злоупотребленій помѣщичьей власти, которыми были окружены крестьяне царства Польскаго, императоръ Николай Павловичъ, рядомъ законодательныхъ мѣръ, старался облегчить и обезпечить ихъ бытъ. Начало положено было съ имѣній казенныхъ и маіоратныхъ, пожалованныхъ русскимъ помѣщикамъ, въ которыхъ крестьяне постепенно освобождались отъ барщины, и земли, имъ предоставленныя, облагались умѣреннымъ чиншемъ, соразмѣрно ихъ качеству и стоимости. Это благотворное дѣло не замедлило принять вскорѣ благодѣтельныя послѣдствія; благосостояніе сказанныхъ поселянъ стало возрастать очень быстро. Въ виду этого, указомъ 26-го мая (7-го іюня) 1846 года предоставлены были разныя льготы и тѣмъ крестьянамъ, которые населяли имѣнія, принадлежавшія польскимъ панамъ и разнымъ учрежденіямъ; сюда отно-

[1]) См. «Русскую Старину», февраль 1903 года.

сится отмѣна, такъ называемыхъ даремщинъ и принужденныхъ наймовъ, обезпеченіе спокойнаго владѣнія усадьбами и сервитутами тѣмъ крестьянамъ, которые исправно отбывали законныя повинности, запрещеніе повышать повинности и присоединять находившіяся въ пользованіи крестьянъ земли къ землямъ дворовымъ (фольварочнымъ). Начавшіяся вскорѣ затѣмъ смуты въ Галиціи, венгерская война и, наконецъ, турецкая 1853 года лишили возможности государя упрочить это важное дѣло. Но вотъ занялась, наконецъ, надъ Россіею новая заря народной жизни. По слову незабвеннаго Монарха-Освободителя мгновенно спали оковы рабства съ многомилліоннаго русскаго народа и великое дѣло освобожденія крестьянъ, по свидѣтельству самого Вѣнценосца-Мученика, «при благословеніи Всевышняго, увѣнчалось быстрымъ успѣхомъ, благодаря дѣятельной помощи, оказанной въ семъ дѣлѣ русскимъ помѣстнымъ дворянствомъ, и жертвамъ, имъ принесеннымъ, во имя общей пользы и истиннаго человѣколюбія». Этихъ-то сильныхъ двигателей и не оказалось налицо у польскихъ пановъ. Три указа и постановленія отъ 16-го (28-го) декабря 1858 года, о добровольномъ очиншеваніи крестьянъ, отъ 4-го (16-го) мая 1861 года, о замѣнѣ барщины законнымъ окупомъ, и, наконецъ, отъ 24-мая (5-го іюня) 1862 г., объ обязательномъ очиншеваніи, не только «не встрѣтило, къ глубокому прискорбію нашему,—слова государя,—со стороны помѣстнаго сословія того содѣйствія, безъ котораго успѣхъ предпринятыхъ мѣръ былъ, очевидно, невозможенъ», но и повели сначала къ политическимъ смутамъ, а за тѣмъ и къ вооруженному мятежу. Само собою разумѣется, что, послѣ всего этого, крестьянская реформа въ царствѣ Польскомъ должна была неминуемо осуществиться усиліями русскаго правительства, и вотъ, спустя три года, послѣ незабвеннаго 19-го февраля 1861 года, наступило 19-ое февраля (2-го марта) 1864 года, день, который останется вѣчно памятнымъ крестьянамъ царства Польскаго, какъ день вновь возникающаго благосостоянія польскаго народа, о небывалыхъ притѣсненіяхъ котораго русскимъ правительствомъ распѣвали на всѣ лады наши недоброжелатели.

За нѣсколько дней до этого великаго событія, доставлены были къ главному начальнику Сѣверо-Западнаго края, при прокламаціи намѣстника царства Польскаго графа Берга, высочайшіе указы отъ 19-го февраля (2-го марта) 1864 года, объ устройствѣ крестьянъ, о гминномъ устройствѣ, о ликвидаціонной коммиссіи, и о приведеніи ихъ въ дѣйствіе, которые вскорѣ были разосланы, съ особыми курьерами, по Августовской губерніи, съ приказаніемъ обнародовать ихъ самымъ торжественнымъ образомъ, въ знаменитый для цѣлой Россіи день 19-го февраля. Нужно было видѣть ту оживленную работу, которая совершалась тогда въ особенной канцеляріи нашего неутомимаго начальника. Подъ

непосредственнымъ его руководствомъ, просиживались цѣлые дни и ночи надъ великимъ трудомъ, который никому изъ насъ не казался тогда тяжелымъ. Тотчасъ по полученіи указовъ, графъ М. Н. Муравьевъ сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ присланной прокламаціи намѣстника къ крестьянамъ царства Польскаго на литовскій языкъ для литовцевъ, обитавшихъ въ четырехъ уѣздахъ Августовской губерніи. Дѣло это было поручено православному протоіерею Петкевичу и переводчику Арамовичу. На третій день, переведенная и напечатанная въ десяткахъ тысячъ прокламація была уже разослана и роздана вмѣстѣ съ указами 19-го февраля.

Вслѣдъ за этимъ, графъ М. Н. Муравьевъ сообщилъ Н. А. Милютину свое предположеніе перевести на литовскій языкъ и высочайшіе указы, съ тѣмъ, чтобы они были напечатаны не латинскою, а русскою азбукою. Въ письмѣ ко мнѣ отъ 16-го (27-го) апрѣля, за № 161, Николай Алексѣевичъ выразилъ по этому поводу слѣдующее: «Въ заключеніе не могу не повторить мысли, которая была уже выражена въ одной изъ записокъ, посланныхъ отсюда, по предмету введенія русской азбуки для литовскаго языка. Предпріятіе безспорно важное и способное вести къ плодотворнымъ политическимъ результатамъ, минута самая благопріятная; но, чтобы дѣло удалось, оно, по моему мнѣнію, не можетъ быть ограничено предѣлами Августовской губерніи. Неблаговидно было бы предлагать литвинамъ въ Польшѣ русскія буквы и оставлять ихъ въ Россіи при польскихъ; это слишкомъ явно показалось бы политическою мѣрою, направленною противъ царства Польскаго. Необходимо обобщить ее такъ, чтобы распоряженіе по Августовской губерніи было лишь частію дѣла, распространяемаго одновременно на весь край, населенный литовскимъ племенемъ. Я думаю, что нужно было бы, въ то же время, когда печататься будутъ указы, для Августовской губерніи, издать точно такою же литовско-русскою азбукою извлеченіе изъ постановленій для крестьянъ Ковенской и Виленской губерній — объ ихъ правахъ и обязанностяхъ, о льготахъ, имъ въ послѣдніе годы дарованныхъ и т. п.».

Когда я прочелъ М. Н. Муравьеву полученное мною письмо отъ Николая Алексѣевича, то онъ, разсмѣявшись, сказалъ мнѣ:

— До сихъ поръ еще въ Петербургѣ не могутъ опомниться отъ дипломатическаго похода на Россію! Европа потерпѣла уже окончательно пораженіе, а все-таки, по ихъ мнѣнію, неблаговидно русскому правительству открыто заявить, что оно намѣрено дѣйствовать, при разрѣшеніи внутреннихъ государственныхъ вопросовъ, сообразно съ нашими русскими интересами. Задняя мысль, а что скажетъ намъ на это Европа, не даетъ имъ покоя! Вотъ если бы мы поменьше обращали вниманія на ея возгласы по внутреннимъ нашимъ дѣламъ, да посерьезнѣе бы заня-

мались ими, тогда Европа не совала бы поминутно свой носъ къ намъ. Взглядъ Николая Алексѣевича совершенно вѣренъ самъ по себѣ, но неужели онъ не замѣчаетъ разницы въ этомъ дѣлѣ. Положеніе 19-го февраля 1861 года обнародовано на русскомъ государственномъ языкѣ, который обязателенъ для всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ русскаго царя; указы же 19-го февраля (2-го марта) 1864 года напечатаны по-русски и по-польски, и будутъ обнародованы въ царствѣ Польскомъ de facto на польскомъ языкѣ, который, будучи непонятенъ литовцамъ, какъ и русскій языкъ, станетъ, такимъ образомъ, болѣе русскаго обязательнымъ для нихъ. Пускай покажется наше распоряженіе политическою мѣрою, направленною противъ царства Польскаго, а что за дѣло до того Европѣ. По моему, неблаговидно для сильной правительственной власти прикрывать свои распоряженія какими-то выходками, съ цѣлію замаскировать отъ Европы мѣру, которую самъ Николай Алексѣевичъ признаетъ способною повести къ плодотворнымъ политическимъ результатамъ. Въ Виленской и Ковенской губерніяхъ для литовцевъ введется литовская азбука русскими буквами посредствомъ школы. Займитесь-ка теперь съ Микуцкимъ этимъ дѣломъ, а завтра въ 11 часовъ представьте его мнѣ.

Г. Микуцкій, состоявшій на службѣ при главной библіотекѣ, въ Варшавѣ, составилъ, по желанію главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, подробный проектъ литовско-русской азбуки, основанный на законахъ сравнительной филологіи и въ то же время весьма, повидимому практическій въ томъ отношеніи, что по этому проекту не требовалось никакихъ существенныхъ измѣненій или дополненій въ нашей обыкновенной азбукѣ для присособленія ея къ литовскимъ звукамъ. Вотъ что писалъ мнѣ Н. А. Милютинъ объ этомъ человѣкѣ, прося принять его подъ особенное покровительство: «онъ тѣмъ болѣе будетъ нуждаться въ поддержкѣ вашей, что, какъ человѣкъ, нѣкогда пахавшій землю своими руками, потомъ служившій въ солдатахъ и за тѣмъ, по особенному влеченію, посвятившій себя славянскому и литовскому корнесловію, изученію санскритскаго и т. п. языковъ, онъ своею оригинальностію способенъ, при первой встрѣчѣ, если можно такъ выразиться, ш о к и р о в а т ь тѣхъ, кто не знаетъ этихъ обстоятельствъ. Если Михаилу Николаевичу угодно будетъ призвать его къ себѣ, для личнаго объясненія, то я просилъ бы васъ предупредить его высокопревосходительство обо всемъ этомъ».

Желаніе Николая Алексѣевича было въ точности исполнено, г. Микуцкій получилъ триста рублей за свой трудъ, и шестьсотъ рублей серебромъ было ассигновано на печатаніе литовско-русской азбуки, по его методѣ, которая вскорѣ и была издана въ

значительномъ числѣ экземпляровъ,—для народнаго употребленія, по литовскимъ школамъ сѣверо-западныхъ губерній.

Такъ какъ крестьянское дѣло въ Августовской губерніи, благодаря предварительнымъ распоряженіямъ графа М. Н. Муравьева, ушло далеко впередъ, въ сравненіи съ прочими губерніями царства Польскаго, то, для соглашенія дѣйствій и для передачи всѣхъ подробностей сенатору Н. А. Милютину, я былъ посланъ 14-го марта въ Варшаву. Прибывши въ этотъ мятежный омутъ, поздно вечеромъ, я велѣлъ извощику отвезти себя, вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ, чиновникомъ Турцевичемъ, въ «Европейскую гостиницу», въ которой останавливался въ 1860 г., по возвращеніи изъ-за границы. Къ ужасу моему, я узналъ тамъ, что нѣсколько дней тому назадъ, за совершонное убійство доктора, гостиница эта была секвестрована; безпорядокъ и пустота замѣнили прежнее изящество отеля. Насилу могли добиться мы, чтобы намъ указали номеръ для ночлега, и затѣмъ, безъ чаю и ужина, легли спать, забаррикадировавши двери и завязавъ ихъ крѣпко-на-крѣпко веревкою, сверхъ замычки на ключъ. «Береженаго Богъ бережетъ», говоритъ пословица, а мнѣ, какъ посланному отъ главнаго начальника края, могло бы очень не поздоровиться, если бы мятежники пронюхали мой пріѣздъ. Такъ или иначе, но ночь прошла благополучно, и затѣмъ, напившись чаю, въ десятомъ часу утра, я послалъ городоваго въ Брюлевскій дворецъ, гдѣ квартировалъ Н. А. Милютинъ, заявить о своемъ пріѣздѣ и узнать, когда я могу съ нимъ видѣться. Не прошло и получаса со времени отправки посланца, какъ къ моимъ услугамъ были присланы два конвойныхъ черкеса, съ приглашеніемъ во дворецъ. При свиданіи съ Николаемъ Алексѣевичемъ, я встрѣтился у него съ княземъ В. А. Черкасскимъ, съ которымъ онъ вмѣстѣ жилъ, и который былъ старше меня тремя курсами по Московскому университету. Служебная бесѣда наша длилась часа три; по окончаніи занятій, я получилъ на тотъ вечеръ приглашеніе присутствовать въ засѣданіи учредительнаго комитета во дворцѣ, у намѣстника графа Берга, чтобы передать графу М. Н. Муравьеву о принятомъ тамъ рѣшеніи насчетъ образованія крестьянскихъ коммиссій и другихъ по крестьянскому дѣлу вопросовъ. Передъ моимъ уходомъ, Николай Алексѣевичъ спросилъ меня: не пожелаю ли я перейти на службу въ царство Польское, и предложилъ мнѣ мѣсто въ правительственной коммиссіи въ Варшавѣ.

— Что вы на это скажете намъ, Иванъ Акимовичъ? — спросилъ меня князь В. А. Черкасскій.

— Позвольте поблагодарить васъ за лестное для меня ваше предложеніе, но я не считаю себя въ правѣ имъ воспользоваться, такъ какъ мое пребываніе въ Вильнѣ главный начальникъ края находитъ полез-

нымъ для дѣла, и бѣжать отъ него въ такое горячее время было бы крайне неприлично.

Оба мои собесѣдника единогласно подтвердили, что и они то же самое сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ. На томъ мы и распрощались.

Съ послѣднимъ боемъ восьми часовъ вечера, какъ мнѣ было назначено, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, поднимался я по роскошной лѣстницѣ недавно отдѣланнаго заново королевскаго замка, который поразилъ меня, своимъ роскошнымъ убранствомъ. Минутъ черезъ десять ожиданія, меня пригласили въ кабинетъ намѣстника графа Берга, гдѣ, подъ его предсѣдательствомъ, и было открыто засѣданіе учредительнаго комитета, на которомъ тогда присутствовали: Н. А. Милютинъ, князь В. А. Черкасскій, тайный совѣтникъ Арцимовичъ, генералъ-полицеймейстеръ царства Польскаго Ѳ. Ѳ. Треповъ и я. Не стану описывать занятія комитета, продолжавшіяся около двухъ часовъ, такъ какъ всѣ засѣданія его печатались; скажу одно, что меня поразила фигура намѣстника. Сухой, высокій, съ черными нафабренными усами, молча, сидѣлъ онъ за столомъ, покручивая поперемѣнно то тотъ, то другой усъ, и по временамъ закрывалъ глаза. Вотъ, вотъ думалось мнѣ невольно, заснетъ нашъ предсѣдатель, но какъ только дѣло коснулось расходовъ, онъ мгновенно одушевился и заявилъ, что въ распоряженіи его нѣтъ свободныхъ суммъ на это.

— Мы попросимъ денегъ у Михаила Николаевича,—отвѣтилъ ему шутя Н. А. Милютинъ,—у него найдутся свободныя суммы.

Намѣстникъ улыбнулся, и средства нашлись.

По окончаніи засѣданія, графъ Бергъ, узнавши, что я тотчасъ уѣзжаю въ Вильну, очень любезно обошелся со мною. Послѣ нѣсколькихъ минутъ продолжавшагося разговора о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ краѣ, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, правда ли, что Михаилъ Николаевичъ хочетъ оставить свой постъ?

— Не имѣю ничего сказать вамъ на это, ваше сіятельство, отвѣчалъ я ему.

— Какъ его здоровье?

— Довольно плохо, а усидчивая работа окончательно подрываетъ его силы.

— Надобно беречь себя. Кланяйтесь душевно ему отъ меня, пусть онъ и не думаетъ оставлять край. Онъ намъ нуженъ; слѣдуя его примѣру, можно сильно ручаться за успѣхъ дѣла...

Откланявшись затѣмъ намѣстнику и бывшимъ у него посѣтителямъ, я отправился въ сопровожденіи конвойныхъ въ гостиницу и затѣмъ поѣхалъ съ ними же на желѣзную дорогу, гдѣ подошелъ ко мнѣ жандармскій офицеръ и попросилъ показать видъ. Когда я раскрылъ мою

дорожную сумку, изъ которой выглянули два карманныхъ револьвера, недоумѣніе выразилось у ожидавшаго паспортъ офицера; въ это время конвойные поднесли ко мнѣ мой чемоданъ, и меня больше не тревожили. На другой день благополучно прибылъ я съ моимъ спутникомъ въ Вильну. Да, тогдашнія поѣздки по желѣзной дорогѣ были довольно рискованны. Впереди каждаго пассажирскаго поѣзда, минутъ за 10—15 до его отхода, отправлялся паровозъ съ нѣсколькими конвойными солдатами, для осмотра пути, такъ какъ мятежники портили рельсы и стрѣляли по поѣздамъ, но объ этомъ какъ-то и не думалось. Обаятельная сила имени нашего неутомимаго начальника устраняла всякую мысль о возможности какой-либо бѣды отъ польскихъ лиходѣевъ.

Не лишнимъ здѣсь будетъ очертить въ нѣсколькихъ словахъ то положеніе крестьянъ въ Августовской губерніи, въ которомъ застала ихъ великая реформа. Прошедши, при отрядѣ войскъ, отъ Гродны на Липскъ, Ястржембну, Августовъ и Сувалки, я имѣлъ случай лично убѣдиться въ нерасположенности крестьянъ къ тамошнимъ помѣщикамъ; то же самое слышалъ я и отъ начальниковъ военныхъ отдѣловъ, проходившихъ Маріампольскій, Кальварійскій и Сейнискій уѣзды, для очищенія ихъ отъ мятежниковъ, которые навели на крестьянъ паническій страхъ своими звѣрствами надъ ними. Особенно ужасъ этотъ былъ замѣтенъ въ тѣхъ деревняхъ лѣсистой мѣстности, гдѣ кочевала шайка Ваврa. Заходя по пути въ каждую деревню, я получилъ полное убѣжденіе, что сельское населеніе въ Августовской губерніи лишено было положительно всѣхъ средствъ къ безбѣдному своему существованію. При колонизаціи, ихъ сгоняли съ усадебъ и усадебныя земли присоединяли къ фольварковымъ, вмѣсто хорошей и удобренной ими пашни, отводилась имъ земля самаго дурного качества, не давалось пастбищъ, выгоновъ, сѣнокосовъ, иногда даже и водопоя. Этимъ объясняется безчисленное множество жалобъ, которыя лились рѣкою ко всѣмъ русскимъ въ томъ краѣ властямъ. Всюду слышался одинъ вопль: дайте намъ землю и помогите поскорѣе выдти изъ безвыходнаго нашего положенія. Платимый крестьянами окупъ былъ непомѣрно высокъ, тяжелая барщина, данины, принужденный наемъ по 15 к. въ сутки, на своихъ харчахъ, существовали, несмотря на запрещеніе, до послѣдняго времени и, только благодаря энергическимъ мѣрамъ главнаго начальника Сѣвер-Западнаго края, крестьяне вздохнули свободнѣе со времени подчиненія ему Августовской губерніи. Революціонная партія, предчувствуя свое пораженіе, пыталась распространять между крестьянами нелѣпые слухи, что ихъ хотятъ обратить въ русскую вѣру, обѣщаніемъ разныхъ льготъ, которыя они на самомъ дѣлѣ никогда не получатъ, но цѣль не была достигнута; здравый смыслъ польскаго крестьянина восторжествовалъ надъ замыслами крамолы. Введеніе сельскаго самоуправленія принесло

огромную пользу дѣлу умиротворенія и пресѣкло окончательно панамъ путь въ крамолѣ. Вообще крестьяне питали ненависть къ польскимъ судамъ, которые страшно разоряли ихъ. Обхожденіе пановъ съ крестьянами, особенно съ русскими уніатами, было самое грубое, отталкивающее.... Бѣдняки неоднократно простосердечно сознавались, что, видя ласковое обхожденіе съ ними русскихъ гвардейскихъ офицеровъ и присланныхъ изъ Вильны чиновниковъ, сами, наконецъ, почувствовали «что и они люди». Напрасно утверждали польскія мѣстныя власти, что тамошніе крестьяне дикари. Чистая неправда! Литовцы не понимаютъ польскаго языка, вообще же крестьяне сосредоточены, такъ сказать, въ себѣ, нужда научила ихъ быть скрытными, благодаря іезуитизму пановъ и ксендзовъ; женщины кажутся развитѣе, но это происходитъ отъ того, что женщины смѣлѣе въ обращеніи. Безчисленное множество крестьянскихъ жалобъ на лишеніе ихъ земли относились къ 1846 году; по справкамъ оказалось, что всѣ почти онѣ оставлены были безъ удовлетворенія. Вообще легальнымъ путемъ, при тогдашнемъ состояніи дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, обиженнымъ крестьянамъ нельзя было добиться правды: концы были очень искусно спрятаны, а рука вѣдь руку моетъ. Доискиваясь, однако же, причины всеобщаго почти указанія крестьянъ на учиненную имъ земельную обиду въ 1846 году, т. е. тогда, когда правительство приняло мѣры къ улучшенію ихъ быта, можно, не безъ основанія, предположить, что, въ промежутокъ времени отъ 26-го мая до сентября, когда высочайшій указъ былъ обнародованъ, благодѣтельные паны согнали крестьянъ съ земли и показали ихъ безземельными, съ которыми были заключены договоры по обоюдному будто бы согласію, на самомъ же дѣлѣ по панскому усмотрѣнію и произволу. Можно сказать, почти съ достовѣрностью, что въ это время и образовалась масса безземельниковъ, которые стонали въ царствѣ Польскомъ, до самаго позднѣйшаго времени, подъ благотворнымъ панскимъ игомъ. А такъ какъ межеванія въ царствѣ Польскомъ не было, то нельзя было даже сказать, владѣли ли крестьяне и тѣмъ количествомъ земли, которое за ними показано и съ котораго они платили повинности (окупъ). Много предстояло труда русскимъ дѣятелямъ по проведенію въ народную жизнь крестьянской реформы, но она осуществилась вполнѣ благодаря ихъ честнымъ усиліямъ.

Почти вслѣдъ за возвращеніемъ моимъ изъ Варшавы въ Вильну, образовано было при главномъ начальникѣ Сѣверо-Западнаго края временное отдѣленіе по крестьянскимъ дѣламъ Августовской губерніи, управленіе которымъ графъ М. Н. Муравьевъ поручилъ мнѣ. Должность эта учредительнымъ комитетомъ отнесена была къ IV классу. Отдѣленіе это служило для установленія постоянныхъ взаимныхъ сообщеній между учредительнымъ комитетомъ и Августовскою коммиссіею, кото-

рая была одновременно съ нимъ открыта; вмѣстѣ съ тѣмъ назначены были во всѣ уѣзды коммиссары по крестьянскимъ дѣламъ, избраніе которыхъ Михаилъ Николаевичъ предоставилъ всецѣло на мое усмотрѣніе. Съ своей стороны, Н. А. Милютинъ, встрѣтивъ затрудненіе въ пріисканіи въ коммиссіи секретарей или даже простыхъ письмоводителей, письмомъ отъ 30-го марта (11-го апрѣля) № 61, просилъ моего содѣйствія пригласить туда пять или шесть семинаристовъ, знающихъ хорошо польскій языкъ, которые, преимущественно по нравственнымъ качествамъ своимъ, соотвѣтствовали бы требуемымъ условіямъ въ нашемъ дѣлѣ, а затѣмъ, по моему сообщенію, о встрѣченныхъ затрудненіяхъ со стороны духовнаго начальства, которое не охотно освобождало своихъ хорошихъ воспитанниковъ изъ духовнаго званія, прислалъ въ Вильну съ письмомъ ко мнѣ, отъ 16-го (28-го) апрѣля, состоявшаго въ распоряженіи учредительнаго комитета г. Каширина для передачи подробностей объ условіяхъ относительно приглашенія русскихъ на службу въ царство Польское. Дѣло это и было такимъ образомъ улажено.

При назначеніи членовъ въ коммиссію по крестьянскимъ дѣламъ Августовской губерніи, встрѣтилось неожиданное затрудненіе въ пріисканіи туда дѣльнаго предсѣдателя. Въ это время, состоявшій въ распоряженіи графа М. Н. Муравьева, князь Урусовъ подалъ ему докладную записку о предоставленіи ему этой должности. Михаилъ Николаевичъ отказалъ ему на-отрѣзъ и, передавая мнѣ при докладѣ записку, добавилъ:

— Куда ему захотѣлось! Вѣдь онъ старъ и не годится для этого.

Между тѣмъ способнаго занять мѣсто предсѣдателя не находилось, а князь неотступно приставалъ ко мнѣ со своимъ ходатайствомъ. Дня черезъ два, когда Михаилъ Николаевичъ спросилъ меня: отыскалъ ли я достойнаго кандидата въ Сувалки, то получилъ въ отвѣтъ:

— Положительно не имѣю никого въ виду, ваше высокопревосходительство. Вѣдь 12 человѣкъ выбрано въ Августовскую губернію. Придется помириться съ назначеніемъ туда князя Урусова.

— Какую же пользу онъ можетъ принести крестьянскому дѣлу?

— Онъ представителенъ—князь и камергеръ. Портить дѣла, по своему характеру, не будетъ; при томъ туда назначенъ очень дѣльный товарищъ, г. Наркевичъ. Августовская губернія вскорѣ снова возвратится въ царство Польское; если онъ не будетъ годиться, его тамъ держать на службѣ не станутъ.

Графъ М. Н. Муравьевъ разсмѣялся такому изъясненію и приказалъ заготовить назначеніе. Интересенъ былъ докладъ при опредѣленіи коммиссаромъ въ Маріампольскій уѣздъ бывшаго переводчика генералъ-губернаторской канцеляріи г. Зубовича. Недоброжелатели Михаила Николаевича обвиняли его въ поголовномъ будто бы изгнаніи со службы

лицъ польскаго происхожденія. Насколько эти толки лишены были правды, можетъ каждый убѣдиться изъ печатныхъ его циркуляровъ къ губернаторамъ, въ которыхъ ясно указывалось имъ—не держать на службѣ, по закону 7-го апрѣля 1863 года, только такихъ, которые окажутся неблагонадежными въ политическомъ отношеніи. Что же было иначе дѣлать? Еще при его предмѣстникѣ, повинуясь приказаніямъ подпольнаго правительства, многіе изъ служащихъ—предводители дворянства, мировые посредники и т. п.,—подали прошенія объ отставкѣ. Слѣдственныя дѣла обнаружили ясно прикосновенность къ мятежу многихъ изъ оставшихся еще на службѣ чиновниковъ польскаго происхожденія; неужели же съ ними должно было церемониться по-прежнему, когда предсѣдатель Ковенской уголовной палаты Хмѣлевскій, бывшій чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ В. И. Назимовѣ, носилъ въ присутствіи чамарку? Подобныя ему личности и были не только отрѣшены отъ должностей, но и преданы суду. Въ одну Августовскую губернію, по моему докладу, назначено было на службу болѣе двадцати человѣкъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Случай съ Зубовичемъ подтверждаетъ наглядным образомъ правило графа М. Н. Муравьева, что полякъ, честно исполняющій свои обязанности передъ Россіею, достоинъ двойной награды, потому что имѣетъ гражданское мужество устоять въ политическомъ водоворотѣ разыгравшихся страстей. Когда я предложилъ Зубовича на мѣсто коммиссара въ Маріампольскій уѣздъ, главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края спросилъ меня:

— Какой это Зубовичъ?

— Бывшій переводчикъ вашей канцеляріи.

— Да развѣ вы не знаете, что онъ содержался въ политической тюрьмѣ и судился за пропажу бланка заграничнаго паспорта, найденнаго на груди начальника шайки Нарбута? Какъ же можно рекомендовать такихъ людей и при томъ на должность, требующую полнаго къ намъ довѣрія?

— По рѣшенію военнаго суда, конфирмованному вами, онъ признанъ невиннымъ. У него жена и дѣти. Я его знаю съ отличной стороны около 8 лѣтъ,—рѣшился я отвѣтить на сдѣланное замѣчаніе.

— Напишите приказъ о назначеніи его на должность коммиссара, и благодарю васъ за доставленную мнѣ возможность загладить ошибку, въ которой онъ былъ самъ виноватъ, вѣдь онъ былъ и начальникомъ паспортнаго стола.

Случай съ коммиссаромъ Маковецкимъ служилъ также наглядным подтвержденіемъ того правила, котораго постоянно держался графъ М. Н. Муравьевъ въ отношеніи благомыслящихъ поляковъ. Во время выбора гминныхъ войтовъ, которые производились въ Августовской гу-

берніи въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1863 года, коммиссаръ Маковецкій, рекомендованный мнѣ могилевскимъ губернаторомъ Беклемишевымъ, вовлеченный въ обманъ мятежными польскими чиновниками, сдѣлалъ ошибку, устранивъ отъ выборовъ вполнѣ достойнаго кандидата изъ крестьянъ, что вскорѣ имъ же самимъ было замѣчено и исправлено, въ чемъ удостовѣрился командированный по этому случаю на мѣсто происшествія камеръ-юнкеръ П. А. Мясоѣдовъ, такъ что коммиссаръ Маковецкій за сдѣланное упущеніе получилъ только приглашеніе быть впередъ болѣе осмотрительнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и вниматительнѣе повѣрять тѣ данныя, на которыхъ онъ будетъ основывать свои распоряженія. Ведя довольно оживленную переписку съ Н. А. Милютинымъ, я написалъ ему и про ошибку коммиссара Маковецкаго. Вотъ, что онъ мнѣ отвѣтилъ на это: «Увидавъ изъ письма вашего, что крестьянское дѣло въ Августовской губерніи идетъ быстро впередъ, я очень порадовался этому, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу скрыть отъ васъ, какъ прискорбно мнѣ было узнать, что на первыхъ же порахъ обнаружилась неблагонадежность одного изъ коммиссаровъ.

«Неужели Михаилъ Николаевичъ оставилъ его при занятіяхъ, требующихъ полнаго довѣрія? При настоящихъ обстоятельствахъ, въ крестьянскомъ дѣлѣ необходимо, чтобы коммиссары безусловно и горячо сочувствовали видамъ правительства. Безъ этого никакой контроль не обезпечитъ успѣха въ столь коренной реформѣ. Въ семъ убѣжденіи, мы приняли за непремѣнное правило составить пока коммиссію исключительно изъ русскихъ, проникнутыхъ не только чувствомъ долга, но и искреннею любовію къ предпринятому дѣлу». А вѣдь были же люди, да найдутся и впредь, которые обвиняли графа М. Н. Муравьева въ поголовномъ изгнаніи поляковъ со службы, но отъ этихъ клеветъ слава нашего знаменитаго государственнаго дѣятеля нисколько не пострадала.

Послѣднее письмо, которымъ почтилъ меня Николай Алексѣевичъ, было писано имъ отъ 10-го іюня, изъ С.-Петербурга, и доставлено мнѣ М. П. Погодинымъ. Такъ какъ оно имѣетъ связь съ разсказомъ, то и помѣщаю изъ него выписку: «На будущей недѣлѣ»,—писалъ онъ мнѣ,—«я долженъ ѣхать въ Варшаву, и принужденъ очень торопиться, такъ что въ Вильнѣ остановиться будетъ невозможно. На обратномъ пути, въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца, постараюсь повидаться съ Михаиломъ Николаевичемъ. Между тѣмъ, прошу васъ доложить его высокопревосходительству, что къ 20-му числу выписываются въ Варшаву, для соглашеній съ нами, всѣ предсѣдатели коммиссій. Къ этому времени пріѣдутъ новые члены учредительнаго комитета, Як. Ал. Соловьевъ и Ал. Ив. Кошелевъ. Въ виду возникшихъ (и могущихъ вновь возникнуть) недоумѣній, общія наши совѣщанія, какъ я надѣюсь, будутъ очень плодотворны, а мнѣ дадутъ возможность, по возвращеніи

сюда, устранить досужіе толки и разглагольствованія, возбуждаемыя поляками. Если Михаилъ Николаевичъ найдетъ полезнымъ командировать кого-нибудь изъ Августовской коммиссіи, особенно изъ числа лицъ, подробно изучившихъ мѣстность, то, полагаю, это принесло бы обоюдную пользу. Пожалуйста, доложите обо всемъ этомъ его высокопревосходительству. Выѣхать я полагаю во вторникъ или середу. Это письмо беретъ для доставленія Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Онъ васъ помнитъ и очень желалъ бы васъ видѣть».

Свиданіе съ М. П. Погодинымъ крайне меня обрадовало. Восемнадцать лѣтъ спустя, вдали отъ матушки-Москвы бѣлокаменной, съ именемъ которой связаны у меня самыя дорогія и свѣтлыя воспоминанія моей молодости, нежданно, негаданно судьба привела меня свидѣться снова съ уважаемымъ профессоромъ русской исторіи, которую онъ читалъ юристамъ на второмъ курсѣ. При взглядѣ на него, дорогое и невозвратное прошлое живо воскресло въ моей памяти. Наша alma mater, въ ореолѣ своего величія, какъ бы предстала предо мною съ плеядою замѣчательнѣйшихъ профессоровъ тогдашняго времени. Пріѣхавши на короткое время въ Вильну, Михаилъ Петровичъ прислалъ мнѣ письмо еще утромъ, но только въ 12 часовъ дня успѣлъ я найти возможность повидаться съ нимъ. Встрѣтилъ я его около Николаевской церкви, которую онъ тогда осматривалъ, въ сопровожденіи попечителя Виленскаго учебнаго округа, во истину съ русскою душою человѣка, Ив. Петровича Корнилова, и нѣсколькихъ другихъ знакомыхъ ему лицъ. Разумѣется, и я пошелъ вмѣстѣ съ ними по русскимъ православнымъ святынямъ, которыя, благодаря благочестивой заботливости о нихъ главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, облекались тогда въ подобающее имъ благолѣпіе. Въ этотъ день, въ честь пріѣхавшаго дорогаго гостя, достойнѣйшій Иванъ Петровичъ давалъ обѣдъ, на который былъ приглашенъ и я. Гостепріимный и радушный хозяинъ, отличавшійся необыкновенною разсѣянностью, и въ этотъ разъ доставилъ поводъ къ оживленію и безъ того уже оживленной бесѣды, имѣвшей предметомъ русскую историческую основу того края. Въ половинѣ обѣда, Иванъ Петровичъ, желая показать Михаилу Петровичу какой-то интересный историческій документъ, всталъ изъ-за стола и отправился за нимъ въ свой кабинетъ. Сидимъ, и ждемъ его возврата; прошло минутъ десять—хозяинъ не является. Пошли посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ? Оказалось, что Иванъ Петровичъ, войдя въ кабинетъ, надѣлъ халатъ, закурилъ сигару и сѣлъ читать газету, что обыкновенно дѣлывалъ ежедневно послѣ обѣда въ домашнемъ кругу своей жизни.

Крестьянское дѣло въ Августовской губерніи шло быстрыми шагами впередъ. Надобно было удивляться тому, что польскіе паны не

успѣли убить смѣтливости въ простомъ народѣ, на который обыкновенно смотрѣли они, какъ на доходную рабочую силу. По принятому у насъ порядку, тотчасъ за выборами гминныхъ войтовъ, избирались лавники и открывались суды. Комиссаръ обыкновенно оставался сутки въ той мѣстности, гдѣ производились выборы, и училъ выбранныхъ пріемамъ судоговоренія.

Въ Ломжинскомъ уѣздѣ, въ первомъ засѣданіи суда, разбирался споръ двухъ крестьянъ: одинъ изъ нихъ утверждалъ, что продалъ другому землю, но не получилъ отъ него денегъ, другой отрицалъ послѣдній фактъ. Судьи—неграмотные, выслушавъ истца и отвѣтчика, потребовали отъ перваго, какія онъ имѣетъ доказательства въ подкрѣпленіе своего иска? Тотъ отвѣчалъ: свидѣтелей и документъ. Судьи приступили къ допросу свидѣтелей по одиночкѣ, и изъ показаній ихъ пришли къ убѣжденію, что доказательства не достаточны, а потому потребовали предъявить документъ, который и былъ представленъ истцомъ. Любопытно было узнать, какъ безграмотные судьи обсудятъ письменный документъ? Сначала войтъ повертѣлъ его въ рукахъ, потомъ ставники и затѣмъ, какъ бы сговорясь, единогласно объявили, что и документъ не имѣетъ силы! Какъ, почему? — невольно родился въ моей головѣ вопросъ. Вотъ здѣсь-то и открывается глубокій смыслъ. На представленномъ документѣ оказалась одна только подпись. Смѣтливый глазъ крестьянъ-судей тотчасъ замѣтилъ, что свидѣтели на немъ не подписались. Судьи спросили истца: кто подписалъ документъ? и, получивъ въ отвѣтъ, что самъ истецъ, признали и документъ не имѣющимъ силы. Истецъ тотчасъ же отказался отъ своего иска. Этотъ случай до того привязываетъ къ крестьянамъ и возвеличиваетъ того, по чьей волѣ эти несчастные труженики призваны къ новой самостоятельной жизни, что благоговѣешь предъ ними и благодаришь Провидѣніе за то, что оно дозволило участвовать въ осуществленіи этого великаго дѣла. Описать тогдашнее воодушевленіе крестьянъ не хватаетъ у меня ни умѣнья, ни силъ. Скажу одно—это былъ цѣлый рядъ трогательныхъ сценъ, невольно хватавшихъ за сердце и вызывавшихъ невольно слезы на глазахъ очевидцевъ великаго дня освобожденія польскихъ крестьянъ.

Когда я доложилъ привезенное М. П. Погодинымъ письмо Милютина М. Н. Муравьеву, онъ, поручивши мнѣ готовиться къ поѣздкѣ въ Варшаву, командировалъ меня 16-го іюня въ г. Сувалки, для распоряженій на мѣстѣ по предоставленію крестьянамъ всѣхъ средствъ скорѣе воспользоваться дарованными имъ государемъ милостями и для подготовленія губерніи къ обратной передачѣ въ царство Польское, такъ какъ она была окончательно умиротворена и дальнѣйшее ея отдѣленіе могло бы замедлить единообразное проведеніе крестьянской реформы.

Когда узнали въ Сувалкахъ о предположенной передачѣ, крестьяне-уніаты, и въ особенности старообрядцы, сильно попризадумались, такъ какъ послѣднимъ было предоставлено много льготъ поземельныхъ и въ отношеніи ихъ вѣры: имъ дозволено было починить молельни и повѣсить на нихъ колокола. По поводу послѣднихъ распоряженій возбуждена была варшавскимъ архіепископомъ переписка, но главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края отвѣчалъ, что это необходимо для окончательнаго умиротворенія губерніи.

— Пускай ихъ потрезвонятъ во славу Божію,—прибавилъ онъ мнѣ,— и молятся усердно за русскаго православнаго царя.

Чѣмъ кончилось это дѣло впослѣдствіи, не знаю, такъ какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ совершилась обратная передача Августовской губерніи подъ власть намѣстника. Интересенъ тотъ фактъ, что во время полнаго разгара мятежа старо-обрядцевъ принудили мятежники подписать адресъ къ Наполеону III о возстановленіи Польши! Въ Сувалкахъ пришлось мнѣ пробыть около шести дней. При свиданіи съ Я. Н. Баклановымъ онъ разсказалъ мнѣ два курьеза про себя.

— Ну, братецъ, Иванъ Акимовичъ, опростоволосился я совсѣмъ...— обратился ко мнѣ кавказскій герой, едва я переступилъ порогъ его кабинета.

— Что такое случилось съ вами, Яковъ Петровичъ?

— Совсѣмъ одолѣли польки; ни минуты не было мнѣ отъ нихъ покоя. Самъ, впрочемъ, я виноватъ... Видишь, хотѣлъ быть съ ними любезнымъ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Каждый день я принималъ просителей или, вѣрнѣе, просительницъ... Вотъ онѣ и повадились ко мнѣ таскаться: та проситъ разрѣшить свиданія ей съ мужемъ-повстанцемъ, та съ братомъ, та съ родственникомъ... Прости, освободи, помилуй; сидитъ онъ безвинно... Что имъ ни толкую, ничего и слушать не хотятъ! Убѣждалъ я ихъ, говорилъ, что освобожденіе арестантовъ зависитъ отъ суда, а не отъ меня, нѣтъ, освободи, да и только. Крѣпко мнѣ все это надоѣло... Просилъ ихъ не разъ оставить меня въ покоѣ; грозилъ даже, говоря имъ: до сихъ поръ вы видѣли Бакланова любезникомъ; будете приставать, узнаете Бакланова—звѣря... И въ усъ не дуютъ... шатаются съ просьбами цѣлый день и отвлекаютъ отъ работы. Вотъ на прошлой недѣлѣ и пришло ко мнѣ около дюжины просительницъ, да и давай приставать, прося освободить арестанта, приговореннаго судомъ въ каторжную работу. Какъ ни просилъ я ихъ оставить меня въ покоѣ, онѣ и слушать не хотятъ... Нѣтъ, пане, енерале, ты не хочешь сдѣлать намъ этой милости просто изъ капризу... Сознаюсь откровенно, надоѣли онѣ мнѣ крѣпко. Послушайте, сударыни, отвѣтилъ я имъ, въ послѣдній разъ говорю вамъ, оставьте

меня въ покоѣ и уходите скорѣе отсюда по-добру по-здорову, не бѣсите меня—увидите чорта. Нѣтъ, такъ шутить еще начали... Ну, вотъ я ихъ и пугнулъ по-своему... Удрали, подобравши хвосты... А все, каналья, письмоводитель виноватъ; онъ завелъ съ ними разныя шуры да муры... И его прогналъ; будетъ и онъ помнить казацкіе проводы, а вѣдь два мѣсяца былъ словно красная дѣвушка. Нѣтъ, видно какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ.

25-го іюня, отправился я въ Варшаву на съѣздъ предсѣдателей коммиссій и тамъ познакомился я вновь съ прибывшими членами учредительнаго комитета Я. А. Соловьевымъ и А. И. Кошелевымъ. Первый показался мнѣ очень желчнымъ человѣкомъ, крайне не долюбливавшимъ М. Н. Муравьева. Часа полтора длилась уже наша общая служебная бесѣда, а онъ не давалъ мнѣ возможности передать съѣхавшимся лицамъ порученіе моего начальника, о чемъ просилъ меня Н. А. Милютинъ, бывшій тогда у намѣстника. Въ этотъ день я былъ вызванъ по телеграфу въ Вильну и долженъ былъ ѣхать туда ночью, часа черезъ четыре. Въ виду краткости срока, остававшагося для моего пребыванія въ Варшавѣ, я обратился къ своему сосѣду, съ правой стороны, и заявилъ ему, что буду просить позволенія—сообщить съѣзду результаты крестьянской реформы. Въ ту самую минуту, когда я сообщалъ сосѣду о своемъ намѣреніи, вдругъ услыхалъ голосъ Я. А. Соловьева, который приглашалъ меня быть внимательнымъ къ словамъ его... Меня эта выходка передернула.

— Извините меня, ваше превосходительство, что я не могу исполнить вашего желанія... Полученная мною телеграмма отъ Михаила Николаевича вызываетъ меня немедленно въ Вильну. Я присланъ его высокопревосходительствомъ сюда сообщить Николаю Алексѣевичу о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Августовской губерніи и о предположенномъ возвратѣ ея подъ власть намѣстника, что̀ уже и исполнилъ. Мнѣ остается, по желанію Николая Алексѣевича, повторить мои сообщенія здѣсь, и вотъ уже полтора часа ожидаю я безуспѣшно исполненія сего порученія, о чемъ и заявлялъ въ началѣ засѣданія. Въ виду спѣшности моего отъѣзда, не благоугодно ли будетъ выслушать прежде меня, въ противномъ случаѣ я долженъ буду оставить собраніе, чтобы поспѣть собраться въ путь.

Просьба моя, поставленная ребромъ, волей-неволей тотчасъ же была уважена; вскорѣ затѣмъ прибылъ Н. А. Милютинъ. Когда дѣло дошло до судебной реформы, я передалъ съѣзду, что вмѣсто 15 р. предоставлено было въ Августовской губерніи крестьянамъ право суда до 100 р. иска.

— Это невозможно,—возразилъ Я. А. Соловьевъ.

— Напротивъ, ваше превосходительство, возможность и практич-

ность этой мѣры доказывается полугодичной практикой въ крестьянскихъ судахъ Августовской губерніи. Смѣю васъ увѣрить, что крестьяне очень довольны предоставленнымъ имъ главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края правомъ, такъ какъ этотъ размѣръ вполнѣ обезпечиваетъ ихъ отъ бывшаго произвола и безправія гражданскихъ судовъ, направленнаго всецѣло въ пользу пановъ.

Вскорѣ послѣ доклада я откланялся собранію.

Эта служебная поѣздка въ Варшаву была послѣдняя, въ которую я видѣлъ Н. А. Милютина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ біографіи Василія Львовича Пушкина.

1.

Письмо В. Л. Пушкина—князю А. Н. Голицыну.

8-го февраля 1806 г. Москва.

Не лишите меня покровительства вашего. На васъ единственно полагаю я всю мою надежду. Жена моя, Капитолина Михайловна, желая выйдти замужъ за другаго, разными происками, черезъ усердствующихъ ей посредниковъ, вынудила у меня письмо, которое, будучи въ безпамятствѣ, я написалъ, но потомъ въ неоднократныхъ просьбахъ моихъ, поданныхъ его преосвященству Августину, викарію московскому, я опровергнулъ, и просилъ его преосвященство, какъ архипастыря, возвратить мнѣ жену мою, съ которою я никакъ разводится не желаю, а напротивъ того, по долгу христіанскому хочу жить неразлучно, и никакихъ къ тому съ моей стороны препятствій нѣтъ. Теперь, духовная консисторія не знаю почему требуетъ меня къ формальному суду, то мнѣ судиться съ женою, которую я люблю и съ которой я хочу жить, не для чего. Я исполню долгъ христіанина и мужа, и потому имѣю право просить помощи вашей. Мнѣ также извѣстно, что главное удовольствіе ваше есть помогать несчастнымъ и невиннымъ. Прошу ваше сіятельство, сдѣлать милость, отписать преосвященному Августину, чтобъ мнѣ позволено было пріѣхать въ С.-Петербургъ и объяснить вамъ самимъ все мое дѣло. Я надѣюсь, что вы, по великодушію своему, не откажете мнѣ въ сей моей просьбѣ и будете увѣрены о не лестномъ почитаніи, съ которымъ имѣю честь пребыть, и проч.

2.

Письмо князя А. Н. Голицына—преосвященному Августину.

16-го февраля 1806 г.

Василій Львовичъ Пушкинъ пишетъ ко мнѣ, что супруга его Капитолина Михайловна, желая выйдти замужъ за другаго, разными происками выманила у него письмо въ безпамятствѣ и теперь въ московской консисторіи завела судъ по формѣ о разводѣ.

Не знавши о подлинности дѣла сего, но судя, что если другихъ законныхъ доказательствъ къ разводу, кромѣ вынужденнаго у него въ безпамятствѣ письма нѣтъ, то казалось бы по одному сему и тогда, когда онъ съ нею желаетъ неразлучно жить, начинать судъ по формѣ невмѣстно; и для того я покорнѣйше прошу ваше преосвященство оказать ему архипастырское покровительство. А какъ г. Пушкинъ изъясняетъ еще и то, что онъ имѣетъ надобность быть въ С.-Петербургѣ, но его принуждая стать къ суду, не позволяютъ отлучиться, то и въ семъ случаѣ прошу доставить ему ваше пособіе, ибо если уже столь необходимо, и дѣлу сему обойтись безъ формальнаго суда не можно, то онъ вмѣсто себя представить можетъ повѣреннаго. Меня жъ прошу увѣдомить о существѣ дѣла сего, пребываю впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ, и проч.

3.

Письмо преосвященнаго Августина—князю Голицыну.

7-го марта 1806 г. Москва.

Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій благодѣтель мой!

Почтеннѣйшимъ писаніемъ отъ 16-го прошедшаго мѣсяца ваше сіятельство изволите требовать отъ меня увѣдомленія по дѣлу коллежской ассесорши Капитолины Пушкиной о разводѣ съ мужемъ ея. По учиненіи справки, спѣшу донести вашему сіятельству, что дѣло сіе началось по формальному прошенію оной Пушкиной, обвиняющей мужа своего въ нарушеніи къ ней вѣрности, и свидѣтельствующей то, какъ другими доказательствами, такъ собственноручнымъ письмомъ его, въ которомъ г. Пушкинъ ясно и прямо признаетъ себя нарушителемъ

святости брачнаго союза, и что онъ привязанъ къ одной женщинѣ, отъ которой никогда отстать не можетъ.

Мы по долгу пастырскому всячески старались примирить жену съ мужемъ. Прежде ни мужъ, ни жена не склонялись къ примиренію, но послѣ мужъ склонился, а жена осталась совсѣмъ непреклонною. Почему чрезъ восемь мѣсяцевъ послѣ того, какъ жена г. Пушкина подала на него просьбу по необходимости, законами поставляемой, предписаніемъ преосвященнѣйшаго митрополита велѣно начать судъ; и до рѣшенія дѣла г. Пушкину отъ Москвы не отлучаться.

Получивъ почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, я отнесся къ его высокопреосвященству, ходатайствуя за Василія Львовича. Но въ отвѣтъ получилъ отъ него, «что дѣло производится по законному учрежденію, и потому же рѣшится. А потому г. Пушкину до рѣшенія дѣла отлучаться изъ Москвы не слѣдуетъ, а повѣренныхъ въ брачныхъ разводахъ принимать указами запрещено, а велѣно ихъ судить лично». О семъ донося вашему сіятельству, смѣю увѣрить, что я съ моей стороны Василью Львовичу готовъ сдѣлать всякое пособіе и тѣмъ доказать, что ничего нѣтъ для меня пріятнѣе, какъ исполнять волю вашу и чрезъ то заслужить милости и покровительство ваше.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и проч.

О дозволеніи Н. М. Карамзину пользоваться рукописями, хранящимися въ монастырскихъ архивахъ.

Письмо М. Муравьева—князю Александру Николаевичу Голицыну.

18-го декабря 1803 года.

Снисходя на просьбу Московскаго императорскаго университета почетнаго члена и исторіографа Николая Карамзина, государь императоръ высочайше указать соизволилъ отнестись къ вашему сіятельству, съ тѣмъ, дабы вы, милостивый государь, предложить изволили Святѣйшему Правительствующему Синоду о невозбранномъ позволеніи просителю читать сохраняющіеся, какъ въ монастыряхъ, такъ и въ другихъ библіотекахъ, отъ Святѣйшаго Синода зависящихъ, древнія рукописи, до россійскихъ древностей касающіяся.

Объявляя сіе высочайшее повелѣніе, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Михайло Муравьевъ.

Споръ губернатора съ городомъ.

(Изъ провинціальныхъ нравовъ XVIII столѣтія).

21-го января 1798 года генералъ-прокуроръ, князь А. Б. Куракинъ, сообщилъ астраханскому губернатору Николаю Яковлевичу Аршеневскому высочайшее повелѣніе «съ приложеніемъ примѣрнаго положенія издержкамъ на полковыя надобности» и просилъ его, «соразмѣрно числу войскъ на непремѣнныхъ квартирахъ, въ той губерніи расположенныхъ», собрать эти деньги «со всѣхъ обывателей, обитающихъ въ городахъ сей губерніи», и съ тѣмъ, чтобы, «сообразно оному, ко удовлетворенію требованій воинскихъ командъ», онъ, губернаторъ, «не упущая времени, учинилъ расчисленіе».

По раскладкѣ, на долю русскихъ жителей г. Астрахани причиталось выплатить 49.106 р. 2 к. и на долю незаписавшихся по городовому положенію азіатцевъ, большею частію армянъ, 12.320 р. 11 коп. Объ этомъ (5-го апрѣля) было дано знать какъ астраханскому городовому магистрату, такъ и общему азіатскому суду, съ непремѣннымъ требованіемъ собрать эти суммы обязательно въ двѣ недѣли, для чего «о понужденіи ихъ къ тому» было предписано мѣстному коменданту генералъ-маіору Гедеонову.

Но въ такой короткій срокъ, конечно, немыслимо было выполнить предложенное требованіе. Тогда по просьбѣ горожанъ, съ разрѣшенія князя Куракина, сборъ денегъ «былъ расположенъ» на 11 мѣсяцевъ съ тѣмъ, чтобы слѣдуемыя суммы вносились въ казначейство «безъ упущенія» ежемѣсячно.

Однако и послѣ этого деньги поступали туго. Городовой магистратъ не произвелъ никакого сбора, лишь армяне къ 1-му мая собрали 2. т. р. Сами мѣстныя власти точно потворствовали этому и дѣлали довольно странныя распоряженія. Напримѣръ, сообщая 1-го іюня армянамъ свѣ-

дѣнія, сколько имъ причитается платить каждый мѣсяцъ, Аршеневскій позволилъ имъ внести слѣдуемую съ 1-го апрѣля сумму 4.440 р. 4 к. къ 1-му августа. А между тѣмъ коменданту предписывалъ употребить всевозможное стараніе на полученіе этихъ денегъ.

19-го мая комендантомъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Ртищевъ. Принимая (5-го іюня) отъ Гедеонова дѣла, онъ усмотрѣлъ, что, «за истеченіемъ срока», никакого въ томъ сборѣ нѣтъ успѣха и такимъ образомъ «высочайшая его императорскаго величества воля остается неисполненною». Ртищевъ «почелъ должностію выполнить повелѣніе въ точности», Призвавъ къ себѣ членовъ магистрата и азіатскаго суда, онъ потребовалъ отъ нихъ неуклоннаго взноса денегъ. Но оба общества, не имѣя въ сборѣ назначенныхъ суммъ, просили отсрочки. Комендантъ заявилъ имъ рѣшительно:

— Мой долгъ взыскивать, а вашъ платить. Даю вамъ сроку недѣлю. Ежели послѣ сего времени исполненія не увижу, то донесу государю императору.

Прошла недѣля, а уплаты все-таки произведено не было. Тогда, 15-го іюня, Ртищевъ явился въ магистратъ и велѣлъ «записать свое требованіе въ журналъ», затѣмъ поѣхалъ въ азіатскій судъ и тамъ сдѣлалъ то же.

— Желаете или нѣтъ платить деньги?—рѣзко спросилъ онъ членовъ суда.

— Всеусердно желаемъ,—отвѣчали они,—и имѣемъ въ наличности 2т. р.

— Этого не достаточно! Чтобы до четырехъ часовъ была собрана вся сумма!—сказалъ комендантъ.

Армяне стали возражать, что въ такой короткій срокъ невозможно собрать всѣхъ денегъ, что, молъ, предложеніемъ губернатора отъ 25-го мая, согласно разрѣшенія генералъ-прокурора, платежъ разсроченъ помѣсячно, и что къ 1-му августа они обязуются представить слѣдуемые съ нихъ по раскладкѣ 4.440 руб.

— Это до меня не касается!—заявилъ комендантъ, повернулся и уѣхалъ.

Спустя нѣсколько часовъ, Ртищевъ прислалъ сказать армянамъ, чтобы собранныя 2 т. р. принесли немедленно ему. Однако, когда судьи азіатскіе доставили деньги, онъ велѣлъ ихъ отнести къ губернатору. Послѣдній тоже не принялъ ихъ и отослалъ обратно въ судъ, предложивъ депутатамъ внести деньги въ казначейство.

Все это было исполнено, деньги куда слѣдуетъ внесены, и дѣло, казалось, тѣмъ и кончилось, такъ какъ комендантъ больше не настаивалъ на своемъ требованіи.

Проходитъ мѣсяцъ, спокойно живутъ горожане: никто ихъ не тревожитъ. Но это временное затишье предвѣщало большую бурю. Ртищевъ,

не получивши отъ городскихъ обществъ сполна назначенныхъ денегъ, того же числа донесъ рапортомъ императору обо всемъ происшествіи въ подробности. Павелъ сильно разгнѣвался и собственноручно написалъ: «расположить въ дома ослушниковъ пѣхотный полкъ».

Получивъ 18-го іюля высочайшій рескриптъ и не давая никому знать о полученномъ повелѣніи, комендантъ немедленно распорядился нарядить въ дома горожанъ воинскій постой съ тѣмъ, чтобы офицеры и солдаты находились въ тѣхъ, именно, «покояхъ», гдѣ проживали сами хозяева.

Въ 4 час. утра 19-го числа, когда многіе жители еще спали, по городу съ шумомъ, боемъ литавръ, трубными звуками и трескомъ барабановъ разсыпались солдаты, «все наполняя ужасомъ». Съ остервенѣніемъ ломились они въ дома, разбивали ворота тамъ, гдѣ ихъ долго задерживали. Разбуженные жители въ недоумѣніи вскакивали съ своихъ постелей, спрашивая солдатъ: «Что случилось? зачѣмъ такая напасть?»

Очевидецъ протоіерей Скопинъ [1]) разсказываетъ: «Астрахань въ это время представляла видъ плѣненнаго города. Воины своимъ поведеніемъ и озорничествомъ по хорошо меблированнымъ комнатамъ производили ужасъ и содроганіе». Хозяину не позволяли даже того, чтобы онъ перешелъ въ другой покой, а заставляли жить вмѣстѣ.

Не пощадили и самыхъ почетныхъ и именитыхъ гражданъ. Съ ними обошлись, напротивъ, грубѣе. Къ одному, напримѣръ, богатому армянскому купцу Никитѣ Калустову, производившему милліонную торговлю съ Петербургомъ, Москвой, Амстердамомъ, въ Англіи, «по всей Европеи», Индіи и во многихъ Персидскихъ и Бухарскихъ городахъ [2]), который дѣлалъ городу и бѣднымъ много пожертвованій, пользовался всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ, имѣлъ большое вліяніе на дѣла въ магистратѣ и азіатскомъ судѣ,—привели во дворъ цѣлую роту вооруженныхъ солдатъ, подъ начальствомъ маіора Булыгина. Ворота были заперты; солдаты подняли на улицѣ такой гвалтъ и шумъ, что всѣ спавшіе въ домѣ «пришли въ робость», дѣти «перепугались почти до полусмерти», а лежавшая три мѣсяца въ постели больная сноха Калустова «пришла въ отчаяніе жизни» [3]). Солдаты неистово стучали

---

[1]) См. его дневники въ «Саратов. сборникѣ» 1891 г., стр. 161.

[2]) Насколько были значительны у него торговые обороты, можно судить по тому, что «когда была заперта китайская дорога», то за выписанный имъ изъ Китая чревъ Бухару чай онъ уплатилъ только въ Россіи таможенной пошлины около милліона рублей ассигнаціями. Разъ фирма потерпѣла въ Персіи убытку на 160 т. р., и отъ этого не пошатнулась, за перевозъ товаровъ платила она однимъ извозчикамъ до 30 т. р. ежегодно, не считая расходовъ на судовую перевозку.

[3]) Дѣло астрах. губерн. прокурора 1798 г. № 216.

прикладами въ ворота, маіоръ кричалъ что есть силы: «Отворяй двери!»

Не чувствуя за собой вины, чтобы въ такую рань безпокоили его, семейнаго человѣка, и думая, что солдаты зашли къ нему по ошибкѣ, Калустовъ черезъ окно спросилъ маіора, что ему нужно.

— Такъ приказано комендантомъ!—грубо отвѣтилъ Булыгинъ.

Калустовъ сталъ было объяснять, что, если солдаты назначены къ нему для постоя, то онъ имѣетъ три большихъ каменныхъ постоялыхъ дома и одну казарму, пусть ведутъ ихъ туда, но маіоръ одно твердилъ: «отворяй ворота», не давая времени хозяину одѣться.

Наконецъ, наружная дверь была отперта, и вся рота ввалилась въ домъ.

— Гдѣ у тебя лучшіе покои?—спросилъ маіоръ.

Хозяинъ указалъ «большое зало, которое все мебелями было убрано на немалую сумму».

Булыгинъ ввелъ туда 39 человѣкъ «съ ружьями» и приказалъ имъ тутъ располагаться. Напрасно Калустовъ увѣрялъ, что онъ ни въ чемъ неповиненъ, никому не долженъ и угрожалъ судомъ за такое насиліе.

— Ваше армянское общество не уплатило казнѣ 12.320 р.,—сказалъ маіоръ.—Внеси эти деньги, тогда постой снимемъ.

— Я свою часть заплатилъ, только квитанціи не получилъ, но сегодня могу доставить.

— Ну, вотъ, когда квитанцію принесешь, тогда видно будетъ.

Булыгинъ повернулся и съ остальными 30-ю солдатами направился въ противоположный домъ брата Калустова, который былъ боленъ. Увидя входящихъ къ нему въ такую раннюю пору солдатъ, послѣдній до того перепугался, что съ нимъ сдѣлался жаръ и бредъ, и онъ три дня находился между жизнью и смертью.

Послѣ «такого несноснаго притѣсненія», азіатскій судъ на другой же день собралъ 3.500 р., потомъ «съ немалою трудностью» были собраны черезъ пять дней и остальныя деньги и внесены всѣ сполна въ казначейство. Однако воинскій постой не былъ снятъ, такъ какъ въ рескриптѣ государя не было указано, на какой срокъ оставить постой. Обращались было жители съ просьбой къ новому губернатору Ивану Семеновичу Захарову (прибывшему въ Астрахань 27-го іюля), но тотъ тоже не облегчилъ ихъ участи, хотя къ этому времени и городской магистратъ доставилъ слѣдуемыя съ русскихъ купцовъ деньги.

Тогда члены азіатскаго суда и купецъ Калустовъ принесли генералъ-прокурору жалобу, гдѣ говорили, что высочайшимъ повелѣніемъ 1-го марта 1797 г. армяне вообще избавлены отъ воинскихъ постоевъ, «дабы въ домашнемъ ихъ быту тягости имъ не было, собирая за сіе деньгами и нанимая особливые для сего дворы». «А вмѣсто сего облег-

ченія или покою», жаловались армяне, находится въ нашихъ домахъ болѣе постоевъ, нежели надлежитъ... Семьи хозяевъ до чрезвычайности стѣснены, комнаты загажены и «приведены въ безобразность». Солдаты моются «на полахъ», иные, куря трубку, горѣлый табакъ на полъ высыпаютъ, другіе сѣмена и корки дынь и арбузовъ бросаютъ, гдѣ хотятъ, и разными неприличностями поступаютъ, и несносное притѣсненіе чинятъ, что всего въ подробности и описать не смѣемъ, а натура человѣческая не можетъ такового притѣсненія и непристойности видѣть и терпѣть» [1]).

Въ это время въ Петербургѣ произошли большія перемѣны. Вмѣсто князя Куракина генералъ-прокуроромъ былъ П. В. Лопухинъ, который незамедлилъ потребовать отъ губернатора объясненій. Но Захаровъ почему-то началъ оправдываться и увѣрялъ Лопухина, что, какъ только деньги жителями были внесены, «экзекуція немедленно была снята, и каждый гражданинъ остался спокоенъ, кромѣ обыкновенныхъ солдатскихъ постоевъ, которые, по неимѣнію здѣсь казармъ, и до нынѣ въ домахъ ихъ, по распоряженію коменданта, остаются» [2]).

Такъ продолжалось до 1799 года, когда въ Астрахань пріѣхалъ новый комендантъ Николай Юрьевичъ Урусовъ, заботливый, мягкосердечный и дѣятельный начальникъ.

Такъ какъ воинскій постой тяжелымъ бременемъ ложился на горожанъ, то дума, тотчасъ же по его пріѣздѣ, обратилась къ нему съ слезной просьбой избавить городъ отъ такой тягости.

— Единственный исходъ, — посовѣтовалъ Урусовъ, — построить казармы.

Гласные вошли съ ходатайствомъ къ губернатору, но послѣдній медлилъ разрѣшеніемъ, а главное—не указывалъ мѣста, гдѣ бы «съ удобностію могли помѣститься тѣ казармы». Тогда горожане опять обратились съ просьбой къ коменданту. Тотъ своей властью позволилъ имъ пріобрѣсти для войскъ подходящій домъ. Съ услугами явился Никита Калустовъ, который согласился продать городу за 65 т. р. два дома: одинъ каменный «гостинный, Милліонщиковымъ называемый» и подлѣ него деревянный, бывшій купца Волковоинова. 23-го марта гласные составили приговоръ, чтобы половину денегъ отдать изъ вырученной по откупу рыбныхъ промысловъ и ассигнованной на постройку казармъ суммы, а другую половину «расписать въ два срока» и уплатить взысканными съ купцовъ и мѣщанъ по прежнему «откупу» недоимками въ числѣ 49 т. р., а если и этихъ денегъ не хватитъ, то сдѣлать раскладку. Подъ приговоромъ подписалось 58 гражданъ:

---

[1]) Изъ жалобы Калустова, 27-го іюля 1798 г.

[2]) Изъ письма Захарова Лопухину 26-го октября 1798 г.

Конечно, объ этомъ узналъ Захаровъ и сильно возмутился, признавъ приговоръ составленнымъ «въ противность стт. 36—38 и 154 Городоваго положенія». Особенно вызвало сильный гнѣвъ его то обстоятельство, что городской голова, «не давъ ему ни малѣйшаго свѣдѣнія о началѣ и движеніяхъ сего дѣла», заключилъ съ Калустовымъ торгъ и отдалъ ему въ задатокъ 5 т. р. Онъ потребовалъ думскій приговоръ къ себѣ и, «увидѣвъ изъ онаго нѣкоторыя черты, заключающія причину сей таинственности», «пожелалъ вѣдать, все ли общество согласно на покупку дома», и съ этой цѣлью, 4-го апрѣля, заставилъ «учинить новое собраніе», на которое пріѣхалъ самъ, съ прокуроромъ и совѣтникомъ губернскаго правленія. Всѣ гласные вновь выразили желаніе на покупку дома у Калустова. Захаровъ не нашелся ничего больше сказать имъ токмо то, что «въ собраніи общества и въ самой покупкѣ дома не соблюденъ законный порядокъ», и требовалъ пересоставить приговоръ. Но такъ какъ въ дѣйствительности никакого нарушенія закона сдѣлано не было, то общественники и остались при прежнемъ своемъ приговорѣ. Это еще больше взбудоражило губернатора. Признавая главнымъ виновникомъ «сего преступнаго дѣянія» городскаго голову Сергѣя Сѣдова, онъ нѣсколько разъ призывалъ его вмѣстѣ съ нѣкоторыми гласными къ себѣ, «представлялъ ему незаконность поступка, склонялъ къ поправленію онаго и убѣждалъ къ тому правилами закона» [1]). Голова остался непреклоненъ, отзываясь, что «такъ обществу угодно».

Почитая «въ семъ дѣлѣ чей-либо интересъ, или упрямство противостоять начальству», Захаровъ написалъ князю Лопухину письмо.

«Имѣя данное мнѣ законное право, могъ бы я,—писалъ онъ,—отослать виновныхъ къ суду; но, дабы не явить свѣту, что въ личной моей обидѣ учиняюсь истцомъ и судіею, признаю за приличнѣйшее предать себя защитѣ высшей власти, а поступокъ общества, наипаче же городскаго головы Сѣдова, правосудному разсмотрѣнію оной» [2]).

---

[1]) Изъ письма Захарова ген.-прокурору 12-го апрѣля 1799 г.

[2]) На самомъ же дѣлѣ, какъ говоритъ въ своихъ дневникахъ протоір. Скопинъ (стр. 183) „губернаторъ потому воспылалъ гнѣвомъ на купеческое сословіе, что, благодаря этому случаю, хотѣлъ взять съ него себѣ въ даръ 10 т. р“.

„О немъ должно замѣтить, что онъ изъ низкихъ людей, однако, имѣвши случай научиться приказнымъ дѣламъ (въ городѣ его называютъ „старымъ подъячимъ“), а также и другимъ свѣдѣніямъ, обратилъ сіе въ худую сторону. Одна корысть есть предметъ всѣхъ его начинаній и дѣлъ. Имѣя покровителемъ своякa графа Кутайсова, любимца государя, онъ, не боясь (ничего), все предпріемлетъ и дѣлаетъ“.

Судя по архивнымъ даннымъ, это былъ человѣкъ честолюбивый и высокомѣрный, слишкомъ много о себѣ мечталъ. Въ Астраханскомъ губернскомъ

Слѣдомъ за тѣмъ, по его же наущенію, должно быть, для большей убѣдительности, написалъ Лопухину письмо и астраханскій прокуроръ Тарасовъ. Но князь не нашелъ нужнымъ мирить губернатора съ городомъ:

«Буде вы, — отвѣчалъ онъ ему (10-го іюня),—усматриваете, что городская дума не повинуется законной власти и выходитъ изъ предѣловъ, ей законами предначертанныхъ, въ такомъ случаѣ имѣете власть отослать присутствующихъ въ оной къ суду по законамъ».

Захаровъ не удовлетворился такимъ отвѣтомъ и сталъ дѣйствовать инымъ путемъ—черезъ своего свояка графа Кутайсова, увѣряя, что «городской голова Сѣдовъ возмущаетъ общество». Путь оказался удачнымъ. По высочайшему повелѣнію, въ концѣ того же года «бунтовщика» потребовали въ Петербургъ, гдѣ цѣлый мѣсяцъ выдержали на хлѣбѣ и водѣ въ крѣпости, а потомъ, въ прекращеніе ссоръ съ губернаторомъ, немедленно смѣнили съ должности. Захаровъ торжествовалъ; мѣсяца черезъ два послѣ этого (25-го мая 1800 г.), пожаловали ему орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, хотя неизвѣстно за какія заслуги...

Однако, не смотря на все это, городъ не отказался отъ своего намѣренія: оба дома подъ казармы были куплены и, по указаніямъ князя Урусова, приспособлены для помѣщенія Астраханскаго гарнизоннаго его имени полка. Сердобольный комендантъ, послѣ того, самъ снялъ воинскій постой съ жителей.

Конечно, это еще болѣе взбудоражило Ивана Семеновича. Въ Петербургъ полетѣли новые доносы. Губернаторъ добился того, что въ концѣ марта слѣдующаго (1800) года въ Астрахань нагрянула коммиссія въ составѣ генералъ-маіора Глазова и генерала-отъ-инфантеріи Сергѣя Лаврентьевича Львова, «для изслѣдованія коменданта Урусова въ какихъ-то по полку непорядкахъ» [1]); а слѣдомъ за ними для той же цѣли, 1-го апрѣля, прибылъ и командующій войсками на Кавказской линіи, генералъ-лейтенантъ Карлъ Ѳедоровичъ Кнорринъ. Всю страстную недѣлю (2-го—7-го апрѣля) были «разныя изслѣдованія о поведеніи купцовъ, губернатора и коменданта; но все сіе такъ производилось тихо, что никто объ этомъ ничего не зналъ» [2]). Въ то время въ городѣ

архивѣ сохранилась его сочиненія рукопись „О поощреніи мануфактуръ“, которую онъ посылалъ и кн. Куракину и Лопухину, „ревнуя о благѣ отечества“; но не получилъ „ей одобренія“. Изъ дѣла 1798 г. № 258 видно еще, что 28-го сентября того же года онъ представлялъ „самому императору“ проектъ „Третейскаго суда для разбора торговыхъ споровъ“. Но что сдѣлалось съ этой рукописью,—неизвѣстно.

[1]) Дневники протоіерея Скопина, стр. 198 и 206.—Слѣдуетъ пояснить, что астраханскій комендантъ числился шефомъ мѣстнаго гарнизоннаго полка.

[2]) Дневн. Скопина, стр. 207.

говорили, что «Кнорринг писалъ къ государю съ великою похвалою о гражданахъ астраханскихъ, и будто много пенялъ губернатору, что онъ такъ худо и неосторожно поступилъ, понося ихъ». Урусова все-таки смѣнили.

Понятно, это было очень пріятно Захарову; за то въ городѣ всѣ были возмущены такой несправедливостью: горожане озлобились противъ губернатора. Чтобы, видимо, произвести нѣкоторое впечатлѣніе на жителей и успокоить общественное мнѣніе, онъ придумалъ такой курьезъ.

Въ день царскихъ именинъ 29-го іюня, когда къ нему пріѣхали съ поздравленіемъ дворяне и чиновники, туда же явилась депутація армянъ, которая отъ лица всего армянскаго общества поднесла ему портретъ государя при особомъ письмѣ (адресѣ), «въ коемъ изображалось попеченіе губернатора о нихъ, армянахъ, и что они, не зная, чѣмъ возблагодарить его въ сей торжественный день, подносятъ ему образъ того, чью онъ волю исполняетъ».

Никто, однако, въ то время не сомнѣвался, что это было «учинено по наущенію самого Захарова».—«О хитрость!—восклицаетъ протоіерей Скопинъ [1]),—сдѣлавши довольно бѣдъ гражданамъ, все вымышляетъ способы, какъ это загладить. Но едва-ли данной раны боль чувствительнѣйшую утишить можетъ».

И послѣ этого Иванъ Семеновичъ не сдерживалъ своій необузданный нравъ и подъяческое сутяжничество. По своей привычкѣ вездѣ первенствовать и соваться въ дѣла, даже не подлежащія его вѣдѣнію, онъ не могъ ужиться и съ вышепоказаннымъ генераломъ Львовымъ, смѣнившимъ князя Урусова. Изъ-за чего они поссорились, къ сожалѣнію, неизвѣстно, но ссора эта такъ ихъ вооружила одного противъ другаго, что они и видѣться не хотѣли, не только въ партикулярныхъ домахъ, а даже въ публичныхъ собраніяхъ». Чтобы избѣжать взаимной встрѣчи, не посѣщали и церковныя богослуженія въ торжественные дни [2]).

Добраго ничего нельзя было ожидать отъ ихъ ссоры. Всѣ думали, что и на этотъ разъ комендантъ не усидитъ. Но дѣло приняло другой оборотъ.

13-го августа въ Астрахань прибыла «эстафета отъ государя на коштъ губернатора», по представленію генералъ Львова о томъ, будто бы, «что долго не выстроенъ ордонансъ-гаузъ, гдѣ жить плацъ-маіору и быть военной (судной) коммиссіи».

Захаровъ струхнулъ не на шутку; пробовалъ было отписаться.

— Не бойтесь ничего,—сообщили ему изъ Петербурга благопрія-

---

[1]) Тамъ же, стр. 213.

[2]) Тамъ же, 215, 217.

тели.—Все будетъ доложено государю въ вашу пользу, а слѣдовательно передъ Львовымъ вы выиграете [1]).

Но, вдругъ, нежданно-негаданно для горожанъ, а особенно для самого Захарова, всего черезъ какихъ-нибудь два-три дня послѣ полученія успокоительнаго письма, 1-го сентября (1800 г.) въ Астрахань пріѣхалъ новый губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Андрей Васильевичъ Повалишинъ, переименованный въ тайные совѣтники. Павелъ велѣлъ ему собраться «въ четыре часа», чтобы отправиться немедленно смѣнить Захарова [2]). А дня три спустя былъ полученъ именной высочайшій указъ, данный Сенату, о преданіи послѣдняго съ прочими чиновниками суду «за непоселеніе крестьянъ въ надлежащихъ мѣстахъ».

Оказалось, что Львовъ жаловался государю не только на препятствія ему со стороны губернатора въ дѣлахъ военныхъ, но коснулся въ своихъ доносахъ и дѣлъ общественныхъ. Главнымъ образомъ онъ выставлялъ бездѣятельность Захарова по отношенію къ устройству государственныхъ крестьянъ, которые, по высочайшему повелѣнію, были переселены въ Астраханскую губернію, съ тѣмъ, чтобы ихъ основать на пустопорожнихъ казенныхъ участкахъ, но губернаторъ медлилъ отводить имъ земли. Крестьяне тысячами шатались по Астрахани безъ дѣла, увеличивая городской пролетаріатъ и способствуя «разнымъ происшествіямъ». Болѣе десяти обществъ, въ каждомъ не менѣе 600 душъ крестьянскихъ, оставались безъ земли, безъ пристанищъ и какого-либо хозяйства. Положеніе ихъ было самое печальное! Люди чуть не умирали съ голода, а между тѣмъ губернаторъ интриговалъ, изощрялся въ доносахъ, выдумывалъ разные проекты, ничего общаго не имѣвшіе съ благоустройствомъ губерніи, беззаботно проводилъ время, веселился, устраивалъ часто балы, вечера, пикники. Само собою разумѣется, что пылкому и болѣвшему за народъ императору Павлу все это очень не понравилось. Можно судить объ его гнѣвѣ, когда онъ получилъ отъ Львова о томъ донесеніе.

Въ Астрахань были снова посланы сенаторы Неплюевъ и Фонвизинъ, которые только-что передъ тѣмъ, съ 5-го марта по 17-е апрѣля, производили ревизію Астраханской губерніи, но ничего предосудительнаго не нашли. «Можно сказать, что они на все смотрѣли мимоходомъ и во внутренность дѣлъ не вникали». «Да и я слышалъ,—говоритъ протоіерей Скопинъ,—что ихъ представленія чернилъ самъ губернаторъ [3]).

---

[1]) Тамъ же, 218.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, 208.

Сенаторамъ было поручено произвести разслѣдованіе поступковъ губернатора. Но какъ надо было думать, они, во избѣжаніе царской опалы, постарались прежде всего обѣлить самихъ себя, а съ тѣмъ вмѣстѣ вытащили изъ бѣды и Ивана Семеновича, представивъ доносъ Львова ложнымъ, что-де только 400 крестьянъ не поселены на казенныхъ земляхъ, да и то потому, что они имѣютъ въ Астрахани свои дома [1]). Благодаря этому, результатъ, конечно, оказался печальный: на мѣсто Львова, отставленнаго безъ мундира, 23-го октября прибылъ шефомъ Астраханскаго полка генералъ-маіоръ Ливенъ 3-й (которому было въ то время 22 года отъ роду). А Захаровъ незадолго до кончины императора Павла (въ январѣ 1801 г.) судомъ былъ оправданъ и опредѣленъ въ 4-й департаментъ сенаторомъ [2]).

Избавившись отъ ненавистнаго правителя, жители вздохнули свободнѣе. Позднѣе, по представленію Повалишина, императоръ Александръ (въ августѣ 1801 г.) освободилъ г. Астрахань отъ сбора денегъ на полковыя надобности, карантины велѣлъ уменьшить, манежи на линіи, заведенные покойнымъ государемъ на счетъ крестьянъ, уничтожилъ. «Словомъ, на всѣ пункты, отъ губернатора представленные, далъ милостивое и облегчительное для народа рѣшеніе» [3]).

Въ слѣдующемъ году, нѣкоторыя стоявшія въ Кремлѣ безъ призора, казенныя зданія, «во облегченіе жителей отъ воинскаго постоя», приспособили подъ солдатскія казармы [4]).

П. Л. Юдинъ.

---

[1]) Тамъ же, 221.
[2]) Тамъ же, 223 и 234.
[3]) Тамъ же, 261.
[4]) Дѣло Астрах. губер. архива, 1871 г., № $^{4}/_{40}$, т. I.

Изъ писемъ Н. М. Языкова къ брату его Александру Михайловичу [1]).

28-го января 1831. «Денница» выйдетъ въ половинѣ февраля; она будетъ несравненно гуще прошлогодней: обозрѣніе русской словесности до 1830 года пишетъ самъ Максимовичъ. Уже мѣсяцъ, какъ онъ носится съ нимъ по знакомымъ домамъ, собирая кое-какія мнѣнія и изреченія о предметахъ, которыхъ самъ ничуть не понимаетъ, и изъ этого выходитъ такая сумятица, такая гиль, что не дай Богъ злому татарину быть ея авторомъ! Я далъ ему нѣсколько стишковъ. У Надоумки [2]) много подписчиковъ. Загоскину даютъ 40 тысячъ за четвертое изданіе его новаго романа [3]), Булгарину 32 тысячи за его «Выжигина».

5-го марта. Максимовичъ, не разумѣющій ни одного языка кромѣ русскаго, собирается издавать журналъ по естественнымъ наукамъ; его отговариваютъ, но едва-ли успѣютъ: такъ велика охота мѣшаться не въ свое дѣло.

11-го марта. Погодинъ покупаетъ деревню за 49 верстъ отъ Москвы, гдѣ будетъ жить въ трудахъ литературныхъ. Онъ, кажется, влюбленъ: это легко замѣтить изъ его повѣсти «Адель», не смотря на ея нелѣпость.

18-го марта. Въ «Денницѣ»,въ мною переложенномъ псалмѣ [4]) напе-

---

[1]) Въ общемъ по содержанію своему письма Н. М. Языкова къ брату представляютъ мало интереса, и редакція печатаетъ изъ нихъ наиболѣе любопытныя мѣста въ хронологическомъ порядкѣ.

[2]) Надеждина.

[3]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о „Рославлевѣ“, вышедшемъ въ 1830 г.

[4]) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ „Подражаніи псалму XIV“ („Кому, о Господи, доступны...“)

чатано вмѣсто: «свободѣ»—«природѣ»,—галиматья, родившаяся отъ глупой трусости Максимовича.

25-го марта. Погодинъ удаляется отъ свѣтскаго шума и суетъ мірскихъ въ деревню, гдѣ примется писать, писать и писать; ему, кажется, наскучило званіе профессора исторіи при университетѣ. Видно, чувствуетъ себя способнѣйшимъ къ сочиненію трагедій, повѣстей, романовъ, нежели къ исторической критикѣ. Читалъ ли ты его примѣчанія ко 2-му тому «Исторіи русскаго народа?» Въ нихъ много дѣла; жаль только, что изложеніе нелѣпо.

28-го апрѣля. Максимовичъ отложилъ попеченіе объ изданіи журнала и хочетъ заняться сочиненіемъ повѣстей. Погодинъ уѣхалъ въ деревню писать стихи, вѣроятно, какой-нибудь вздоръ вродѣ «Марѳы», «Адели» и тому подобныхъ произведеній сего человѣка, обманувшаго ожиданія всѣхъ людей благомыслящихъ, теперь мечущагося, какъ угорѣлая кошка, и отстраняющаго вѣрную надежду, что онъ снова возвратится на путь истинный.

29-го апрѣля. Погодинъ оставляетъ университетъ и поселяется въ деревнѣ, гдѣ займется сочиненіемъ всеобщей исторіи, которая была бы хороша, если бы онъ намѣревался разсказать путно и чистенько, не по-своему одни факты, а онъ собирается парить, что̀ ему вовсе неблагопристойно. Читалъ ли ты его статьи въ № 7 «Телескопа»? У него есть особенная способность говорить много и жарко и ничего не сказать, и умѣніе представить предметъ такъ, что его вовсе не видно, и излагать мысли свои какой-то сумятицей, безъ всякой послѣдовательности, связи, такъ что прочитаешь и рѣшительно не знаешь, что̀ авторъ хотѣлъ выразить. Таковы всѣ его произведенія, даже историческія разысканія, напр. о Дмитріи царевичѣ: собрано много дѣльнаго, а перемято (sic) и представлено такъ нелѣпо, что читатель затрудняется и не знаетъ, въ чемъ дѣло. Университетъ потеряетъ въ немъ очень мало: онъ читалъ лекціи мерзко и почти вовсе не занимался своей каѳедрой.

13-го мая. Погодинъ продолжаетъ святотатствовать въ нашей литературѣ: пишетъ трагедію «Алексѣй Михайловичъ»; первое дѣйствіе готово, она растетъ у него не по днямъ, а по часамъ.

4-го октября. «Вечера на хуторѣ»—славная вещь!

11-го ноября. Погодинъ все еще въ Питерѣ; возится съ своимъ «Петромъ». Вотъ уже два мѣсяца, какъ онъ такимъ образомъ прогуливаетъ университетскія лекціи и, какъ замѣчаютъ его критики, «крадетъ у слушателей золото, чтобы читателямъ дать навозъ».

18-го ноября. Погодинъ возвратился изъ Петербурга съ шишомъ: ни да, ни нѣтъ; неизвѣстно, что̀ еще будетъ съ его «Петромъ», который пойдетъ подъ высочайшую волю.

22-го декабря. «Вечера на Диканькѣ» (sic) сочинилъ Гоголь-

Яновскій; мнѣ они по нраву. Если не ошибаюсь, то Гоголь пойдетъ гоголемъ въ нашей литературѣ: въ немъ очень много поэзіи, смысла, юмора.

22-го декабря. Погодинъ выпустилъ въ свѣтъ свою «Марѳу»; о Петрѣ ничего не слышно.

29-го декабря. «Петра», трагедію Погодина, не позволили печатать, а «Марѳу» собираются здѣсь поставить на театрѣ въ бенефисъ Щепкина.

6-го января 1832 г. Вотъ и «Вечера на Диканькѣ» — слава Богу [1]).

13-го января. Погодинъ написалъ еще нѣсколько повѣстей, а теперь готовится сочинять оперу, и я ему помогать буду. Завтра начнутся наши труды, или мои, зане [2]) Погодинъ пишетъ стихи чрезмѣрно скоро, а мнѣ мои достаются недаромъ.

20-го января. Полевой рѣзко защипываетъ повѣсти Бѣлкина: онъ вообще свирѣпѣетъ не по днямъ, а по часамъ, дѣлается все важнѣе и рѣшительнѣе въ приговорахъ и все выше и выше поднимаетъ лобъ.

3-го февраля. Пушкинъ, кажется, примирился съ Булгаринымъ: sic transit gloria mundi.

11-го февраля. Пушкинъ печатаетъ свою «Сказку о царѣ Салтанѣ, царевичѣ Гвидонѣ и царевнѣ Лебедѣ».

18-го іюля. Свербеевъ познакомился съ двумя петербургскими литераторами, проѣзжавшими черезъ Москву: съ княземъ Одоевскимъ и съ Гоголемъ.—Прозаическая часть «Новоселья» гораздо лучше стихотворной; въ послѣдней кромѣ сказки Жуковскаго, басенъ Крылова и «На смерть Гёте» [3]), все вздоръ.

28-го іюля. Пушкинъ хочетъ издавать политическую газету. Говорятъ, что государь велѣлъ Нессельроде доставлять ему извѣстія.

1-го января 1833 г. 12-го января Максимовичъ будетъ говорить рѣчь въ здѣшней гимназіи [4]): онъ выкралъ въ нее мысли изъ статьи Кирѣевскаго: «Девятнадцатый вѣкъ», потому что самъ подобныхъ имѣть не можетъ, не имѣя ни одного ключа къ Европѣ.

16-го іюня. Погодинъ женится: его невѣста — какая-то дѣвица Вагнеръ, очень образованная и хорошенькая дѣвушка.

---

[1]) Эти слова, вѣроятно, сказаны по поводу слуховъ о выходѣ въ свѣтъ 2-й части „Вечеровъ на хуторѣ“, которая была тогда впрочемъ еще въ цензурѣ.

[2]) „Зане“—по-славянски значитъ: потому что.

[3]) „Новоселье“—извѣстный альманахъ Смирдина; „На смерть Гёте“—стихотвореніе Баратынскаго 1832 г.

[4]) Явная ошибка по разсѣянности:—въ университетѣ, а не въ гимназіи 12-го января—день основанія Московскаго университета.

10-го января 1845 г. У издателей «Москвитянина» большой избытокъ статей дѣльныхъ и важныхъ, а недостаетъ ему произведеній чисто литературныхъ. Изящная проза у насъ теперь едва-ли существуетъ: въ Москвѣ Павловъ [1]), а въ Питерѣ кн. Одоевскій и гр. Соллогубъ— вотъ и все! Петръ Васильевичъ [2]) явился въ «Москвитянинѣ» сотрудникомъ брату; исторія о стихахъ и еще болѣе о пѣсняхъ, кажется, снова пойдетъ въ долгій ящикъ.

17-го января. Первый нумеръ «Москвитянина» все еще не вышелъ, и когда выйдетъ, неизвѣстно. Цензоръ (Флеровъ) не путемъ угнетаетъ Кирѣевскаго: придирается ко всякимъ мелочамъ, вымарываетъ все, что̀ ему угодно. Отказавшись цензировать въ рукописи, онъ крайне много проводитъ времени. Статья набирается и перебирается въ типографіи нѣсколько разъ: сегодня одно пропустится, а завтра похеритъ другое. Изволь ты угодить на этакого невѣжу! Ты напрасно почитаешь насъ грѣшными въ томъ, что статья А. А. Столыпина не была напечатана еще въ прошломъ году въ «Москвитянинѣ». Ты, видно, не знаешь, какъ трудно добиться толку отъ Погодина въ чемъ бы то ни было. Вотъ уже полтора года, какъ отдалъ ему статью о Суворовѣ, сочиненную Ивашевымъ [3]), и все еще не знаю, будетъ ли она напечатана, гдѣ она и куда дѣвалась. Погодинъ на-дняхъ былъ у меня для переговоровъ объ альбомѣ Карамзина. Погодинъ желаетъ, чтобы комитетъ отнесся къ нему съ этимъ предложеніемъ письменно! Я, дескать, не могу взяться за это дѣло, потому что это не моя личная мысль, и я не могу ею воспользоваться, не будучи, такъ сказать, уполномоченнымъ комитетомъ. Это, мнѣ кажется, правда. Разумѣется, дѣло будетъ имѣть болѣе силы и должной извѣстности, потому что предложитъ Погодинъ отъ тѣхъ лицъ, которыя завѣдуютъ (сооруженіемъ?) памятника. Тогда Погодинъ явится не какъ спекуляторъ, не какъ выскочка, но какъ присталый [4]) ... Съ моими стихами на объявленіе (?) памятника Карамзину вышла исторія. Гр. Строгановъ разгорячился на петербургскую цензуру, написалъ письмо къ Уварову, что какъ-де это можно, а самъ говорилъ, что пусть пошлютъ ихъ въ Питеръ. У него семь пятницъ на одной недѣлѣ.

27-го января. Вышелъ первый нумеръ «Москвитянина». Жаль, что И. Кирѣевскій то и дѣло боленъ и не можетъ постоянно заниматься сочиненіемъ на срокъ; естественно, что этими его неустойками затрудняется и замѣшкивается надлежащій своевременный выходъ нумеровъ. Но этому положится предѣлъ: послѣ трехъ первыхъ мѣсяцевъ 1845 г., если ока-

---

[1]) Николай Филиппповичъ, извѣстный авторъ „Трехъ повѣстей“.
[2]) Кирѣевскій.
[3]) Родственникъ жены втораго брата Языкова.
[4]) Т. е. приставшій со стороны.

жется, что число подписчиковъ важно умножается, т. е. когда Кирѣевскій будетъ полновластнымъ хозяиномъ «Москвитянина», тогда онъ возьметъ себѣ сотрудниковъ и будетъ завѣдывать всей матеріальной частью журнала. Теперь же покуда почти все время у Кирѣевскаго проходитъ въ толкованіяхъ съ сочинителями, въ сношеніяхъ съ цензурой, съ типографіей и даже въ держаніи корректуры. Онъ принужденъ работать ночью, отгоняя чаепитіемъ сонъ, приходящій къ нему въ свое время: такое безсонное напряженіе производитъ истому и крайне вредитъ его здоровью, которое и безъ того слабо и ненадежно.

10-го февраля. У Кирѣевскаго останавливается типографія — потому, замѣчаетъ критика, что Погодинъ скупится давать на водку наборщикамъ, стараясь дѣйствовать на нихъ черезъ начальство: вѣдь типографія университетская, казенная!.. О сю пору не могу добиться толку отъ Погодина, т. е. не могу узнать, берется ли онъ за Карамзинскій альбомъ. Повторяю тебѣ мое замѣчаніе, что этотъ альбомъ можетъ явиться въ свѣтъ и не ко дню объявленія.

24-го февраля. Ты не знаешь, какъ скучно имѣть дѣло съ Погодинымъ. Я ужъ и самъ не радъ, что обращался къ нему съ предложеніемъ о Карамзинскомъ альбомѣ и что онъ тогда же не отказался. Пошлешь къ нему записку—отвѣтитъ, что отвѣтъ пришлетъ онъ сегодня же или самъ заѣдетъ,—и ни отвѣта, ни самого не дождешься.

4-го марта. Каковы всѣ статьи И. Кирѣевскаго! Вотъ человѣкъ, такъ человѣкъ! Я уже два раза прочелъ его статью и чувствую, что прочту и еще нѣсколько разъ: какая вѣрность, какая глубина, простота, ясность и сила! Въ Питерѣ рѣшительно нѣтъ никого не только равнаго, но и подобнаго этому доблему [1]) и побѣдному подвижнику православія.

Гоголю выпросилъ Уваровъ по 1.000 р. ежегодно: честь и слава! Этакъ Гоголь освободится навѣрное отъ множества заботъ самыхъ прозаическихъ.

18-го апрѣля. Вчера былъ у меня Погодинъ. Онъ проситъ меня узнать навѣрное, когда именно назначается объявленіе памятника Карамзину. Ему необходимо знать это теперь же, потому что ему необходимо сообразиться своей поѣздкой за границу на воды, чтобы не проѣздить этого открытія, на которомъ онъ хочетъ присутствовать лично. Онъ уже сочиняетъ похвальное слово Карамзину. Разумѣется, что его пріѣздъ по сему случаю въ Симбирскъ и оное его слово дадутъ такую торжественность открытію, какая у насъ возможна: вѣдь у насъ, на Святой Руси, не поскачутъ же со всѣхъ краевъ старцы и юноши, дамы и дѣвы наслаждаться воздаваніемъ славы мужу безсмертному [2])!

---

[1]) Любимый славянизмъ Языкова.

[2]) Памятникъ Карамзину былъ открытъ 21-го сентября 1845 года.

21-го апрѣля. Жуковскій былъ боленъ, по словамъ Гоголя, но уже поправился и принялся за «Одиссею». Онъ собирается черезъ годъ кончить этотъ трудъ, великій подвигъ, геройскій, — и тогда, т. е. въ 1846 году, онъ переселится въ Москву на житье.

31-го мая. Заминки и передряги «Москвитянина» еще продолжаются: И. Кирѣевскій вѣдь брался участвовать въ немъ примѣрно на три мѣсяца, и потомъ, если число подписчиковъ умножится до возможности хорошо платить за статьи и за редакторство. Число подписчиковъ увеличилось незначительно, и теперь идутъ совѣты и съѣзды, какъ поддержать оный журналъ въ бодромъ видѣ безъ участія Ив. Вас.; Ив. Вас. только и сдѣлалъ, что крайне разстроилъ свое здоровье. Погодинъ не рѣшается передать «Москвитянинъ» въ руки такъ называемаго юнаго поколѣнія: оно-де слишкомъ заносчиво, опрометчиво, бойко, не грамотно, односторонне.

31-го мая[1]). «Москвитянинъ» возвращается въ полныя объятія Погодина. Самаринъ точно взялся было обсудить «Тарантасъ», но теперь, когда Кирѣевскій отъ «Москвитянина» отступается, вѣроятно, и тотъ доблій юноша отложитъ перо свое. Самаринъ человѣкъ дѣльный и могущій сильно дѣйствовать. Жаль, что родитель не пускаетъ его на профессорскую каѳедру, а гонитъ на паркетъ большаго свѣта и на служеніе Ваалу [2]).

12-го іюня. Объ альбомѣ Погодинъ что-то примолкъ: онъ, какъ слышно, собирается осенью нынѣшняго года исполнить свой давнишній планъ путешествія къ Святымъ мѣстамъ. Онъ ѣдетъ къ зимѣ въ иРмъ и оттуда водой въ Іерусалимъ, а изъ Іерусалима водою же въ Одессу и такимъ образомъ во-свояси. Само собою разумѣется, что при сей вѣрной оказіи Погодинъ напишетъ путешествіе къ Святымъ мѣстамъ и его раскупятъ и что паломнику сочинителю выгода будетъ большая.

25-го іюня. Ты, вѣрно, замѣтилъ въ письмѣ Гоголя похвалы, воспиcуемыя имъ г-жѣ Смирновой. Эти похвалы всѣхъ здѣшнихъ удивляютъ. Хомяковъ, нѣкогда воспѣвавшій её подъ именемъ «Иностранки» и «Дѣвы розы», считаетъ её вовсе неспособной къ тому, что̀ видитъ въ ней Гоголь, и по всѣмъ слухамъ, до меня доходящимъ, она просто сирена, плавающая въ прозрачныхъ волнахъ соблазна. Она и Самарина къ себѣ влечетъ; соблазнительница она славная—и только!

29-го іюня. Гоголь, какъ онъ самъ пишетъ, очень и очень разстроился здоровьемъ, впалъ въ жесточайшую хандру, отчаивается въ выздоровленіи, думаетъ, что скоро умретъ. Не забудьте, когда его увидите, написать мнѣ подробно, какимъ вы его найдете. Хандра всегда крайне мнительна и взводитъ на своего паціента такія болѣзни, какихъ

[1]) Изъ того же письма (въ концѣ его).

[2]) См. письма Самарина къ Гоголю въ „Русской Старинѣ“ 1889, VII.

въ немъ вовсе нѣтъ, и доводитъ несчастнаго до отчаянія. Вы утѣшайте, ободряйте и развеселяйте Гоголя: онъ съ вами какъ-то проще, мягче, обходительнѣе, нежели вообще!

6-го іюля. Погодинъ не робѣетъ, а юное поколѣніе, которому онъ никакъ не захотѣлъ повѣрить «Москвитянинъ», собирается издавать альманахъ, коимъ завѣдывать будетъ Пановъ.

21-го іюля. Министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ на отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ, что онъ не можетъ откомандировать Погодина въ Симбирскъ, потому что Погодинъ уже не въ службѣ. Какъ бы не вышелъ пшикъ изъ этой торжественной поѣздки почтительнѣйшаго чтителя памяти Карамзина.

Слѣдовало бы и не хлопотать о прогонахъ въ этакомъ дѣлѣ, но едва ли Погодинъ способенъ упустить изъ виду и малѣйшую трату денегъ когда бы то ни было и во что бы то ни было.

27-го іюля. Вчера былъ у меня Погодинъ и прочелъ мнѣ начало похвальнаго слова Карамзину: прекрасно, дѣльно, горячо и сильно. Оно, конечно, подѣйствуетъ на почтеннѣйшихъ слушателей и придастъ много торжественности торжеству.

30-го іюля. Письмо ваше къ Надеждѣ Николаевнѣ [1]) отослано по почтѣ въ Рузу. Надежда Николаевна сильно безпокоится о Гоголѣ, котораго здоровье, по ея словамъ, крайне плохо: вчера получилъ я письмо отъ него. Вообразите, что онъ не поѣхалъ въ Гаштейнъ, а находится теперь въ Карлсбадѣ. Не знаю, зачѣмъ заѣзжалъ онъ въ Дрезденъ, совѣтовался съ Карусомъ. Карусъ сказалъ ему, что вся его болѣзнь отъ разстройства печени, что ему должно пользоваться карлсбадскими водами. Гоголь ими и пользуется: пишетъ, что пользы послѣ двухнедѣльнаго ихъ употребленія онъ еще не видитъ и ослабъ еще болѣе. Жаль, что онъ не переговорилъ съ нашимъ любезнѣйшимъ Аммономъ. Каруса я не люблю, и старикъ Коппъ говоритъ про него, что онъ большой анатомистъ и физіологъ, а врачъ плохой.

Когда будете въ Дрезденѣ, не забудьте узнать у Каруса о Гоголѣ, какъ и что онъ. Можетъ быть, вы и съѣдетесь тамъ съ Николаемъ Васильевичемъ самимъ: сведете его съ Аммономъ и напишите мнѣ, что онъ вамъ объ его болѣзни скажетъ. Тому же, что самъ Гоголь говоритъ о своемъ здоровьи, вѣрить не должно.

4-го августа. Я и самъ не знаю, чего хочется Погодину ѣхать въ Симбирскъ? Впрочемъ кто же, ежели не онъ, могъ бы сказать похвальное слово Карамзину? Погодинъ уже едва-ли не лучше всѣхъ современниковъ и чтителей памяти исторіографа и знаетъ и чувствуетъ заслуги его и, конечно, скажетъ о немъ много дѣльнаго и горячо [2]).

[1]) Шереметевой. См. о ней статью въ „Русск. Стар.“ 1892 г., X. В. Ш.

[2]) Такъ въ подлинникѣ.

Ты читалъ ли его рѣчь, которую Гизо назвалъ лучшимъ историческимъ сочиненіемъ этого года? Не стыдно ли Академіи Наукъ, такъ называемому русскому ея отдѣленію, не послать отъ себя депутата на открытіе! У насъ ничего не умѣютъ дѣлать по-людски! Карамзинъ, конечно, не нѣмецъ, но Академіи все-таки не неприлично было бы отдать честь и русскому человѣку, котораго сочиненія, несомнѣнно, принесли больше пользы просвѣщенію Россіи, нежели всѣ возможныя изданія Академіи и всѣ академики, коихъ уже болѣе полустолѣтія Россія кормитъ, поитъ, обуваетъ и одѣваетъ, въ ожиданіи отъ нихъ будущихъ благъ.

8-го августа. Прилагаю записочку Погодина. Мнѣ кажется, онъ правъ: онъ теперь поѣдетъ къ Шевыреву, который на лѣто нанялъ въ селѣ Астафьевѣ тотъ самый домъ, гдѣ Карамзинъ писалъ «Исторію Государства Россійскаго», поѣхалъ, конечно, на совѣтъ, какъ ему быть. Я, впрочемъ, увѣренъ, что дѣло сдѣлано хорошо съ нашей, по крайней мѣрѣ, стороны. Кого же бы думала коммиссія Арх. послать на открытіе памятника Карамзину? Погодинъ лучше всѣхъ теперешнихъ знаетъ русскую исторію, лучше всей этой коммиссіи, которая не любитъ его за то, что онъ былъ недоволенъ ея изданіемъ русскихъ лѣтописей, находя его недобросовѣстнымъ въ ученомъ отношеніи! Онъ любитъ и уважаетъ Карамзина больше всѣхъ, больше, нежели самъ министръ.

10-го августа. На каѳедру русской исторіи поступилъ въ Москву Соловьевъ, юноша доблій и талантливый, на зло Погодину. Погодинъ написалъ и переписалъ «Похвальное слово Карамзину». Онъ произнесъ его хорошо и съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Онъ сердечно любитъ Карамзина, знаетъ ему цѣну и сильно чувствуетъ его заслугу русскому просвѣщенію. Я помню, какъ Погодинъ въ университетѣ говорилъ рѣчь объ исторіи и тамъ слова его о Ломоносовѣ и Карамзинѣ растрогали и умилили слушателей. Погодинъ собирается выѣхать 16-го августа въ ночь, слѣдовательно, 20 или 21 будетъ въ Симбирскѣ.

8-го сентября. На-дняхъ будетъ промовировать [1]) Соловьевъ, заступившій мѣсто Погодина въ здѣшнемъ университетѣ. Я пришлю тебѣ его диссертацію. Юноша доблій, какъ мнѣ кажется. Онъ же и хорошо пишетъ по-русски—явленіе рѣдкое между профессорами новѣйшаго развитія. Графъ Строгановъ, прослушавъ первую лекцію Соловьева, сказалъ: «очень, очень хорошо! теперь намъ не надо Погодина»!

16-го декабря. Погодинъ послалъ въ петербургскую цензуру свое «Похвальное слово Карамзину». Съ здѣшней рѣшительно нѣтъ никакого способа ладить: такіе трусы, варвары и невѣжи! — Погодинъ занялся теперь разборкой бумагъ покойнаго А. И. Тургенева [2]).

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

[2]) Онъ умеръ 3-го декабря 1845 года.

19-го января 1846 г. Сказку Жуковскаго о «Жаръ-Птицѣ и сѣромъ волкѣ» я читалъ въ «Современникѣ»: хороша и очень хороша, хотя и не соблюдено въ ней уваженіе къ русскимъ сказкамъ: въ нее ввелъ Жуковскій и Бабу-Ягу и гусли-самогуды и кое-что прибавилъ. Это, по-моему, не годится въ нѣкоторомъ смыслѣ.

6-го февраля. Вышелъ первый нумеръ «Москвитянина» 1846 г. Погодинъ сердится на Хомякова и на меня: мы-де потворствуемъ молодому поколѣнію, которое дышетъ гордостью и ни мало не уважаетъ прежнихъ дѣятелей и ничего потому не даетъ въ журналъ его, единственный въ Москвѣ. Странный человѣкъ этотъ Погодинъ: онъ даже свои статьи, которыя подѣльнѣе, помѣщаетъ не въ «Москвитянинѣ», а въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», гдѣ за нихъ хорошо платятъ. «Похвальное слово Карамзину» не идетъ въ этотъ счетъ: за него онъ уже получилъ деньги.

20-го февраля. На-дняхъ я читалъ письмо живописца Иванова о пребываніи нашего государя въ Римѣ. Государь обласкалъ художниковъ и ваятелей и проч. Это меня крайне радуетъ, потому что Ивановъ освѣжился и пободрѣлъ, а то было его заклевали щелкоперы, партизаны Брюлова и Бруни. — Самаринъ не погибъ: онъ не измѣняетъ своему принципу въ Вавилонѣ и въ блескѣ и въ шумѣ свѣтской жизни. Само собою разумѣется, что Конст. Аксаковъ не проститъ ему камеръ-юнкерство.

27-го марта. Увидишь Панова, такъ скажи ему, что кн. Вяземскій прислалъ три стихотворенія въ «Московскій Сборникъ» и что мы совѣтуемъ издателямъ онаго раздѣлить его на двѣ части и выпустить въ публику обѣ части вдругъ. Это будетъ эффектно: не правда ли? «Пановскій Сборникъ» [1]), вѣроятно, такъ многолиственъ, что надобно будетъ раздѣлить его на двѣ части. Онъ явится въ свѣтъ не прежде, конечно, Ѳоминой недѣли и явится со славой. Въ Питерѣ такой же сборникъ [2]) издаетъ Бѣлинскій, отставшій отъ Краевскаго. Нынче мода на сборники такая, какъ въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія была на альманахи. Теперь духъ времени сталъ, очевидно, серьезнѣе. Я приказалъ тебѣ выслать «Брынскій Лѣсъ» и «Чтенія въ Общ. Исторіи». Бодянскій расшевелилъ это общество, такъ долго и такъ много дремавшее въ объятіяхъ прежняго своего редактора. Прочти статью Чижова «Овербекъ» въ «Современникѣ». Объ ней много писали въ «Москвитянинѣ». «Водоемъ» К. Аксакова былъ представленъ, но, ка-

[1]) „Московскій Сборникъ“, издаваемый Пановымъ.

[2]) Языковъ здѣсь, вѣроятно, говоритъ о „Петербургскомъ Сборникѣ“, который былъ изданъ Некрасовымъ при участіи Бѣлинскаго въ началѣ 1846 года, но также, можетъ быть, и о «Левіаѳанѣ», сборникѣ, задуманномъ Бѣлинскимъ около этого же времени, но не осуществившемся.

жется, не произвелъ ожиданнаго дѣйствія. Публики было много, потому что дескать цѣны были самыя незначительныя. Куплеты о Питерѣ [1]) были сказаны хорошо, а о Москвѣ очень плохо: вяло и невыразительно. Хлопали и вызывали только свои, наши.

Чижовъ уѣхалъ въ Малороссію. Осенью поѣдетъ онъ въ Италію заготовлять статьи для будущаго журнала.

10-го апрѣля. Поздравляю тебя и всѣхъ васъ съ свѣтлымъ праздникомъ. Я тебѣ вмѣсто краснаго яичка посылаю мою повѣсть «Липа», которую тебѣ посвящаю или надписываю, какъ велитъ писать Погодинъ. Эту повѣсть отдаю въ «Москвитянинъ»: надобно же мнѣ утѣшить Погодина, крайне на меня ожесточившагося за то, что стихотвореніе на памятникъ Карамзину не ему досталось. «Москвитянинъ» вовсе не хуже своихъ прежнихъ лѣтъ. Погодинъ передаетъ оный Студитскому и уже послалъ объ этомъ просьбу къ министру.

21-го апрѣля. Московская цензура не только-что не пропустила моихъ «Липъ», но и сказала, что сочиненій подобнаго духа не должно и представлять въ нее. Погодинъ обратился въ Питеръ. Погодинъ надняхъ показывалъ мнѣ бумаги, добытыя имъ послѣ покойнаго ***, вещь драгоцѣнная: письма собственноручныя Петра, Блюментроста, Лейбница, Якова Долгорукова, Суворова, также собственноручныя Ивана Лукича Долгорукова, писанныя въ Митавѣ условія императрицѣ Аннѣ.

25-го мая. Я писалъ тебѣ, помнится, о томъ, какъ обласкалъ государь въ бытность свою въ Римѣ, зимой текущаго года, нашего художника Иванова. Теперь оказалось, что эта ласка не принесла ему ни на грошъ пользы. Ему отказали въ вспоможеніи и ему просто нечего ѣсть. Такой неожиданный «примѣръ будущаго» [2]) есть самое краснорѣчивое свидѣтельство въ пользу Иванова, и какъ живописца, и какъ человѣка. Его не любятъ Брюловъ, Бруни, Григоровичъ и проч.; его не любили прежніе художники въ Римѣ за то, что онъ не пьянствовалъ [3]) съ ними, а нынѣшніе за то, что онъ съ ними не пьянствуетъ [4]). Ему-то и собирались помочь наши. Я пожертвовалъ 100 р. серебромъ: дѣло патріотическое!

25-го мая. «Московскій Сборникъ» прекраснѣйшій; его всѣ хвалятъ. Даже Чаадаевъ хочетъ дать статью въ него, и Погодинъ тоже. Честь и слава Панову, и тѣмъ болѣе чести и славы, что, вѣроятно, будетъ въ убыткѣ. «Петербургскій Сборникъ», который нашему въ подметки не годится. Разошлось 1.860 экз., а у насъ нѣтъ кричальщиковъ. Нѣтъ въ Москвѣ журнала, которому бы вѣрила публика.

---

[1]) Петербургъ тамъ названъ, „городомъ съ именемъ чужимъ“.

[2]) Выраженіе, заимствованное изъ предисловія къ „Исторіи государства Россійскаго“.

[3]) Т. е. прежде.

[4]) Т. е. теперь.

31-го іюня. Студитскій, коему Погодинъ поручилъ издавать «Москвитянинъ», говоритъ: «Я не знаю, какъ мнѣ быть съ «Москвитяниномъ»? Михаилъ Петровичъ денегъ мнѣ не оставилъ, а типографія въ долгъ не работаетъ. Хорошъ Михаилъ Петровичъ! [1])

3-го іюля. О Гоголѣ вотъ, что я знаю отъ Мельгунова, писавшаго мнѣ изъ Крейцнаха. Итальянская, т. е. римская зима ему крайне вредна. Изъ Грефенберга онъ поѣдетъ въ Остенде на морское купанье, лѣто проведетъ въ Бельгіи, осень въ Сициліи, зимой пустится въ Палестину.

16-го іюля. Мнѣ помнится, что въ прошломъ 1845 году послалъ я тебѣ письмо Гоголя, въ которомъ онъ говоритъ о моемъ стихотвореніи «Землетрясеніе». Это письмо проситъ Гоголь прислать ему: оно необходимо ему для какихъ-то соображеній. Такъ потрудись, почтеннѣйшій, отыскать оное въ твоихъ бумагахъ и переслать мнѣ. Гоголь прислалъ статью о переводѣ «Одиссеи». Эта статья будетъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

19-го іюля. Жуковскій перевелъ 12 пѣсенъ «Одиссеи»: зимою 1846 г. онъ былъ очень боленъ, и Коппъ возстановилъ его, и онъ расцвѣлъ и пошелъ заново, свѣжъ и бодръ. Онъ просилъ продолжить ему отпускъ еще на годъ. Позволили на полтора года.

6-го августа. Гоголь издаетъ вторымъ тисненіемъ первую часть «Мертвыхъ Душъ» безъ всякихъ дополненій и безъ политипажей. Она выйдетъ осенью.

21-го сентября. Гоголь ѣдетъ въ Римъ на зиму; обѣщалъ написать мнѣ, что ему сдѣлаетъ водолѣченіе.

9-го октября. Въ Москвѣ теперь Чижовъ, ѣдущій въ чужіе края. Онъ занимается вербовкой въ помощники новыхъ сотрудниковъ для будущаго журнала, которому начало въ 1846 г. Нѣтъ сомнѣнія, что журналъ будетъ хорошъ и пойдетъ въ ходъ и не будетъ, слѣдовательно, въ убытокъ и направленіемъ будетъ православный, русскій. Къ іюню будущаго 1847 года пріѣдетъ въ Москву, водворится въ ней осѣдло.

3-го ноября. Получаешь ли ты «Чтенія Московскаго Общества Исторіи», издаваемыя Бодянскимъ? Книги чрезвычайно питательныя и важныя для всякаго русскаго.

Сообщилъ **В. И. Шенрокъ**.

---

[1]) Костя пишетъ, что Студицкому позволено издавать „Москвитянинъ“. Немного утѣшенія! („Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ своихъ письмахъ“. 1, 369).

Взысканія за медленное исполненіе высочайшаго повелѣнія.

Отношеніе статсъ-секретаря Муравьева—министру юстиціи.

10-го августа 1827 г.

Государь императоръ, разсмотрѣвъ отзывъ министра народнаго просвѣщенія о причинѣ двухмѣсячнаго замедленія въ исполненіи по объявленному статсъ-секретаремъ Муравьевымъ, ему, министру народнаго просвѣщенія, повелѣнію его величества о училищныхъ строеніяхъ въ Ораніенбаумѣ и Кронштадтѣ, и находя въ томъ виновными попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, за неисполненіе высочайшаго повелѣнія и директора департамента народнаго просвѣщенія, за не своевременный докладъ министру народнаго просвѣщенія, о неисполненіи высочайшей воли,—высочайше повелѣть соизволилъ: попечителю сдѣлать строжайшій за то выговоръ, съ взнесеніемъ въ его формуляръ; а директора департамента посадить подъ арестъ на сутки при сенатской гауптвахтѣ, равномѣрно со взнесеніемъ въ его формуляръ. Его величество повелѣваетъ, чтобъ министръ народнаго просвѣщенія, по принадлежности, о семъ сдѣлалъ надлежащее исполненіе и донесъ его величеству.

Изъ жизни одного декабриста.

Авторъ довольно обширной монографіи о декабристахъ, г. Дмитріевъ-Мамоновъ, такъ заканчиваетъ первую главу ея: «изъ числа 39-ти государственныхъ преступниковъ, бывшихъ на поселеніи и на жительствѣ въ Западной Сибири, 15-ть похоронены въ ея предѣлахъ, и могилы ихъ разбросаны на огромномъ ея пространствѣ... Многія могилы... еще нынѣ существуютъ,—нѣкоторыя же хотя и утрачены, но память объ усопшихъ и нынѣ жива: такъ высоко нравственна и благодѣтельна была дѣятельность въ Сибири большинства декабристовъ на пользу мѣстнаго населенія» [1]).

Къ числу декабристовъ, которые наидолѣе и наиболѣе поработали на пользу мѣстнаго населенія Западной Сибири, принадлежитъ Александръ Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Бриггенъ. Имя этого декабриста увѣковѣчено прекраснымъ отзывомъ Ник. Ив. Тургенева въ книгѣ «Россія и русскіе» и не чуждо литературѣ, которую онъ обогатилъ переводомъ сочиненій Юлія Цезаря. Ему отведена особая XII-я глава въ вышеназванномъ сочиненіи г. Дмитріева-Мамонова; но эта глава бѣдна и фактическими данными и совсѣмъ не затрогиваетъ внутренняго міра этого замѣчательнаго человѣка.

Пользуясь перепискою А. Ѳ. Бриггена съ дочерью Маріею, съ женою Софіею, урожденною Миклашевскою, родителями и друзьями, перепискою, отчасти только опубликованною, и нѣкоторыми литературными данными,

---

[1]) „Декабристы въ Западной Сибири“, отт. изъ IV кн. „Чтеній въ имп. общ. ист. и др. рос“. за 1895 г., стр. 34.

мы постараемся возможно обстоятельно очертить внѣшнюю и внутреннюю жизнь его въ Сибири.

I.

Александръ Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Бриггенъ первоначальное образованіе получилъ въ Петровскомъ училищѣ, когда тамъ директоромъ былъ Вейсъ [1]). Будучи на четыре года моложе декабриста С. П. Трубецкаго [2]), Бриггенъ былъ школьнымъ товарищемъ послѣдняго и надолго сохранилъ дружескія съ нимъ связи. «Слово камарадъ, которое ты употребилъ»,—пишетъ Бриггену Трубецкой изъ Оёка 31-го декабря 1842 г.,—«заставило меня вспомнить круглый столъ, за которымъ мы сидѣли вмѣстѣ съ тобою у старичка Германа... Время давно прошедшее. Теперь также провожу по нѣскольку часовъ въ день въ головѣ стола, по сторонамъ котораго сидятъ мои дѣвочки съ книжками и тетрадками, и вспоминаю свои ребяческія лѣта».

Поступивъ на службу въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, онъ пріобрѣлъ товарищемъ по ротѣ декабриста Фонъ-Визина [3]). Въ 1812 году Александръ Ѳедоровичъ участвовалъ въ битвѣ Бородинской; а въ 1813 — 14, перейдя вмѣстѣ съ русскими войсками границу, принялъ участіе въ сраженіяхъ при Кульмѣ и Лейпцигѣ. Свидѣтельство объ этихъ подвигахъ Бриггена находимъ въ письмѣ къ нему декабриста Н. И. Лорера съ Кавказа отъ 20-го ноября 1837. Коснувшись вопроса, почему Александръ Ѳедоровичъ не включенъ въ число освобожденныхъ отъ ссылки въ Сибирь переводомъ на Кавказъ [4]), онъ пишетъ: «всѣ мы при воспоминаніи о тебѣ утѣшали себя тѣмъ, что ты желалъ этого самъ, а служить тебѣ, въ твои лѣта и отслужа жестокія и достопамятныя три кампаніи, тебѣ будетъ невозможно перенести всѣ предстоящія трудности войны, которая только и сотворена для молодыхъ людей и юношей и для молодыхъ ногъ. Но тѣмъ, которые топтали поля Бородинскія, Кульмскія и Лейпцигскія, тѣмъ пора успокоеніе».

Дослужившись до чина полковника, Бриггенъ вышелъ въ отставку.

---

[1]) См. письмо къ А. Е. Розену въ „Рус. Стар." 1900 г., № 1.

[2]) Бриггенъ род. въ 1794 г., Трубецкой—въ 1790 г.

[3]) См. „Рус. Стар." 1901, № 2, стр. 440—441.

[4]) Это обстоятельство смущало сперва и А. Е. Розена, который говоритъ въ своихъ „Запискахъ декабриста": „До сего дня непостижимо для меня, почему фонъ-деръ-Бриггенъ не былъ включенъ въ число освобожденныхъ отъ изгнанія ходатайствомъ цесаревича, когда Кавелинъ могъ всѣхъ болѣе къ тому содѣйствовать". „Зап. дек.". Лейпцигъ. 1870, стр. 315.

Всеобщее возбужденіе умовъ въ русскомъ обществѣ послѣ Отечественной войны, выразившееся въ явныхъ и тайныхъ обществахъ, тѣмъ легче захватило въ свой водоворотъ Александра Ѳедоровича, что онъ всегда отличался расположеніемъ къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ. Любовь его къ историко-философскимъ занятіямъ свидѣтельствуетъ гр. Кушелевъ-Безбородко, упоминая въ своемъ письмѣ о «философическомъ» диванѣ въ квартирѣ Бриггена, на которомъ послѣдній съ сочиненіемъ Мабли, Смита или какою-нибудь «сверхъестественною философіею», забывалъ весь свѣтъ. Не даромъ въ деревнѣ Бриггена Пануровкѣ (Черн. губ.) имѣлась цѣнная библіотека на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; изъ этой библіотеки, расположеніе книгъ на полкахъ которой онъ отлично зналъ, ему не разъ, по его просьбѣ къ дочери Маріи, высылались книги въ Сибирь для чтенія и справокъ при литературныхъ работахъ.

Если, по свидѣтельству барона Розена, послѣ 1814 года каждый мыслящій русскій принадлежалъ къ какому-нибудь тайному обществу, то «философъ», «русскій Миллеръ» — Бриггенъ, очень много мыслившій, другъ «одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи» Н. И. Тургенева, не могъ не принимать участія въ одномъ изъ нихъ.

То было «Сѣверное» общество, сформировавшееся въ исходѣ 1822 г. въ Петербургѣ вмѣсто уничтоженнаго «Союза Благоденствія».

По словамъ бар. Розена [1]), въ Сѣверное общество ввелъ Бриггена Кавелинъ, встрѣтившійся впослѣдствіи съ нимъ въ Курганѣ, въ церкви, куда пришли декабристы по желанію проѣзжавшаго по Сибири въ 1837 г. наслѣдника цесаревича. Впрочемъ, Бриггенъ въ началѣ 1820 г. присутствовалъ вмѣстѣ съ другими членами въ собраніи Коренной думы (или управы) Союза Благоденствія. На этомъ засѣданіи Пестель исчислялъ выгоды и невыгоды правленій монархическаго и республиканскаго, при чемъ Бриггенъ и полковникъ Глинка не высказали своего мнѣнія о выгодахъ того или другаго правленія [2]).

Находясь уже въ отставкѣ, Александръ Ѳедоровичъ встрѣтился въ 1825 году въ Кіевѣ съ своимъ другомъ и школьнымъ товарищемъ кн. С. П. Трубецкимъ, которому сообщилъ, между прочимъ, о желаніи капитана Якубовича, пріѣхавшаго изъ Грузіи, покуситься на жизнь императора Александра I-го.

Въ событіяхъ 14-го декабря 1825 г. Бриггенъ, по свидѣтельству бар. Розена [3]), не принималъ никакого участія. Въ 1825 г. онъ собирался ѣхать за границу, имѣлъ уже паспортъ и перевелъ деньги въ Гамбургъ

[1]) Зап. декабр., стр. 315.

[2]) См. Донесеніе слѣдственной коммиссіи. С.-Петербургъ, 1826 г., стр. 19.

[3]) „Дневн. декабриста“, 300 стр. То же самое повторяетъ не разъ Н. И. Тургеневъ въ письмахъ къ братьямъ. См. „Рус. Стар.“ 1901 г., май.

на имя банкира Ливіо. Болѣзнь жены удержала его въ Россіи еще на зиму, которая принесла много несчастья: неявка въ срокъ кредитива и внезапное банкротство Ливіо лишили Бриггена капитала, а за то, что онъ слышалъ о самохвальствѣ Якубовича и сообщилъ о томъ кн. Трубецкому, его арестовали, осудили и сослали.

Во время слѣдствія по поводу событій 14-го декабря 1825 года, Бриггену была устроена очная ставка съ Пестелемъ [1]). Въ это время онъ держалъ себя безукоризненно, ничѣмъ не нарушилъ узъ дружбы и показалъ то величіе души, какимъ всегда отличался. Такъ, онъ взялъ смѣлость защищать отсутствовавшаго Николая Ивановича Тургенева, на котораго другіе декабристы наговаривали много лишняго. По этому поводу Н. И. Тургеневъ писалъ 25-го октября 1826 г. къ брату Александру [2]): «Онъ (т. е. Бриггенъ) меня всѣхъ болѣе интересуетъ, какъ по пріязни, такъ и по его отзыву о показаніи, о моей фразѣ. Этотъ отзывъ меня тронулъ до глубины души [3]). Я вижу тутъ доказательство дружбы. Глупая болтовня Муравьева и Орлова, особливо сего послѣдняго, жалка и презрительна».

Верховный уголовный судъ призналъ Бриггена виновнымъ въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство и въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго. Указомъ Правительствующаго Сената отъ 13-го іюля 1826 г. онъ отнесенъ былъ къ седьмому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ временной ссылкѣ въ каторжныя работы на 4 года, а потомъ на вѣчное поселеніе.

Указомъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату 22-го августа 1826 г., оставленъ въ каторжныхъ работахъ на одинъ годъ, а затѣмъ на вѣчномъ поселеніи въ Сибири [4]).

Въ началѣ мая 1827 г. Бриггенъ вмѣстѣ съ Ентальцевымъ, Черкасовымъ и Абрамовымъ 2-мъ прибылъ въ Читу, откуда направленъ въ Петровскій заводъ. Здѣсь ему привелось отбывать каторгу вмѣстѣ съ барономъ Розеномъ, поэтомъ Одоевскимъ и многими другими декабристами. Здѣсь-то Одоевскій написалъ товарищу по каторгѣ Бриггену извѣстный «Экспромптъ», начинающійся словами:

„Звучитъ вся жизнь, какъ звонкій смѣхъ;
Отъ жара чувствъ душа не вянетъ“ [5]).

---

[1]) Донесеніе слѣд. ком., 20 стр., прим. I.
[2]) „Рус. Стар.“ 1901, май, стр. 255.
[3]) По словамъ донесенія, въ собраніи Коренной думы всѣ одобрили республиканское правленіе, при чемъ Н. И. Тургеневъ сказалъ: „un president sans phrases“. Бриггенъ заявилъ, что Тургеневъ вмѣсто приписываемыхъ ему словъ сказалъ просто: „Республиканское правленіе съ президентомъ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представленіи“.
[4]) См. соч. Дмитріева-Мамонова, стр. 88.
[5]) См. VII томъ приложеній къ „Сѣверу“ за 1893 г.

Александръ Ѳедоровичъ удивлялся сильному воображенію, проявленному въ этомъ стихотвореніи поэтомъ, который превратилъ въ вино и пиво острожную воду и артельный квасъ.

Отбывъ годъ въ каторжныхъ работахъ, Бриггенъ одновременно съ Черкасовымъ доставленъ былъ изъ Иркутска въ Тобольскъ въ половинѣ іюня 1828 г. Согласно послѣдовавшей высочайшей волѣ, 20-го того же мѣсяца изъ Тобольска его отправили, подъ надзоромъ урядника Баеднаго и одного жандарма, на поселеніе въ Пелымъ.

Въ концѣ іюня онъ прибылъ на мѣсто поселенія и прожилъ здѣсь до начала марта 1836 г.

II.

Не особенно радушно встрѣтилъ Пелымъ своего новаго обитателя. Не успѣлъ Александръ Ѳедоровичъ, какъ говорится, выйти изъ экипажа и ступить на почву Пелыма, какъ пелымскій отдѣльный засѣдатель отобралъ отъ него оружіе, порохъ и дробь, о чемъ и донесъ тобольскому губернатору Нагибину [1]).

Вообще и природа Пелыма, селенія Туринскаго округа, Тобольской губерніи, не могла благотворно подѣйствовать на невольнаго поселенца. Расположенное въ мѣстности безлюдной, гдѣ полгода сряду не показывается солнце, гдѣ вѣчно холодная земля оттаиваетъ только на полфута въ глубину, гдѣ люди питаются рыбою и дичью, гдѣ не было огородовъ, не было посѣвовъ [2]), это селеніе дышало угрюмостью и печалью.

Не могъ составить для Бриггена пріятнаго общества сосланный сюда декабристъ Враницкій, человѣкъ больной и совершенно упавшій духомъ. Александру Ѳедоровичу пришлось потратить много тщетныхъ усилій на то, чтобы развлекать и поддерживать несчастнаго.

Жена Бриггена, урожденная Миклашевская, не могла слѣдовать за нимъ въ Сибирь или пріѣхать къ нему: сначала тому мѣшало малолѣтство дѣтей, а потомъ нездоровье ея самой.

Въ тяжеломъ одиночествѣ, которое Бриггенъ, по словамъ Розена, переносилъ съ необыкновенною твердостью, нѣкоторою отрадою служила переписка съ женою и дочерью Маріею, съ нѣкоторыми друзьями по ссылкѣ и умственныя занятія.

Согласно первому пункту правилъ, сообщенныхъ генералъ-губерна-

---

[1]) См. назв. соч. г. Дмитріева-Мамонова, 23 стр.

[2]) Такъ описываетъ Пелымъ Розенъ въ своихъ „Зап. декабр.“, 278 стр.

тору Западной Сибири П. М. Кащевичу начальникомъ штаба его императорскаго величества генералъ-адъютантомъ Дибичемъ 26-го сентября 1826 года, жена Александра Ѳедоровича высылала ему по одной тысячѣ рублей ассигнаціями ежегодно на содержаніе и особо на первоначальное обзаведеніе и покупку дома.

Благодаря такой матеріальной обезпеченности, Бриггенъ въ первый же годъ своего пребыванія въ Пелымѣ выстроилъ себѣ, съ разрѣшенія главной администраціи края, деревянный домъ, состоявшій изъ трехъ комнатъ съ необходимыми для хозяйства и небольшаго скотоводства постройками.

Жизнь его въ Пелымѣ протекала весьма однообразно и уединенно. «Я много хожу,—пишетъ онъ Розену изъ Пелыма 15-го ноября 1833 г.,—бо́льшую часть дня провожу въ поляхъ, вечеръ же съ двумя свѣчами сижу за моими книгами: признаюсь, что сіи вечера составляютъ пріятнѣйшее время моего пребыванія въ Пелымѣ» [1]). Кромѣ книгъ, свою любознательность русскій «Миллеръ» направлялъ на историческія преданія, которыя связали Пелымъ съ русскою исторіею XVIII столѣтія. Это незначительное селеніе, благодаря различнымъ переворотамъ, сдѣлалось мѣстомъ продолжительнаго, хотя и невольнаго пребыванія двухъ иностранцевъ, занимающихъ видное мѣсто на страницахъ нашей исторіи упомянутаго столѣтія.

Такъ Бриггенъ въ названномъ письмѣ къ Розену пишетъ о мѣстѣ гдѣ двадцать лѣтъ прожилъ Минихъ, знаменитый покоритель Данцига и Очакова. Онъ собираетъ отъ очевидцевъ и свидѣтелей жизни этого знаменитаго изгнанника въ Пелымѣ подробныя и весьма интересныя свѣдѣнія, которыми дѣлится съ другомъ декабристомъ, проживавшимъ въ Курганѣ. Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ свѣдѣнія и о другомъ иностранцѣ, регентѣ и герцогѣ Биронѣ, пробывшемъ въ пелымской тюрьмѣ четыре мѣсяца.

Переписка съ друзьями, возможность хоть изрѣдка побесѣдовать съ людьми одинаковаго образа мыслей, несомнѣнно, составляла для Александра Ѳедоровича величайшее наслажденіе.

Съ барономъ Андреемъ Евгеніевичемъ Розеномъ у Бриггена завязалась тѣсная дружба, и велась оживленная переписка до переѣзда послѣдняго въ Курганъ, равно и послѣ отъѣзда семьи барона на Кавказъ. Розенъ питалъ къ Александру Ѳедоровичу чувства глубокаго уваженія за его высокія нравственныя качества. «Онъ (т. е. Бриггенъ) былъ отлично образованъ, имѣлъ самыя честныя правила и добрѣйшее сердце. Прочтите, что о немъ говоритъ Н. И. Тургеневъ въ своемъ сочиненіи

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1900 г., № 1, 225 стр.

«Россія и русскіе», напечатанномъ на французскомъ языкѣ въ 1847 г.»,— читаемъ мы въ «Запискахъ декабриста» [1]).

Розенъ прибылъ на поселеніе въ Курганъ 19-го сентября 1832 г. Съ того же времени или нѣсколько позднѣе у него съ Бриггеномъ началась переписка.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется письмо Розена изъ Кургана отъ 11-го мая 1834 г., въ которомъ онъ пишетъ слѣдующее:

«Въ нѣсколькихъ словахъ опишу вамъ переселеніе наше изъ Читы въ обѣтованный Петровскій заводъ или Балякенскъ. Всѣ были раздѣлены на двѣ партіи; первая выступила 7-го августа 1830 года, при ней находился безотлучно плацмаіоръ съ тремя офицерами и съ отрядомъ, состоявшимъ изъ казаковъ и 70 человѣкъ пѣхоты. Вторая партія выступила 9-го августа подъ личнымъ начальствомъ коменданта и съ такимъ же конвоемъ. Въ день шли мы отъ 25 до 32 верстъ съ дневками; раненые и слабые здоровьемъ могли имѣть подводы, на коихъ складывали чемоданы, а книги и прочее добро было отправлено заранѣе на наемныхъ подводахъ. Въ Бурятской степи ночевали мы въ юртахъ, расположенныхъ по лагерному порядку съ пикетами, по пяти человѣкъ въ юртѣ, а за Верхнеудинскомъ имѣли квартиры въ большихъ старообрядческихъ деревняхъ, также по пяти человѣкъ на домъ съ безотлучными часовыми.—Въ первые девять дней нашего похода лилъ непрестанный дождь, потомъ погода была самая пріятная, особенно когда мы шли по прекрасному и величественному берегу Селенги, доставлявшей намъ живыхъ осетровъ на каждый ужинъ. 21-го сентября [прибыла первая партія] [2]), 23-го—вторая партія въ Петровскую тюрьму. Вы можете себѣ представить, какъ пріятенъ былъ походъ послѣ тюремной жизни, и каково было опять вступать въ темную тюрьму, послѣ того какъ нѣсколько недѣль проводили на просторѣ въ перемѣнныхъ мѣстахъ—вопреки поговоркѣ: «худая стоянка лучше хорошаго похода». Вашему воображенію предоставляю пополнить все мною сказанное о нашемъ переселеніи: виды дикой, но величественной природы Забайкальской страны, кочующіе буряты, богатые старообрядцы или такъ называемые тамъ семейскіе (потому что за расколъ были сосланы тому 80 лѣтъ назадъ цѣлыми семействами), бѣдные старожилы съ своимъ кирпичнымъ чаемъ—все это вамъ знакомо.—Можете также представить себѣ огни для караульныхъ и огни въ юртахъ,—разсказы Н. Бестужева, Якубовича и другихъ, остроты Давыдова, пѣсни Одоевскаго и пр. и пр.

---

[1]) Слова, взятыя въ скобки, въ оригиналѣ вырваны; мы ихъ подставили по смыслу.

[2]) Лейпциг. изд. 1870 г., 300 стр. Отзывъ Н. Ив. Тургенева о Бриггенѣ см. указанное Розеномъ изданіе, стр. 234, 333 и 342.

Вотъ вамъ, почтеннѣйшій Александръ Ѳедоровичъ, отвѣты на всѣ ваши вопросы, кромѣ тѣхъ, кои относятся до меня и моего семейства, и дабы вполнѣ удовлетворить вашему желанію, то скажу вамъ, что жена моя пріѣхала ко мнѣ въ 1830 году и послѣ 4-хъ-лѣтней разлуки увидѣлись 27-го августа на большой дорогѣ во время похода изъ Читы въ Петровскій заводъ; свиданіе наше безъ старшаго сына [1]) было трогательно и вообще доставило мнѣ случай убѣдиться въ любви и участіи ко мнѣ добрыхъ моихъ товарищей, бывшихъ свидѣтелями нашего свиданія; многіе изъ нихъ плакали въ первый разъ въ зрѣломъ возрастѣ [2]). Второй сынъ мой родился въ Петровскомъ заводѣ, я далъ ему имя Кондратій, въ память Кондр(атія) Ѳед(оровича), [3]), ему отъ роду 2 года 9 мѣсяцевъ, а третій сынъ мой Василій родился въ Тобольской губерніи, въ бѣдной деревушкѣ, во время переѣзда въ Курганъ, ему отъ роду годъ и 9 мѣсяцевъ. [Имя старшаго сына] [4]) моего Евгеній; теперь въ маломъ ихъ возрастѣ называю ихъ по отголоску (эхо) ихъ именъ: Эни; Атій, Илій [5]), Добрая жена моя и Елизавета Петровна [6]) благодарятъ васъ за память о нихъ и кланяются вамъ»...

Хотя Бриггенъ въ письмахъ къ Розену увѣрялъ, что здоровье его удовлетворительно, однако, климатическія условія Пелыма не могли благопріятно отразиться на организмѣ его. Вотъ почему, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Пелымѣ, онъ чрезъ предсѣдателя Тобольскаго губернскаго правленія Корнилова ходатайствовалъ предъ генералъ-губернаторомъ Н. А. Вельяминовымъ о переводѣ въ другую мѣстность губерніи съ болѣе мягкимъ климатомъ. 29-го іюня 1831 года, гр. Бенкендорфъ увѣдомилъ Вельяминова, что императоръ собственноручно написалъ на

---

[1]) Анна Васильевна Розенъ, урожденная Малиновская, оставила своего первенца Евгенія на попеченіе сестры Марьи Васильевны Вальховской. Послѣдняя замѣняла Евгенію мать до тѣхъ поръ, пока онъ увидѣлся съ родителями на Кавказѣ 10-го ноября 1838 года. Заботы Марьи Васильевны и судьба старшаго сына Розена трогательно изображены поэтомъ Одоевскимъ въ словахъ пѣсни, начинающейся словами:

„Я разлучился въ колыбели
Съ отцомъ и матерью моей“. (См. стихотвор. кн. Одоевскаго, стр. 61—62.)

[2]) Подробности этого свиданія и участія товарищей разсказаны Розеномъ въ „Запискахъ декабриста“.

[3]) Рылѣева.

[4]) Въ скобкахъ поставлены по догадкѣ вырванныя слова.

[5]) Въ колыбельной пѣснѣ, написанной кн. Одоевскимъ въ 1832 году въ Петровскомъ заводѣ, встрѣчается имя Атій.

[6]) Нарышкина, жена декабриста Михаила Михайловича Нарышкина, была дочерью графа Коновницына. Съ 14-го марта 1833 года она поселилась вмѣстѣ съ мужемъ въ Курганѣ.

докладной запискѣ о Бриггенѣ: «Начали всѣ проситься, надобно быть осторожнѣе въ согласіи на это, въ особенности нынѣ».

Въ 1834 году возобновлено было управлявшимъ Тобольскою губерніею А. Н. Муравьевымъ ходатайство о переводѣ Бриггена въ другой городъ, такъ какъ всѣ лѣкарства, при сыромъ климатѣ, торфяной водѣ и недостаткѣ доброкачественной пищи, оказывались безсильными противъ болѣзни. Но и это ходатайство не имѣло успѣха. Только представленіе начальника VII округа корпуса жандармовъ, полковника Маслова, донесшаго графу Бенкендорфу, что Бриггенъ, находясь въ Пелымѣ, совершенно потерялъ свое здоровье, что, по отзывамъ, онъ отличается наилучшимъ поведеніемъ и исполненъ чувства искренняго раскаянія, повлекло за собою высочайшее соизволеніе на переводъ Александра Ѳедоровича въ одну изъ южныхъ мѣстностей Тобольской губерніи. О такомъ высочайшемъ соизволеніи гр. Бенкендорфъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири Сулиму 30-го ноября 1835 года. Бриггенъ выбралъ мѣстомъ новаго поселенія Курганъ, куда и прибылъ въ началѣ марта 1836 года. Выборъ его остановился на Курганѣ, конечно, не потому, что этотъ городъ представлялъ особенныя удобства для жизни, а потому, главнымъ образомъ, что тамъ жили Розены, Нарышкины, Лореръ, Лихаревъ, Назимовъ и Фохтъ, составившіе дружественный кружекъ и снискавшіе расположеніе курганскаго чиновничьяго и гражданскаго общества. Впрочемъ, и въ смыслѣ удобствъ жизни, Курганъ нельзя было сравнивать ни съ какимъ другимъ доступнымъ для поселенія декабристовъ пунктомъ Тобольской губерніи.

III.

Изъ 28-ми лѣтъ, проведенныхъ Бриггеномъ на поселеніи въ Сибири около 15-ти приходится на Курганъ. Здѣсь же, въ Курганѣ, среди колоніи декабристовъ, онъ провелъ лучшіе дни своего изгнанія; здѣсь же началась его служба на пользу мѣстнаго населенія; здѣсь онъ трудился надъ переводомъ сочиненій Юлія Цезаря и задумалъ другія литературныя работы; здѣсь же, наконецъ, пережито имъ такъ много счастливыхъ и еще болѣе горестныхъ минутъ, что Курганъ занимаетъ въ судьбѣ его видное мѣсто.

Баронъ Розенъ въ «Запискахъ декабриста» далъ не особенно лестную характеристику Кургана. Городъ, по его описанію, непривлекательный; дома все деревянные (только два каменныхъ); лѣтомъ зелени

мало, а были много, въ немъ до двухъ тысячъ жителей, одна трехпрестольная церковь и училище съ 50-ю учениками. Интеллигенція города, чиновники, относилась къ декабристамъ очень сочувственно, но послѣдніе не всегда находили наслажденіе въ общеніи съ нею. Розенъ съ нескрываемою ироніей говоритъ о пристрастіи курганскихъ чиновниковъ къ разнаго рода увеселеніямъ, напр., къ празднованію именинъ, не замѣчая, что эти праздники были единственнымъ средствомъ разнообразить скучную и сонливую будничность провинціальнаго сибирскаго городка. Разъ въ году Курганъ оживлялся ярмаркою, которая продолжалась три дня и во время которой запасались на цѣлый годъ различными, особенно колоніальными товарами [1]). Къ тому же Курганъ имѣетъ не особенно теплый климатъ, здѣсь дуютъ холодные вѣтры; но для Бриггена, постоянно жаловавшагося въ письмахъ къ дочери Маріи на головныя боли и на болѣзнь глазъ, подверженнаго простудѣ и лихорадкамъ, климатъ этого города былъ благопріятнѣе, чѣмъ климатъ Пелыма. Онъ часто болѣлъ въ Курганѣ и писалъ отсюда Маріи 5-го марта 1837 года: «Здѣшній климатъ немного лихорадоченъ по причинѣ вѣтровъ, которые постоянно дуютъ въ теченіе 7-ми и 8-ми мѣсяцевъ въ году, особенно осенью и весною». Если такъ писалъ онъ изъ Кургана, то что же было въ суровомъ Пелымѣ? Вотъ почему въ письмѣ отъ 7-го ноября 1841 г. къ той же дочери онъ говоритъ: «Свистуновъ [2]) тотчасъ послѣ своей свадьбы, которая должна быть въ январѣ, уѣдетъ въ Тобольскъ... Если онъ выигрываетъ съ одной стороны [3]), то съ другой, въ отношеніи климата, проигрываетъ, потому что климатъ въ Тобольскѣ несравненно хуже, чѣмъ въ Курганѣ. Городъ, расположенный у подошвы горы на болотѣ, имѣетъ климатъ сырой и нездоровый; туманы тамъ постоянны и смертность больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Больные пріѣзжаютъ изъ Тобольска въ Курганъ, чтобы возстановить свое здоровье и подышать свѣжимъ воздухомъ».

Ограниченный тысячерублевымъ годовымъ окладомъ, Александръ Ѳедоровичъ жилъ въ Курганѣ очень скромно. Домъ, въ которомъ квартировалъ, находился въ одной изъ отдаленныхъ улицъ; а его письма къ женѣ, дочери и родителямъ свидѣтельствуютъ, что онъ часто нуж-

---

[1]) „Зап. дек.“ Лейпц., стр. 291 и сл.

[2]) Петръ Николаевичъ — декабристъ, прибылъ въ Курганъ на поселеніе въ 1837 году, а въ 1841 переведенъ въ Тобольскъ на службу въ губернское управленіе. Онъ женился на Татьянѣ Александровнѣ Дуриновой, дочери курганскаго окружнаго начальника. Домъ Свистуновыхъ, благодаря матеріальной обезпеченности, образованію и общительности Петра Николаевича, служилъ мѣстомъ объединенія обширной тобольской семьи декабристовъ.

[3]) Свистуновъ удалялся изъ Кургана, желая избѣжать непріятной женниной родни.

дался въ самомъ необходимомъ и дѣлалъ долги, сильно тяготившіе его. «Я безъ гроша, — пишетъ онъ дочери,—говорю безъ преувеличиванія; пропустилъ ярмарку и кругомъ въ долгу. Если бы не бѣдное жалованье [1]), которое я получаю, то привелось бы голодать. Я тебѣ писалъ объ этомъ въ письмѣ отъ 7-го февр., которое ты теперь, вѣроятно, получила. Маменька твоя писала мнѣ, что 15-го декаб. непремѣнно вышлетъ мнѣ денегъ, но по сей день ни денегъ, ни письма нѣтъ. Это, право, тяжело; а тутъ, по несчастью, еще съ меня вычетъ, болѣе 30 р. с. за чинъ [2]), который получилъ 30-го декабря, да 13 р. с. взысканія за нарочнаго, который былъ посланъ, по извѣстному тебѣ дѣлу, два года тому назадъ, такъ что у меня будутъ вычитать изъ жалованья 45 р. с., Богъ вѣсть за что, и тогда какъ мнѣ каждая копѣйка дорога!»

«Я теперь во всемъ нуждаюсь, — читаемъ мы въ другомъ письмѣ къ дочери отъ 9-го февр. 1841 г.,—какъ въ деньгахъ, такъ и въ домашней провизіи, которая немного не дотянула до Ирбитской ярмарки, долженствующей начаться въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ; невзирая на мою, уже не скажу, бережливость, а просто скупость, не могу выдти изъ роковаго двухсотъ пятидесяти рублеваго долгу».

Въ томъ же году, 7-го ноября, онъ снова говоритъ о своей нуждѣ дочери Маріи: «Не забудьте, моя дорогая Марія, прислать мнѣ, если представится случай, еще одну пару жакетовъ, подобныхъ тѣмъ, которые вы мнѣ прислали и изъ которыхъ одинъ, сдѣланный изъ платья, вами ношеннаго, почти совсѣмъ износился,—я его ношу каждый день,—между тѣмъ другой еще совершенно новый. Но что меня приводитъ въ отчаяніе, такъ это моя шуба, знаменитая шуба, столько путешествовавшая и видѣвшая столько перемѣнъ! Она обветшала, а провести зиму въ Сибири въ шубѣ, доступной холоду, непріятно. Дѣлавшимъ мнѣ замѣчанія я отвѣчалъ съ важнымъ видомъ, какъ лиса въ баснѣ «Лисица и зеленый виноградъ», что я незябкій, что мѣха заставляютъ меня страдать отъ теплоты».

Кстати здѣсь будетъ замѣтить, что эта нужда побуждала его искать службы и придумывать различные источники для добыванія денегъ: то онъ поручаетъ дочери Маріи продать изъ библіотеки коллекцію картинъ, то переводитъ сочиненія Юлія Цезаря, за каковой переводъ получилъ отъ В. А. Жуковскаго 714 р. 26 коп.

Слѣдуетъ, однако, оговориться, что до 1837 г., до времени выѣзда изъ Кургана Нарышкиныхъ и Розеновъ, Бригенъ не могъ испытывать

---

[1]) Бригенъ съ марта 1838 г. служилъ въ Курганскомъ окружномъ судѣ.

[2]) Онъ былъ произведенъ приказомъ отъ 24-го марта 1848 г. въ коллежскіе регистраторы.

стѣсненія въ деньгахъ: искренно расположенные къ нему друзья всегда снабдили бы его ими.

Изъ его рѣчей о шубѣ можно заключить, что онъ не обнаруживалъ передъ знакомыми и друзьями своихъ лишеній и связанныхъ съ ними страданій. Дѣйствительно, передъ курганскими жителями онъ всегда являлся довольнымъ и спокойнымъ; только въ письмахъ къ любимой дочери онъ раскрывалъ свою душу. Вообще Александръ Ѳедоровичъ пріученъ былъ къ большой сдержанности и выдержкѣ. «Онъ переносилъ свое несчастье съ необыкновенною твердостью, — говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ Розенъ: пріятная наружность его, румянецъ во всю щеку, изысканность въ одеждѣ показывали довольство и спокойствіе, даже въ минуты, когда при чтеніи или объявленіи глупаго приказа и безтолковой правительственной мѣры случалось ему твердить: «c'est atroce», то за этимъ тотчасъ появлялась спокойная улыбка» [1]).

Среди друзей-декабристовъ Александръ Ѳедоровичъ чувствовалъ себя необыкновенно хорошо: онъ то читалъ, то гулялъ [2]), то посѣщалъ друзей и бесѣдовалъ съ ними о своихъ близкихъ [3]). Принималъ онъ участіе и въ праздникахъ, которые весело справлялись декабристами. Такъ, 8-го ноября торжественно праздновались курганскою колоніею именины Михаила Михайловича Нарышкина. «Помнишь, другъ мой (пишетъ Бриггену Лореръ 5-го дек. 1841 г. изъ Керчи), восьмое ноября въ Курганѣ, когда мы собирались къ хорошему обѣду, гдѣ тихо, въ кругу своихъ, мы празднуемъ этого милаго человѣка именины: ты надѣваешь свой черный праздничный сюртукъ; нашъ длинный методистъ Розенъ валитъ на своихъ длинныхъ дрожкахъ; какъ все тогда было хорошо, дружно, и все это, мой другъ, судьба одной рукой разметала»...

Часто въ домѣ Нарышкиныхъ устраивались музыкально-вокальные вечера. Объ одномъ изъ нихъ, бывшемъ на масляницѣ 1837 г., Бриггенъ пишетъ дочери въ письмѣ отъ 5-го марта: «Въ субботу на масляницѣ m-me Нарышкина устроила для насъ прекрасный музыкальный вечеръ; у нея большой талантъ къ пѣнію: подъ аккомпаниментъ своего мужа, игравшаго на піанино, она превосходно исполнила «Обѣдню» Бетховена, нѣкоторыя аріи Россини и различныя итальянскія музыкальныя піесы. Курганъ пользуется репутаціею сибирской Италіи, но этотъ вечеръ справедливо заслуживаетъ ему это имя».

---

[1]) Зап. декабр. 300 стр.

[2]) „Единственное мое занятіе чтеніе, время отъ времени прогулка и посѣщенія, которыми я обмѣниваюсь съ моими товарищами“ (письмо къ дочери 9-го окт. 1836 г.).

[3]) „Я разговариваю здѣсь очень часто о васъ съ m-me Нарышкиной, которая родственница вашей подругѣ и другу m-lle Столыпиной“ (письмо къ ней же 3-го іюля 1836 г.).

Въ 1837 г. наслѣдникъ цесаревичъ, путешествуя по Сибири, проѣзжалъ черезъ Курганъ, видѣлъ въ церкви декабристовъ, просилъ за нихъ у государя,—и вотъ Розенъ, Лореръ, Назимовъ, Лихаревъ, Нарышкинъ, люди наиболѣе близкіе Бриггену, уѣзжали, по высочайшему повелѣнію, на Кавказъ.

Чего лишался въ лицѣ уѣзжающихъ Александръ Ѳедоровичъ, можно догадаться изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ къ дочери отъ 5-го марта 1837 г. Говоря о жизни своей въ Курганѣ, онъ выразился: «Впрочемъ, пребываніе здѣсь пошло, и безъ общества моихъ товарищей и книгъ оно мнѣ скоро прискучило бы».

Теперь друзья-товарищи уѣзжали. Всегда сдержанный, Бриггенъ старался скрыть горестныя чувства, вызываемыя разлукою съ сердечно близкими людьми. «Не забуду, любезный другъ (читаемъ въ письмѣ Лорера къ нему отъ 20-го ноября 1837 г.), дружбу твою ко мнѣ, которая была постоянна и такъ пріятна для человѣка, который вполнѣ умѣетъ цѣнить; ты насъ проводилъ, какъ родныхъ своихъ, и потому съ удовольствіемъ скажу тебѣ слова добрѣйшей нашей Елизаветы Петровны и знаю, что этимъ сдѣлаю тебѣ пріятное: «Я благодарна доброму Александру Ѳедоровичу за дружеское участіе его къ намъ; онъ старался скрыть, но я видѣла, какъ больно ему было разставаться съ нами; онъ старался скрыть, но я видѣла, что ему больно, и (онъ) чувствовалъ, что намъ предстоятъ новыя испытанія».

Уѣзжавшіе изъ Кургана на Кавказъ также огорчены были разлукою съ товарищемъ, котораго любили и уважали за возвышенный умъ и прекрасныя добрыя чувства. При томъ же они сильно смущались непонятнымъ для нихъ обстоятельствомъ, почему Бриггенъ не переведенъ вмѣстѣ съ ними на Кавказъ. «Не узнали ли причины почему васъ оставили въ Курганѣ,—спрашиваетъ Розенъ Бриггена въ письмѣ отъ 20-го марта 1839 г.—Можетъ быть, на Бородинскихъ маневрахъ васъ вспомнятъ и облегчатъ еще болѣе вашу участь». Даже не только декабристы-товарищи озадачены были этимъ обстоятельствомъ, но и другія, лица знавшія Александра Ѳедоровича. «Въ Казани,—пишетъ Лореръ Бриггену (вышеупомянутое письмо),—Степанъ Степановичъ Стрекаловъ очень интересовался о тебѣ и удивлялся и сожалѣлъ, что тебя нѣтъ съ нами; онъ ожидалъ тебя увидѣть и былъ увѣренъ, что онъ тебя обниметъ, но не могъ придумать, почему тебя одного оставили».—На самомъ дѣлѣ тутъ не было никакой загадки: самъ Бриггенъ не задолго передъ проѣздомъ наслѣдника цесаревича черезъ Курганъ просился въ гражданскую службу и получилъ назначеніе въ земскій судъ; но не зналъ о своемъ назначеніи во время отъѣзда на Кавказъ друзей.

Для оставшагося въ Курганѣ декабриста нѣкоторымъ утѣшеніемъ были: служба, нѣкоторые товарищи, наприм., Свистуновъ, человѣкъ про-

свѣщенный, выписывавшій русскіе и иностранные журналы и газеты, интересовавшійся развитіемъ литературы и политической жизни, и переписка съ уѣхавшими друзьями. Но переписка не могла дать того, что давало живое общеніе, служба скоро открыла Бриггену безпросвѣтную тьму произвола, взятокъ и невѣжества, а оставшіеся товарищи не подходили къ нему по своему настроенію.

Въ тяжелую минуту сознанія своего умственнаго и нравственнаго одиночества Александръ Ѳедоровичъ писалъ дочери (7-го ноября 1841 г.): «Если бы для меня возможно было завидовать вамъ, моя дорогая и добрая Марія, то, конечно, я завидовалъ бы не тому, что вы видѣли покои Зимняго дворца, Петергофъ и другія прекрасныя достопримѣчательности столицы, о которыхъ вы мнѣ пишете въ письмѣ отъ 27-го августа. Нѣтъ, я завидовалъ бы тому, что вы имѣли случай слышать чудную музыку, о которой я знаю только по газетамъ... Вотъ лишеніе, дающее себя особенно чувствовать, несмотря на всѣ другія, болѣе важныя, причиняемыя моимъ положеніемъ. Курганъ, хотя и лучшее мѣсто въ Сибири, но не такое, которое можетъ вознаградить за указанное лишеніе: нѣтъ общества, нѣтъ ни одного человѣка, съ которымъ я могъ бы обмѣниваться мыслями».

IV.

Много можно подыскать причинъ, побудившихъ Бриггена искать службы. Вопіющую нужду въ деньгахъ, вслѣдствіе неаккуратной высылки ихъ женою, мы уже знаемъ. И это причина—главная. Не малую роль играло и желаніе путемъ службы возвратить себѣ хотя часть преимуществъ, отнятыхъ ссылкой, а равно и тайная надежда такимъ образомъ ускорить свое возвращеніе на далекую родину, въ кругъ семьи.

Въ началѣ 1838 г. послѣдовало высочайшее соизволеніе на опредѣленіе Бриггена на службу въ Курганскій окружный судъ канцеляристомъ. Какъ только 29-го марта 1838 г. состоялся приказъ объ опредѣленіи его въ штатъ суда, тотчасъ же возникъ рядъ вопросовъ—о присягѣ, о разрядѣ на выслугу чина, о недвижимомъ имѣніи и перепискѣ съ семьею и друзьями. Многіе изъ этихъ вопросовъ рѣшены въ пользу Бриггена, другіе—нѣтъ. Такъ, его причислили по вопросу о разрядѣ на выслугу чина къ 4-му разряду канцелярскихъ служителей (черезъ 12 лѣтъ онъ могъ получить офицерскій чинъ), позволили получать большія денежныя суммы и свободно располагать ими; но переписка его подчинялась прежнимъ правиламъ надзора, равно не признано за нимъ права владѣть недвижимымъ имѣніемъ.

Хотя Бриггенъ въ службѣ видѣлъ возможность увеличить средства своего существованія, однако, онъ отнюдь не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, для которыхъ вся суть службы заключается въ окладѣ. Служба давала ему возможность проявить свои знанія и способности, равно удовлетворяла потребность въ полезномъ общественномъ трудѣ. Весьма характерными въ этомъ отношеніи являются слѣдующія строки письма его къ дочери (писано въ 1846 г.): «Нѣтъ ничего легче говорить: «почему не дѣлаете вы этого? Почему не дѣлаете вы такъ?» Единственный отвѣтъ на всѣ эти вопросы будетъ: «я не дѣлаю этого потому, что нѣтъ возможности это дѣлать. Если теперь мнѣ предложатъ отправиться жить въ Петербургъ съ стотысячерублевымъ жалованьемъ въ годъ, но съ условіемъ проводить всѣ вечера на балахъ, танцуя французскій кадриль, то, конечно, я не могу принять это предложеніе, которое можетъ осчастливить молодого человѣка. И почему бы не принять подобное счастье? По самой простой причинѣ: мнѣ 52 года, и мои ноги такъ слабы, что часто я хожу только при помощи трости»...

При такомъ взглядѣ на выборъ службы, нельзя сомнѣваться въ добросовѣстномъ исполненіи Бриггеномъ взятыхъ на себя обязанностей. О его ревностной и полезной службѣ можно отчасти судить потому, что черезъ восемь почти лѣтъ (31-го января 1846 г.) его перечислили изъ 4-го въ 3-й разрядъ и обѣщали уже въ 1845 г. ему чинъ.

Полученіе послѣдняго открывало Александру Ѳедоровичу возможность занять болѣе обезпеченное и важное служебное положеніе. Свои надежды, связанныя съ полученіемъ перваго чина, онъ излагалъ и въ письмахъ къ дочери: «Я все ожидаю чина,—пишетъ онъ Маріи 21-го февраля 1848 г.,—который мнѣ обѣщанъ съ 1845 г., но, навѣрное, эта исторія ничѣмъ не окончится, и я умру, какъ Моисей до прибытія въ землю обѣтованную. По полученіи чина, я поступилъ бы на службу, чтобы улучшить свое положеніе, и думаю, что Петръ Горчаковъ [1]), столь любезный въ Петербургѣ, не откажется походатайствовать за меня, сообразно съ моими желаніями; но въ такомъ положеніи, въ какомъ я теперь, ничего нельзя сдѣлать инаго, какъ покориться злому року, ведущему къ голодной смерти, и продолжать страдать въ одномъ и томъ же положеніи». Къ счастью, мрачныя предположенія Александра Ѳедоровича не оправдались: 24-го марта 1848 г. онъ былъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы и, такимъ образомъ, достигъ обѣтованной земли.

Въ томъ же году, согласно своимъ предположеніямъ, онъ усиленно

---

[1]) Генералъ-губернаторъ Западной Сибири, старшій сынъ кн. Д. Горчакова, извѣстнаго сатирика конца XVIII и начала XIX ст., автора оперъ: «Калифъ на часъ», «Баба-Яга» и повѣсти «Пламиръ и Раида». Петръ Дмитріевичъ родился въ 1789 г., а умеръ въ мартѣ 1868 г. Онъ также занимался литературой, и въ печати имѣются два томика его стихотвореній.

хлопочетъ о мѣстѣ, которое улучшило бы его матеріальное положеніе. Съ этою цѣлью онъ ѣздилъ въ Омскъ къ кн. П. Д. Горчакову, что видно изъ слѣдующихъ строкъ къ Маріи: «Я не буду говорить вамъ о моемъ путешествіи въ Омскъ, потому что объ этомъ говорилъ уже въ письмѣ отъ 3-го сентября (письмо къ Маріи писано 7-го октября 1848 г.) къ вашей мамашѣ. Скажу только вамъ, что князь былъ любезенъ со мною, и мы говорили о васъ и вашей сестрѣ. Онъ обѣщалъ мнѣ дать соотвѣтствующее мѣсто,—обѣщаніе, исполненія котораго я жду еще и до сихъ поръ. Объясняю себѣ эту медленность необходимостью писать въ Петербургъ. Жду съ нетерпѣніемъ результата всѣхъ этихъ хлопотъ».

Обѣщаніе не исполнилось, и Александръ Ѳедоровичъ рѣшился напомнить князю о себѣ. «Результаты попытки получить мѣсто черезъ Петра Горчакова (письмо къ дочери 3-го декабря 1848 г.) еще не выяснились, и я, утомившись оставаться въ неизвѣстности касательно этого предмета, рѣшился обратиться къ нему съ письмомъ... попросить его окончить какъ-нибудь это въ высшей степени неопредѣленное дѣло».

Но князь Горчаковъ не забылъ своего обѣщанія: по его предложенію, въ томъ же 1848 г. Бриггенъ опредѣленъ былъ на классную должность засѣдателя окружнаго суда въ Курганѣ.

Около 2-хъ лѣтъ онъ исполнялъ названную должность благополучно. Но, окруженный полуграмотными продажными и нетрезвыми представителями юстиціи, Бриггенъ, по словамъ г. Дмитріева-Мамонова, «не избѣгнулъ несчастной участи большинства сибирскихъ чиновниковъ, которымъ ввѣрялось правосудіе, быть преданнымъ суду по постановленіямъ главнаго управленія Западной Сибири, утвержденнымъ кн. Горчаковымъ 23-го марта и 15-го мая 1850 г.».

Александръ Ѳедоровичъ вмѣстѣ съ другими членами Курганскаго окружнаго суда преданъ былъ суду за разныя противозаконныя дѣйствія по дѣламъ, во-1-хъ, объ убійствѣ крестьянина Курганскаго округа Михаила Власова и, во-2-хъ, о дѣлателяхъ фальшивыхъ монетъ въ Курганскомъ округѣ. Въ письмахъ Бриггена къ дочери имѣются очень интересныя строки о «власовскомъ дѣлѣ», но о фальшивыхъ монетчикахъ ни слова. «Власовское дѣло», оказывается, поссорило Бриггена съ кн. Горчаковымъ, доставившимъ ему должность въ Курганскомъ судѣ. Оно тянулось болѣе 2-хъ лѣтъ и доставило нашему декабристу много хлопотъ и терзаній. «Я все ожидаю власовскаго дѣла (пишетъ онъ Маріи 21-го апрѣля 1851 г.), которое въ сенатѣ, но не знаю гдѣ, въ Москвѣ ли, или Петербургѣ. Когда оно кончится, то я буду просить тебя попросить Д. В., чтобы онъ, въ свою очередь, попросилъ министра финансовъ (нѣкогда хорошо мнѣ знакомаго) дать мнѣ мѣсто въ Петропавловской таможнѣ, куда я думаю перейти изъ министерства юстиціи, въ коемъ служба мнѣ совершенно опротивѣла, потому что это

такая гадость, что ни на что не похоже. По таможенной части служба легка, жалованье значительнѣе, и чиновники порядочные люди».

Но «власовское дѣло» тянулось и въ 1852 г. Иногда неудачныя хлопоты приводили Бригена въ отчаяніе, о которомъ свидѣтельствуютъ, напр., такія строки въ письмѣ къ дочери (2-го мая 1852 г.): «ожиданія мои неосуществимы, и я ошибся въ тѣхъ людяхъ, на коихъ надѣялся. Испытанная мною не разъ истина словъ св. писанія: «всякъ человѣкъ есть ложь, не надѣйтесь на сына человѣческаго» — подтвердилась и въ этотъ разъ»... Наконецъ, 19-го октября 1852 г. Бригенъ писалъ дочери: «извѣстное тебѣ власовское дѣло кончено въ Сенатѣ. Указа объ этомъ я не читалъ и до сего времени не могъ его достать; а знаю только, что Сенатъ согласился со мною, его оправдалъ и велѣлъ выпустить изъ острога, въ который кн. Г(орчаковъ) его противозаконно засадилъ. Слѣдовательно, сдѣлалось по-моему, да иначе и быть не могло. Я теперь жду съ нетерпѣніемъ этого указа изъ Тобольска и тогда, а, можетъ быть, если продлится долго, то и не дождавшись его, обращусь къ новому ген.-губ. [1]) съ просьбою о скорѣйшемъ окончаніи моей подсудимости».

У него въ это время созрѣвалъ новый планъ относительно своей службы: «Перовскій, нынѣшній ген.-губ. оренбургскій, былъ мнѣ нѣкогда товарищъ по службѣ и большой пріятель. Онъ меня очень любилъ, и я увѣренъ въ его готовности сдѣлать мнѣ, по возможности, добро. Этимъ обстоятельствомъ намѣренъ воспользоваться я, чтобы просить его объ исходатайствованіи мнѣ перевода на службу въ Оренбургскую губернію. Если что можно сдѣлать, то одинъ онъ это можетъ сдѣлать, а для меня это былъ бы большой шагъ... Но чтобы выбраться отсюда, нужно, во-первыхъ, кончить эти глупыя дрязги, которыя Г[орчаковъ], въ ослѣпленіи своемъ и ко вреду своему, со мною затѣялъ, и въ коихъ онъ теперь, конечно, самъ раскаивается; и, во-вторыхъ, а это самое главное, для такого перемѣщенія нужны деньги, которыхъ у меня нѣтъ. Отсюда до Оренбурга болѣе 1.500 верстъ, а для такого подъема нуженъ хорошій тарантасъ. Для сопровожденія моей клади (книгъ, платья и пр.), для чего потребно будетъ 3-хъ или 4-хъ лошадей, нуженъ человѣкъ, вѣдь эти вещи мнѣ не бросить, а съ собою я ихъ забрать не могу. Къ тому еще у меня до 200-хъ рублей долгу, который надобно будетъ уплатить, такъ что, какъ ни считай, а понадобится 500 р. с. Прошу тебя, милая моя Машенька, объ этомъ сообщить твоей маменькѣ и переговорить съ нею, дабы узнать, могу ли, въ случаѣ, если это предположеніе состоится, я надѣяться, что маменька мнѣ пособитъ — или лучше — будетъ ли она въ силахъ пособить.

---

[1]) Гасфорду, назначенному вмѣсто кн. Горчакова.

«Очень быть можетъ, что П(еровскій), узнавъ изъ письма моего мои обстоятельства, самъ предупредитъ мою нужду, что даже и вѣроятно, но это—авось. Очень быть можетъ и то, что при всемъ благорасположеніи П., коего доброту и благородство знаю, моя просьба не будетъ имѣть успѣха; но попытка не бѣда».

Еще до разрѣшенія «власовскаго дѣла», почти при самомъ началѣ его, Бриггену пришлось пострадать.

Можно сказать, что на него посыпались бѣды со всѣхъ сторонъ. Во-1-хъ, преданный суду, онъ былъ весьма дурно аттестованъ тобольскою администраціею въ вѣдомостяхъ, представлявшихся его императорскому величеству. Такъ, въ началѣ 1850 г. тобольскій губернаторъ Энгельке доносилъ, что Бриггенъ «склоненъ къ интригамъ и имѣетъ знакомство съ людьми нетрезваго поведенія». Во-2-хъ, эта неодобрительная въ поведеніи аттестація повела къ тому, что 24-го іюня 1850 г., по Высочайшему повелѣнію, онъ перемѣщенъ былъ изъ Кургана въ Туринскъ засѣдателемъ въ окружный судъ—«за неумѣстныя его званію сужденія и заносчивое поведеніе» [1]).

Послѣ очень продолжительнаго и скучнаго путешествія, онъ прибылъ въ Туринскъ 20-го іюля 1850 г. Хотя здѣсь онъ нашелъ нѣсколько добрыхъ людей и сошелся съ ними [2]), но Туринскъ по климату былъ хуже Кургана, да и въ другихъ отношеніяхъ представлялъ глушь, какъ Камчатка въ наше время [3]). Правда, служба здѣсь была спокойнѣе, чѣмъ въ Курганѣ, но жалованье малое. Поэтому нисколько неудивительно, что Александръ Ѳедоровичъ вскорѣ послѣ пріѣзда сюда началъ хлопотать о перемѣнѣ службы, а съ нею и Туринска на другое мѣсто.

Мы видѣли, что въ началѣ 1851 г. онъ мечталъ о переходѣ на службу въ Петропавловскую таможню; потомъ, вслѣдствіе назначенія Перовскаго генералъ-губернаторомъ въ Оренбургъ, у него мгновенно явилась мысль перебраться туда.

Всѣ эти мечтанія ясно показываютъ, насколько Бриггену надоѣла служба въ генералъ-губернаторствѣ Западной Сибири. Дѣйствительно, по его словамъ, въ 16-ти лѣтнее управленіе краемъ Горчакова, дѣла пришли къ такое разстройство, что новый генералъ-губернаторъ Гасфордъ и назначенный для ревизіи Западной Сибири генералъ-адъютантъ Анненковъ совершенно не знали, какъ все привести въ порядокъ. «Говорятъ,—пишетъ Бриггенъ въ томъ же письмѣ къ дочери,—будто для этого назначается особая коммиссія. Но гдѣ вдругъ взять людей, если

---

[1]) См. кн. г. Дм.-Мамонова, стр. 92.

[2]) См. письма Бриггена къ Оболенскому въ „Рус. Стар." 1901 г., № 2-й, стр. 437—438.

[3]) См. тамъ же, стр. 439.

прогнать всѣхъ старыхъ негодяевъ? Оставить же ихъ значитъ на старыхъ дрожжахъ заварить плохое пиво» [1]).

Ни одно изъ предположеній относительно перемѣны службы не осуществилось. Перовскій ничего не могъ сдѣлать для Александра Ѳедоровича, потому что самъ находился въ извѣстныхъ условіяхъ, не позволявшихъ предпринять такое щекотливое дѣло. (Письмо Бриггена къ дочери 12-го декабря 1852 г.). Тогда у него возникла новая мысль, которую онъ сообщилъ дочери: «вотъ въ чемъ дѣло. Я служу уже 4 года засѣдателемъ и желалъ бы очень поступить въ окружные судьи. Окру[жной] судья, который теперь здѣсь служитъ уже 12 лѣтъ, коллежскій совѣтникъ и желаетъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, перемѣщенія въ Тобо[льскъ] на высшую должность совѣтника. Все это совершенно зависитъ отъ нашего генералъ-губернатора, но ни онъ меня, ни я его, мы другъ друга не знаемъ, да, вѣроятно, никогда и не познакомимся, потому что едва-ли онъ когда пріѣдетъ въ мое захолустье. При этомъ онъ человѣкъ такой странный и отталкивающій отъ себя, что я никогда не рѣшился бы просить его о себѣ; но я увѣренъ, что нѣсколько строкъ Демьяна Вас[ильевича] къ нему уладили бы это дѣло, которое для генералъ-губернатора сущій вздоръ».

Онъ проситъ дочь писать Демьяну Васильевичу и подчеркнуть, что онъ желаетъ быть судьею «здѣсь, въ Т[уринскѣ], а не въ другомъ мѣстѣ, потому что этотъ судъ, гдѣ небольшое дѣлопроизводство», при его слабомъ здоровьѣ, ему по силамъ. При томъ мѣсто окружнаго судьи давало ему 1.200 р. жалованья.

Но и этотъ планъ не удался Бриггену, хотя послѣдній и самъ писалъ къ Гасфорду. Скоро Гасфорда смѣнилъ другой генералъ-губернаторъ, слѣдовательно, тотъ и не могъ ничего предпринять въ пользу просителя.

Потерпѣвъ неудачи и немного раздосадованный ими, Бриггенъ рѣшилъ проситься снова въ Курганъ. Съ этою цѣлью онъ 21-го января 1855 г. написалъ губернатору Арцымовичу и просилъ его сдѣлать представленіе о переводѣ своемъ на прежнее мѣсто. «На первомъ планѣ (пишетъ онъ 11-го февраля 1855 г. дочери), я поставилъ причиною климатъ Туринска, не подходящій къ моему здоровью, и то, что по этой же причинѣ меня перевели въ 1836 г., по Высочайшему повелѣнію, изъ Пелыма, находящагося въ томъ же округѣ, что и Туринскъ, въ Курганъ. Теперь ожидаю результата моего письма. Мнѣ сообщили, что начальникъ губерніи очень благосклоненъ ко мнѣ»...

Въ это время судьба снова благосклоннѣе взглянула на нашего фило-

---

[1]) Ср. то же выраженіе въ письмѣ его къ Оболенскому отъ 1-го іюня 1851 г. „Рус. Стар.“ 1901 г., № 2-й, стр. 439.

софа-идеалиста. По словамъ г. Дмитріева-Мамонова [1]), преслѣдованіе Бриггена за дѣятельность его по должности засѣдателя курганскаго окружнаго суда окончено было административнымъ взысканіемъ. Да и аттестація о его поведеніи была прекрасная.

Поэтому представленіе Арцымовича имѣло успѣхъ, и 22-го апрѣля 1855 г. Бриггенъ готовился къ отъѣзду изъ Туринска въ Курганъ.

Еще во время хлопотъ о переселеніи въ Курганъ, Александръ Ѳедоровичъ писалъ дочери (11-го февраля 1855 г.): «Первое, чего я желаю, это переѣзда въ Курганъ; потомъ, если будетъ возможно, — покинуть поскорѣе службу. Двѣсти восемьдесятъ рублей ничтожнаго жалованья, мною получаемаго,—вознагражденіе, очень незначительное за труды и непріятности, которымъ приходится подвергаться на этомъ поприщѣ. Кромѣ того, мои силы слабѣютъ и покидаютъ меня, ихъ не хватаетъ болѣе для работы»...

Дѣйствительно, Бриггенъ, вскорѣ по переѣздѣ въ Курганъ, началъ хлопотать объ увольненіи отъ службы. 29-го іюля 1856 г. онъ написалъ письмо кн. Орлову, на которое получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Съ особеннымъ удовольствіемъ поспѣшаю препроводить при семъ къ вамъ копію съ письма ко мнѣ шефа жандармовъ генералъ-адъютанта князя Долгорукова о всемилостивѣйшемъ соизволеніи на производство вамъ, въ случаѣ оставленія вами службы, ежегоднаго пожизненнаго пособія въ 285 р. сер.». Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ предполагалъ подать въ отставку [1]).

Въ началѣ сентября того же 1856 г. Бриггенъ узналъ о всемилостивѣйшемъ манифестѣ 26-го августа, коимъ возстановлялись права и свобода всѣхъ оставшихся въ живыхъ декабристовъ.

«Манифестъ для тебя собственно,—писалъ Бриггенъ 16-го сентября 1856 г. Е. П. Оболенскому,—равно какъ и для меня довольно незначителенъ; но для родителей, имѣющихъ дѣтей, онъ благодѣтеленъ. Возвращеніе потомственнаго дворянства для меня безполезно, потому что службою въ Сибири я заслужилъ себѣ дворянство личное».

V.

Не довольствуясь чтеніемъ текущихъ журналовъ и другихъ книгъ, не удовлетворяясь службою по необходимости, Александръ Ѳедоровичъ

---

[1]) См. цитир. соч. его, стр. 93.

[2]) См. письмо Бриггена къ Оболенскому. „Русская Стар.“ 1901 г., № 2, стр. 442.

нуждался въ такомъ трудѣ, который бы,—по словамъ Жуковскаго [1]),—былъ властителемъ настоящаго, заговаривалъ бы его печали, давалъ значительность и прочность его летучимъ радостямъ.

Такого рода захватывающій трудъ онъ нашелъ, занявшись переводомъ сочиненій Юлія Цезаря на русскій языкъ.

Началъ онъ переводъ 17-го января 1844 г., какъ самъ говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ дочери Маріи отъ 27-го января того же года. Я принялся за работу,—пишетъ онъ,—которая всецѣло меня заняла. Это переводъ Цезаря на русскій языкъ. Я началъ его 17-го января и уже дошелъ до 35 главы первой книги галльской войны, которая начинается слѣдующими словами: «His responsis ad Caesarem relatis».

Онъ обѣщаетъ дочери давать отчетъ въ письмахъ о ходѣ своей работы, потому что та, находясь въ деревнѣ, могла слѣдить по сочиненіямъ Цезаря на латинскомъ языкѣ, находившимся въ библіотекѣ Бриггена.

Въ томъ же письмѣ находимъ нѣкоторыя интересныя предположенія касательно перевода. «Переводъ,—пишетъ онъ,—который, по всей вѣроятности, закончится въ январѣ будущаго года, я намѣреваюсь посвятить Жуковскому, котораго вы любите, какъ поэта, а я, восхищаясь его геніемъ, люблю еще болѣе, какъ человѣка. Этотъ достойный человѣкъ дружбу оказывалъ мнѣ всегда, а участіе—въ послѣдній разъ, когда я видѣлъ его въ Курганѣ сопровождающаго наслѣдника. Моя работа, насколько могу судить о ней, какъ лицо заинтересованное, заслужитъ вниманіе. Я къ ней присоединю поясненія, что̀ увеличитъ достоинство перевода. Чудный геній Цезаря, благородный пылъ варваровъ дѣлаютъ эту работу столь привлекательной, что часто, во время перевода, глаза мои, противъ моей воли, увлажняются слезами. Часто мнѣ приходится преодолѣвать большія затрудненія не въ пониманіи латинскаго языка, на которомъ я пишу, какъ на французскомъ, а при передачѣ на русскій языкъ разсказа Цезаря безъ значительнаго уклоненія отъ подлинника».

Бриггенъ предавался работѣ надъ Цезаремъ съ увлеченіемъ въ ущербъ своему здоровью. Неудивительно поэтому, что переводъ подвигался быстро.

«Прошу васъ,—пишетъ онъ 11-го февраля того же 1844 г. дочерямъ Маріи и Анастасіи,—открыть вашего Цезаря вторую книгу въ концѣ и отмѣтить 33 главу, начинающуюся словами: «Sub vesperum Caesar portas», это пунктъ, до котораго я дошелъ».

Вмѣстѣ съ письмомъ къ дочерямъ онъ отправилъ письмо въ Петербургъ съ цѣлью узнать адресъ Жуковскаго, къ которому онъ намѣревался отослать для просмотра первую книгу перевода.

---

[1]) Сочиненія Жуковскаго. Изд. 7-е, т. VI, стр. 616.

«Я боюсь,—прибавляетъ Бриггенъ,—«что мой Minime [1]) не въ Петербургѣ, а путешествуетъ, посѣщаетъ иноземцевъ. Я вамъ серьезно признаюсь, что его отсутствіе меня сильно огорчитъ»...

Нуждаясь въ пособіяхъ для своей работы, онъ просилъ Марію прислать изъ его библіотеки въ Словутѣ слѣдующія книги: Цезарь, переведенный на французскій языкъ Тулонженомъ, въ двухъ небольшихъ томикахъ, и Кіевскій патерикъ или житіе кіевопечерскихъ угодниковъ, славянское сочиненіе, небольшой томъ.

Но прооьба эта очень долго не исполнялась. Извѣщая 5-го мая 1844 г. своихъ дочерей объ окончаніи перевода перваго тома Цезаря,—онъ писалъ:

«Съ нетерпѣніемъ ожидаю Тулонжена, котораго прошу у васъ три мѣсяца, между тѣмъ, онъ мнѣ необходимъ для военныхъ замѣтокъ и для сравненія... Ожидаю Тулонжена и прошу васъ, дорогая Марія, послать его мнѣ какъ можно скорѣе... Извѣстія ваши о Патерикѣ моемъ не особенно пріятны. Я привязанъ къ своимъ книгамъ и не желалъ бы видѣть ихъ похищенными, даже если бы кража совершена была изъ привязанности къ нимъ»...

Оставалось къ первому тому сдѣлать примѣчанія, но неожиданная тяжкая болѣзнь прервала работу почти на мѣсяцъ. Лѣтомъ 1844 г. въ Курганѣ свирѣпствовала лихорадка. Бриггенъ вмѣстѣ со многими жителями перенесъ ее, но оправлялся медленно. Только въ концѣ августа онъ могъ приняться за продолженіе своего перевода.

«Освободившись, наконецъ, отъ болѣзни,—пишетъ онъ 25-го августа 1844 года,—я хочу начать свою работу, надолго прерванную противъ моего желанія. Теперь я занятъ приведеніемъ въ порядокъ примѣчаній къ первому тому. Около половины работы уже окончено; остальное надѣюсь докончить въ двѣ недѣли, чтобы начать переводъ втораго тома, который желаю окончить къ февралю. Длинные зимніе вечера будутъ кстати и помогутъ подвинуть впередъ мою работу... Бывшій дворянинъ, офицеръ польской арміи, очень почтенный человѣкъ, здѣсь находящійся, былъ настолько любезенъ, что сдѣлалъ для меня копію съ карты Галліи, равно нѣсколько необходимыхъ плановъ, чтобы сдѣлать болѣе доступными описанія Цезаря. Отъ этого переводъ будетъ болѣе цѣннымъ»...

Къ тому же времени онъ уже получилъ отъ одного изъ родственниковъ Тулонжена и, сравнивъ свой переводъ съ французскимъ, остался доволенъ своею работою.

«Я болѣе чѣмъ въ одномъ мѣстѣ,—пишетъ онъ 10-го августа 1844 г.

---

[1]) Слово написано неразборчиво, но съ большой буквы. Я читаю minime, т. е. францисканскій монахъ.

дочери Маріи, восклицаю:—«Какъ великіе умы сходятся!» Къ счастью, меня никто не слышитъ».

27-го января 1845 г. Александръ Ѳедоровичъ окончилъ первый томъ Цезаря, начатый 17-го января предыдущаго года. Если вычесть три мѣсяца задержки, происшедшей по болѣзни, то Бриггенъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ исписалъ болѣе тысячи листовъ своею рукою. Переписать набѣло онъ уже не могъ самъ, потому что и почеркъ имѣлъ несовсѣмъ красивый, и здоровье не позволяло заняться такимъ малопривлекательнымъ трудомъ. Онъ нашелъ одного молодаго человѣка, который переписывалъ переводъ при немъ, что̀ давало возможность просматривать и исправлять рукопись.

По поводу окончанія перевода перваго тома, Бриггенъ писалъ дочери Маріи 15-го марта 1845 г. слѣдующее:

«Черезъ пятнадцать дней я отправлю письмо вашему любимому поэту (т. е. Жуковскому), хотя имѣлъ намѣреніе сдѣлать это 1-го марта. Двѣ трети перваго тома уже переписаны набѣло, и я доволенъ молодымъ человѣкомъ, взявшимъ на себя эту работу: онъ исполнилъ ее хорошо. Я прошу васъ, моя дорогая Марія, по этому случаю напомнить вашей мамашѣ просьбу, съ которой я къ ней обращался,—послать мнѣ четыре аршина хорошаго голубаго сукна и 50 рублей, чтобы предложить ихъ, какъ доказательство моей признательности, моему сотруднику».

Дѣйствительно, 6-го апрѣля 1845 г. А. Ѳ. Бриггенъ написалъ письмо В. А. Жуковскому, на которое послѣдній отвѣчалъ 18-го іюня того же года [1]).

Поэтъ благодарилъ за посвященіе перевода Цезаря ему, одобрялъ мысль Бриггена переводить писателей древности на русскій языкъ и не предполагалъ, чтобы къ напечатанію перевода встрѣтились какія-либо препятствія. Въ этомъ же письмѣ Жуковскій увѣдомилъ Бриггена, что одинъ изъ его короткихъ пріятелей рѣшилъ издавать классическія сочиненія, что за переводъ Цезаря предлагаетъ ему 2.500 руб. ассигнаціями. Мало того, онъ намѣчалъ для Бриггена новые переводы: или переводъ одного изъ классическихъ историковъ древности, или составленіе избранной библіотеки изъ древнихъ историковъ.

Переводъ Бриггена, по высочайшему соизволенію, дозволено было печатать, но безъ означенія его имени и съ условіемъ прислать рукопись перевода въ III отдѣленіе Канцеляріи его императорскаго величества для пересылки ея къ Жуковскому.

Выразивъ въ письмѣ къ дочери Маріи отъ 7-го сентября 1845 года свое удовольствіе по поводу отвѣта Жуковскаго, Бриггенъ пишетъ: «Я получилъ отъ императора позволеніе напечатать моего Цезаря, но съ

[1]) См. сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 614—618.

условіемъ, чтобы мое имя не стояло на заглавномъ листѣ сочиненія. Это предписаніе доставило мнѣ удовольствіе, потому что я чувствую себя столь ничтожнымъ рядомъ съ этимъ колоссомъ древности, что съ поспѣшностью ухватился за это предписаніе, которое вычеркиваетъ мое имя». Что позволеніе печатать переводъ Цезаря и письмо Жуковскаго сильно обрадовали Александра Ѳедоровича, это видно изъ приписки къ вышеназванному письму его, въ которой онъ говоритъ слѣдующее о своихъ литературныхъ способностяхъ: «Если бы состояніе моего здоровья было немного лучше, и я имѣлъ руки немного свободнѣе, то перо мое могло бы меня прославить; но, къ несчастью, эти два е с л и б ы разрушаютъ все. При моемъ независимомъ характерѣ я предпочту работу самую трудную жизни праздной, которая ставитъ меня, въ смыслѣ средствъ къ существованію, въ зависимость отъ другихъ, будь это самыя любимыя лица, за недостатокъ деликатности со стороны которыхъ я не могу опасаться»...

По полученіи перваго тома перевода Бриггена, Василій Андреевичъ Жуковскій написалъ переводчику длинное полное похвалъ письмо 1-го іюня 1846 [1]).

Получивъ его, Александръ Ѳедоровичъ писалъ дочери Маріи 19-го іюля 1846 года: «Его (Жуковскаго) письмо, самое любезное, самое очаровательное, состоитъ изъ семи страницъ... Я ему предложилъ перевести Гиббона или Саллюстія; онъ предпочелъ Саллюстія, потому что Гиббонъ многотоменъ [2]), да онъ и не любитъ его за его направленіе, какъ говоритъ, анти-религіозное, а по-моему, анти-іерархическое. Я принимаюсь за переводъ Саллюстія, а потому прошу васъ, дорогая Марія, поскорѣе побывать въ моей библіотекѣ, передать ей мой привѣтъ и попросить у нея позволенія взять два тома Саллюстія: 1 томъ изъ коллекціи Лемера и 1 томъ Саллюстія, переведеннаго на французскій языкъ Дюро-де-Самалю. Присоедините къ этимъ двумъ томамъ Кіевскій патерикъ, такъ что съ 4-мя тонкими томами Давозати (если вы его еще не отправили) будетъ посылка незначительная».

Слѣдуетъ нѣсколько вернуться назадъ и сказать, что 29-го января 1846 года Бриггенъ отослалъ Жуковскому и второй томъ Цезаря.

Второй томъ былъ оконченъ къ 30-го ноября 1845 года; въ январѣ 1846 г. онъ привелъ его въ порядокъ и отослалъ въ Петербургъ.

Но печатаніе перевода Бриггена затянулось. Дѣло въ томъ, что еще въ письмѣ отъ 18-го іюня 1845 года В. А. Жуковскій сообщилъ Александру Ѳедоровичу, что къ печатанію его перевода возможно будетъ приступить только тогда, когда Жуковскій возвратится изъ-за границы

---

[1]) См. сочиненія Жуковскаго, изд. 7-ое, т. VI стр., 618—622.

[2]) 14 томовъ in 8^0.

въ Петербургъ. Но поѣздка эта откладывалась изъ года въ годъ, и Жуковскому не удалось увидѣть уже при жизни русскую столицу. Тѣмъ не менѣе, въ письмахъ своихъ къ А. Ѳ. Бриггену онъ не переставалъ побуждать его къ новымъ переводамъ. Такъ, въ письмѣ отъ 6-го мая 1847 года онъ указываетъ письма І. Миллера къ Бонстеттену. По поводу этого письма Бриггенъ пишетъ дочери 20-го іюня 1847 года: «Василій Андреевичъ разсчитываетъ прибыть въ Петербургъ къ концу іюля; но онъ пріѣдетъ для того, чтобы снова вскорѣ уѣхать за границу вслѣдствіе болѣзни жены. Я просилъ его прислать мнѣ нѣкоторыя книги для моей работы и васъ также прошу, мое дорогое дитя, порыться въ моей библіотекѣ, чтобы достать оттуда: во-1-хъ, четвертый томъ собранія сочиненій Иммануила Конта [три первые съ давнихъ поръ лежатъ на моемъ столикѣ въ Курганѣ]; во-2-хъ, маленькую брошюру въ голубой бумагѣ, подъ заглавіемъ: «Іоаннъ Мюллеръ, историкъ героевъ»; въ-3-хъ, другую маленькую книжку въ голубой бумагѣ «Eginhardi Vita Caroli Magni»; въ-4-хъ, І. Мюллера письма къ Бонстеттену, два тома изъ 27 томовъ сочиненій І. Мюллера. Жуковскій предложилъ мнѣ перевести эти письма (они очаровательны), и я принялъ его предложеніе, но отложилъ его до тѣхъ поръ, пока будутъ присланы всѣ 27 томовъ. Перечень значительный, но не бойтесь, моя дорогая Машенька, посылка не будетъ тяжеле 4—5 фунтовъ. Не присылайте мнѣ всѣ 27 томовъ Мюллера: мнѣ нужны только два вышеупомянутые тома».

Окончилъ ли Бриггенъ переводы Саллюстія и писемъ Миллера къ Бонстеттену, не можемъ сказать, потому что въ письмахъ его послѣ 1847 года нѣтъ ни малѣйшаго намека на литературныя занятія.

Весьма возможно, что непріятности по службѣ и переѣздъ въ Туринскъ—все это по неволѣ отвлекло Бриггена отъ литературныхъ работъ, а когда невзгоды окончились, то не было въ живыхъ того, кому нашъ декабристъ посвятилъ свой первый литературный трудъ. Желательно было бы знать отъ людей, занимавшихся изученіемъ нашей переводной литературы 40—50-хъ годовъ, появился ли въ печати въ 1849 году. безымянный переводъ сочиненій Юлія Цезаря, посвященный имени того поэта, пятидесятилѣтіе со дня кончины котораго Россія праздновала 12-го апрѣля истекшаго года [1]).

Мы окончили свою задачу. По высочайшему манифесту государя Александра II-го Бриггенъ получилъ прощеніе и возвратился на родину, хотя старикомъ, но сохранившимъ «дней молодыхъ прекрасныя мечты».

С. Н. Брайловскій.

---

[1]) Переводъ этотъ хранится въ рукописи въ Императорской Публичной библіотекѣ.—См. «Русскую Старину» 1902 г., № 4, стр. 119. Ред.

Объявленіе князя П. Шаликова объ изданіи имъ «Московскаго Зрителя» [1]).

Съ января мѣсяца 1806 года я буду издавать журналъ подъ названіемъ: «Московскій Зритель». Въ семъ журналѣ будетъ словесность русская и иностранная, отрывки, повѣсти, анекдоты, басни, стихи. Хорошій вкусъ и чистота слога, тонкая разборчивость литераторовъ и нѣжное чувство женщинъ будутъ однимъ изъ главныхъ предметовъ моего вниманія. Будетъ статья и для критики. Не брань, но критика здравая и безпристрастная должна быть въ журналѣ такого рода непремѣнно. Она служитъ свѣтильникомъ въ путяхъ искусства, занимаетъ читателя, еще болѣе артиста, и научаетъ самого критика: польза важная и неоспоримая! Иногда журналъ будетъ заключаться смѣсью.

---

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1806 г. № 1, стр. 11.

Рѣчь В. А. Панаева на юбилейномъ обѣдѣ въ честь Д. В. Григоровича.

31-го октября 1893 года.

Господа! я нахожу нужнымъ обратить ваше вниманіе на нѣкоторую неопредѣленность взглядовъ, которая существуетъ въ извѣстномъ кругѣ общества относительно той роли, какая выпала на долю Дмитрія Васильевича въ исторіи освобожденія крестьянъ.

Я знаю Дмитрія Васильевича 47 лѣтъ, и въ моей памяти совершенно свѣжи тѣ впечатлѣнія, которыя производили въ обществѣ его произведенія изъ крестьянскаго быта.

Тогда всѣ поразились небывалымъ до сихъ поръ родомъ литературы, имъ избраннымъ.

Одни—и это было большинство—относились къ произведеніямъ Дмитрія Васильевича чрезвычайно симпатично.

Другіе,—составлявшіе меньшинство,—среди которыхъ встрѣчались и литераторы,—находили, что общество не можетъ интересоваться литературой, рисующей жизнь простолюдиновъ.

Но Дмитрій Васильевичъ упорно шелъ по пути, имъ начертанному и имъ первымъ проложенному.

Общество пристально читало его произведенія, и надо замѣтить, что они особенно нравились женщинамъ.

А кто же, господа! можетъ сомнѣваться въ томъ, что женщина, вообще, играетъ большую роль въ умственномъ нашемъ развитіи.

— Tiens, tiens! Mais c'est beau; nous ne savions pas du tout, que ces pauvres gens-la éprouvent les mêmes sentiments que nous autres.

Такіе-то, или имъ подобные, отзывы мы постоянно слышали отъ дамъ.

И вотъ, мы, строгіе судьи, удивились, что произведенія Д. В. могутъ нравиться женщинамъ, и стали глядѣть на эти произведенія болѣе внимательно.

Конечно, интеллигентный классъ общества имѣлъ нѣкоторыя смутныя понятія о бытѣ простаго народа, но о психической сторонѣ ихъ жизни рѣшительно никто не имѣлъ никакого представленія.

И вотъ, Дмитрій Васильевичъ рисуетъ передъ нами не маленькіе эпизодическіе пейзажи, а огромныя картины, въ которыхъ мы увидали, что между простолюдинами совершаются романы и драмы, совершенно подобные тѣмъ, какіе совершаются и въ образованной средѣ.

Коротко говоря, общество знакомилось тогда, впервые, съ бытомъ крестьянъ, не только съ матеріальной стороны, но, главнымъ образомъ, съ духовной ихъ жизнью.

Я упираю именно на этотъ характеръ произведеній Д. В. Конечно, каждый, болѣе или менѣе, внимательный наблюдатель могъ бы рисовать картины матеріальныхъ условій быта крестьянъ; но Григоровичъ не остановился на этомъ: онъ пошелъ въ глубь; онъ крѣпко полюбилъ простолюдина и развернулъ передъ нами его душу. Честь ему за это и слава!

Произведенія его стали читаться съ жадностью, и едва-ли находился, въ то время, хотя одинъ мало-мальски образованный человѣкъ, который не знакомился съ ними.

Здѣсь я нѣсколько пріостановлюсь и обращу вниманіе присутствующихъ на иную сферу.

Теперь никто не можетъ уже сомнѣваться въ томъ, что императоръ Николай Павловичъ постоянно мыслилъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія.

Въ виду этого, онъ учреждаетъ новое министерство государственныхъ имуществъ, которому ввѣряетъ участь 22-хъ-милліоннаго населенія, и ставитъ во главѣ наиумнѣйшаго и наиобразованнѣйшаго человѣка, душою преданнаго идеѣ уничтоженія крѣпостнаго помѣщичьяго права, и, въ то же время, истинно-государственнаго мужа—графа Киселева.

Первымъ дѣломъ графа Киселева было—организовать, среди 22-хъ-милліоннаго населенія, самоуправленіе.

Здѣсь, конечно, есть современники этой эпохи, но я не знаю, были ли они знакомы съ порядками тогдашняго самоуправленія въ средѣ крестьянъ государственныхъ имуществъ. Между тѣмъ, старички-крестьяне и до сихъ поръ вспоминаютъ объ этомъ времени.

По моей дѣятельности, мнѣ постоянно приходилось бывать въ сношеніяхъ съ массами крестьянскаго люда и безпрерывно сталкиваться съ тогдашнимъ самоуправленіемъ. По совѣсти могу сказать, что есть чему позавидовать нынѣ, если сравнить теперешній порядокъ само-

управленія съ тѣмъ, какой былъ введенъ графомъ Киселевымъ между государственными крестьянами, на что онъ и обращалъ главное свое вниманіе.

Затѣмъ, графъ Киселевъ, направляя все къ реформѣ крестьянскаго быта, предпринялъ гигантскій трудъ кадастра, который, къ великому сожалѣнію, прекратился съ его уходомъ изъ министерства.

Я сдѣлалъ отступленіе для того, чтобы пояснить, что правительство бдительно подготовляло почву для уничтоженія крѣпостной зависимости, и если медлило и высматривало, то потому, что не имѣло еще наглядныхъ указаній на то, какъ отнесется общество къ гигантской мѣрѣ освобожденія крестьянъ?

Вотъ, въ это-то время, и стали появляться романы и повѣсти Д. В. Григоровича изъ крестьянскаго быта, и впечатлѣнія, ими производимыя на общество, сильно и серьезно содѣйствовали уясненію даннаго вопроса правительству.

Для характеристики подготовленія означенной почвы, здѣсь будетъ у мѣста упомянуть объ одномъ знаменательномъ фактѣ, быть можетъ, многими забытомъ, или многимъ вовсе неизвѣстномъ.

Въ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, былъ извѣстный литераторъ, графъ Сологубъ, человѣкъ очень талантливый и очень образованный. Служа при дворѣ, онъ, какъ извѣстный литераторъ и превосходный чтецъ, приглашался къ покойной императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, для чтенія литературныхъ произведеній.

Вотъ, что передавалъ графъ Сологубъ всюду въ обществѣ,—и я слыхалъ это отъ него, лично, нѣсколько разъ—а именно,—«что, при чтеніи имъ романовъ и повѣстей Д. В. императрицѣ, она нерѣдко проливала слезы».

Понятно, сегодня графъ Сологубъ прочтетъ императрицѣ что-либо, изъ произведеній Григоровича, а завтра знаетъ объ этомъ весь высшій кругъ, и знаетъ тоже, какъ именно отнеслась императрица къ этому чтенію.

Поэтому, если кто-нибудь, почему-либо, не читалъ твореній Д. В., то, конечно, спѣшилъ немедленно прочесть ихъ.

Такимъ-то путемъ, а равно и разными другими путями распространялись, во вліятельномъ обществѣ, вѣрныя понятія о крестьянскомъ бытѣ.

Въ настоящее время, болѣе или менѣе, тоже не секретъ, что покойный императоръ Николай Павловичъ завѣщалъ своему державному преемнику исполнить то, что, по разнымъ обстоятельствамъ, онъ не успѣлъ исполнить самъ при жизни, т. е. свершить освобожденіе крестьянъ, о житьѣ-бытьѣ которыхъ проливала слезы его царственная супруга.

При всемъ моемъ глубокомъ уваженіи въ величайшему нашему художнику, покойному Ивану Сергѣевичу Тургеневу, чувство справедливости требуетъ признать за Дмитріемъ Васильевичемъ первенство,— какъ въ зарожденіи въ немъ идеи, такъ и въ серьезномъ выполненіи задачи ознакомленія общества съ духовнымъ и матеріальнымъ бытомъ крестьянъ, путемъ вѣрныхъ и сердечно-прочувствованныхъ беллетристическихъ твореній.

Пусть безпристрастный наблюдатель прослѣдитъ ходъ и характеръ литературы тогдашнихъ временъ, и онъ не будетъ въ состояніи отвергнуть факты и выведеннаго изъ нихъ мною опредѣленнаго взгляда.

И такъ, пью за здоровье смѣлаго и упорнаго піонера въ раскрытіи обществу психической жизни нашего простолюдина.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

VI [1]).

Назначеніе графа Уварова сначала управляющимъ, а потомъ министромъ народнаго просвѣщенія.—Его циркуляръ и отношенія къ печати. — Викторъ Гюго и его Лукреція Боржіа.—Просьба Смирдина о разрѣшеніи ему издавать журналъ „Библіотеку для чтенія“. — Отношенія графа Уварова къ журналистикѣ вообще. — Неблаговоленіе къ Н. Полевому. — Запрещеніе журнала „Московскій Телеграфъ“. — Появленіе философическихъ писемъ Чаадаева.— Запрещеніе „Телескопа“.—Просьба о разрѣшеніи новыхъ газетъ и журналовъ.

Князь Ливенъ былъ уволенъ въ отставку по разстроенному здоровью, и мѣсто его занялъ тайный совѣтникъ Уваровъ.

Еще во время управленія министерствомъ князя Ливена, Уваровъ началъ заявлять о себѣ понужденіями цензурѣ, шедшими въ уровень съ тѣмъ настроеніемъ, которое было возбуждено политическими событіями во Франціи, Бельгіи и Польшѣ. Въ маѣ 1831 года онъ предложилъ главному управленію цензуры (котораго былъ членомъ въ качествѣ товарища министра народнаго просвѣщенія) усилить надзоръ за журналами, «при нынѣшнихъ», какъ онъ говорилъ, обстоятельствахъ въ Европѣ и Россіи.

Въ слѣдующемъ году, въ засѣданіи 27-го іюня, Уваровъ указывалъ главному управленію цензуры на объявляемые, во множествѣ, въ повременныхъ изданіяхъ, переводы новѣйшихъ французскихъ романовъ. «Поспѣшность, съ какою стараются, — писалъ онъ, — издавать на русскомъ языкѣ эти произведенія, служитъ признакомъ пробуждающейся наклон-

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1903 г.

ности къ чтенію этого рода сочиненій, которыя, по господствующему въ нихъ духу и по ложнымъ нравственнымъ понятіямъ бо̀льшей части новѣйшихъ французскихъ романистовъ, не могутъ доставлять полезнаго общенароднаго чтенія. Содержа въ себѣ предпочтительно изображенія слабой стороны человѣческой натуры, нравственнаго безобразія, необузданности страстей, сильныхъ пороковъ и преступленій, эти романы не иначе должны дѣйствовать на читателей, какъ ко вреду моральнаго чувства и религіозныхъ понятій». Вслѣдствіе того Уваровъ признавалъ необходимымъ «принять мѣры къ положенію преградъ распространенію между народомъ вкуса къ чтенію этого рода».

Главное управленіе опредѣлило подтвердить цензурнымъ комитетамъ о точнѣйшемъ исполненіи возлагаемой § 80-мъ цензурнаго устава обязанности разсматривать романы съ бо̀льшею противъ иныхъ книгъ строгостью въ отношеніи къ нравственности ихъ содержанія, и обращая, въ силу § 6-го, особенное вниманіе на господствующій духъ и на намѣренія авторовъ, не одобрять къ напечатанію переводы тѣхъ изъ новѣйшихъ французскихъ романовъ, которые производятъ вредное общее впечатлѣніе на читателей.

Вслѣдъ за тѣмъ Уваровъ, въ бытность свою, по высочайшему повелѣнію, въ Москвѣ, въ декабрѣ 1832 г., строго предписалъ Московскому цензурному комитету, чтобы въ критикѣ не допускались никакія личности; вслѣдствіе чего тутъ же запрещена была полемическая статья Надеждина противъ романовъ Свиньина и Полеваго. Тщетно Надеждинъ старался доказать, что статья его не заключаетъ въ себѣ ничего личнаго, никакого оскорбленія чьей бы то ни было чести, и что его, въ послѣднее время, до того стѣсняютъ, что цензура не только останавливаетъ всѣ разборы и замѣчанія объ изданіяхъ и сочиненіяхъ Полеваго, издателя «Телеграфа», но даже не одобряетъ къ напечатанію въ «Телескопѣ» (журналѣ, издававшемся имъ, Надеждинымъ) даже имени Полеваго.

22-го марта 1833 года, т. е. спустя нѣсколько дней послѣ занятія должности министра народнаго просвѣщенія, Уваровъ обратился къ цензурнымъ комитетамъ съ слѣдующимъ циркуляромъ: «Вступивъ, по высочайшему государя императора соизволенію, въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, нахожу нужнымъ поставить цензурнымъ комитетамъ на видъ, чтобъ въ дѣйствіяхъ своихъ они неуклонно слѣдовали какъ высочайше утвержденному уставу о цензурѣ, такъ и всѣмъ предписаніямъ и распоряженіямъ, которыя даны послѣ обнародованія устава. На издаваемыя у насъ книги, и преимущественно на повременныя сочиненія, буду я обращать постоянное вниманіе. Я желаю, чтобъ не только по содержанію и духу своему сіи изданія не заключали въ себѣ ничего несообразнаго съ цензурными правилами, но чтобъ тонъ

оныхъ и изложеніе соотвѣтствовали, по возможности, требованіямъ приличія и благопристойности, дабы возвысить и облагородить сію отрасль нашей словесности.

«Для сего предлагаю гг. цензорамъ сообразоваться, при разсматриваніи журналовъ, съ тѣми наставленіями, какія даны имъ мною въ личныхъ моихъ объясненіяхъ. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ предоставляется цензорамъ право испрашивать надлежащихъ разрѣшеній отъ главнаго управленія цензуры». При этомъ, въ циркулярѣ на имя Петербургскаго цензурнаго комитета было еще прибавлено: «А въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, испрашивать разрѣшенія непосредственно отъ меня».

Второе дѣло, на которое обратилъ вниманіе Уваровъ, была драма Виктора Гюго, «Lucrèce Borgia», производившая въ то время очень много шума въ Европѣ. Эта драма появилась въ 5-й книжкѣ «Revue étrangère» за 1833 г. (пропущенной въ печать цензоромъ Сенковскимъ), и Уваровъ, узнавъ о томъ частнымъ образомъ, еще прежде выпуска нумера изъ типографіи, 22-го марта писалъ графу Бенкендорфу [1]):

«Книгопродавецъ Дюфуръ, издатель журнала «Revue étrangère», объявилъ мнѣ, что послѣдній № онаго, заключающій театральную пьесу «Lucrèce Borgia», былъ разсмотрѣнъ цензурою III-го отдѣленія и ею одобренъ. Благоволите, милостивый государь, увѣдомить меня, есть ли сіе показаніе Дюфура основательно, ибо я нахожу нѣсколько затрудненія въ изданіи сей пьесы, по крайней мѣрѣ безъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, и желалъ бы въ семъ случаѣ руководствоваться мнѣніемъ вашего сіятельства».

Графъ Бенкендорфъ отвѣчалъ, что «цензура III-го отдѣленія не разсматривала и не одобряла упомянутой театральной пьесы, имѣя обязанность разсматривать тѣ только, которыя назначаются къ представленію на сценѣ, а что онъ самъ, прочтя пьесу «нашелъ все содержаніе оной предосудительнымъ». Послѣ такого отзыва, Уваровъ, велѣвъ отобрать изъ типографіи и уничтожить весь № 5 «Revue étrangère», предоставилъ Дюфуру взыскивать убытки съ цензора Сенковскаго, а цензурнымъ комитетамъ предписалъ не дозволять ни перепечатанія означенной пьесы на французскомъ языкѣ, ни помѣщенія отрывковъ и выписокъ изъ нея въ переводѣ.

Но гоненіе на Виктора Гюго этимъ со стороны Уварова не ограничилось. Онъ прочиталъ въ книгопродавческихъ объявленіяхъ, что въ Одессѣ приготовляется къ изданію переводъ романа того же автора: «Бюгъ-Жаргаль» и, не удовольствуясь тѣмъ, что объ этомъ романѣ уже

[1]) Черновое письмо все писано рукою гр. Уварова.

было общее предписаніе еще въ сентябрѣ 1831 года, поспѣшилъ послать 24-го марта 1833 г. новое подтвержденіе Одесскому цензурному комитету. Тотъ отвѣчалъ, что романъ до сихъ поръ вовсе и не вносился въ комитетъ, объявленіе же въ вѣдомостяхъ о поступленіи его въ печать произошло, вѣроятно, отъ поспѣшности переводчиковъ, которые, часто имѣя одно только намѣреніе перевести какое-нибудь сочиненіе, объявляютъ, что переводъ уже оконченъ и поступилъ въ печать; впрочемъ же комитетъ, руководствуясь духомъ предписанія главнаго управленія цензуры отъ 11-го іюля 1831 г. (объ усиленіи строгости къ переводнымъ романамъ) и самъ бы не одобрилъ «Бюгъ-Жаргаля» въ переводѣ, по предосудительному его содержанію.

Въ это время книгопродавецъ Смирдинъ вошелъ съ просьбою разрѣшить ему изданіе новаго журнала: «Библіотека для чтенія».

Въ прошеніи о томъ, поданномъ на имя Петербургскаго цензурнаго комитета и содержавшемъ въ себѣ критическую характеристику и оцѣнку существовавшихъ дотолѣ русскихъ журналовъ, Смирдинъ говорилъ: «Долговременное наблюденіе и торговый опытъ удостовѣрили меня, что главную причину какъ посредственности отечественныхъ литературныхъ повременныхъ изданій, такъ и непрочности ихъ существованія, слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что, до сихъ поръ, они обыкновенно предпринимались отдѣльными лицами, основывавшими разсчеты свои въ успѣхѣ болѣе на собственномъ своемъ трудолюбіи, чѣмъ на правильномъ содѣйствіи достаточнаго числа постоянныхъ и извѣстныхъ въ ученомъ свѣтѣ сотрудниковъ, и предпринимались безъ нужныхъ денежныхъ средствъ къ упроченію своего быта и къ пріобрѣтенію важныхъ матеріаловъ и къ приличному вознагражденію хорошихъ писателей за труды, коими сіи послѣдніе могли бы украшать подобныя изданія и поддерживать ихъ славу. Посему многіе журналы, тѣ даже, коимъ сначала удавалось быстро возвыситься на степень нѣкоторой извѣстности посредствомъ своего слога или счастливаго выбора предметовъ, скоро потомъ столь же быстро клонились къ упадку и, наконецъ, находились въ невозможности удовлетворить обязанностямъ подписки, что̀ равномѣрно вредило и словесности, и пользамъ читателей, и оборотамъ книжной торговли. Въ такомъ случаѣ, чтобъ оживить свое существованіе и разбудить любопытство публики, они бо̀льшею частью принуждены бывали прибѣгать къ самому крайнему средству заслуженія извѣстности: къ рѣзкости сужденій, къ наступательной войнѣ съ цѣлымъ литературнымъ міромъ и къ бранчивой полемикѣ. Но однимъ изъ ощутительнѣйшихъ и истинно прискорбныхъ послѣдствій сего порядка вещей было то, что, несмотря на довольно значительное число весьма хорошихъ литераторовъ и на щедрость, съ какою наша публика всегда готова была

платить за ихъ произведенія, до сихъ поръ ни одинъ изъ русскихъ литературныхъ журналовъ не могъ выдержать сравненія даже со второстепенными сего рода изданіями за границей.

«Проникнутый сими уваженіями и побуждаясь чувствомъ усердія къ ученой славѣ нашего любезнаго отечества, я рѣшился употребить весьма значительный капиталъ на соединеніе, въ одной книгѣ, самаго большаго числа талантовъ, пользующихся лестною извѣстностью на поприщѣ словесности, наукъ и художествъ, съ тѣмъ, чтобы при ихъ содѣйствіи основать такое повременное сочиненіе, которое, по содержанію и внутреннему своему достоинству, по своей важности и благородству духа отнюдь не уступало бы лучшимъ въ томъ же родѣ иностраннымъ журналамъ, и при томъ осталось бы на будущее время памятникомъ настоящаго періода русской литературы и того блистательнаго покровительства, котораго высочайшій изъ монарховъ столь благосклонно ее удостоиваетъ. Имена знаменитыхъ писателей, соглашающихся дѣятельно въ немъ участвовать, представляютъ, кажется, достаточное обезпеченіе сему предначертанію пламеннаго моего желанія быть полезнымъ просвѣщенію. Я желаю дать ему названіе моего литературнаго заведенія, существующаго въ Петербургѣ, подъ именемъ «Библіотеки для чтенія», при которомъ оно будетъ издаваться».

Болѣе полугода цензурное управленіе оставляло эту просьбу безъ окончательнаго разрѣшенія, но въ поднесенномъ, наконецъ, всеподданнѣйшемъ докладѣ выразилось въ пользу предпріятія Смирдина въ такомъ смыслѣ, что имена лучшихъ писателей, соглашающихся принимать участіе въ составленіи помянутаго журнала, и извѣстность полезными изданіями книгопродавца Смирдина служатъ достаточнымъ удостовѣреніемъ въ благонадежности предполагаемаго имъ періодическаго сочиненія. Это ходатайство оказалось столь сильнымъ, и программа Смирдина столь удовлетворительною, что, несмотря на трудность, съ которою императоръ Николай разрѣшалъ открытіе новыхъ журналовъ, 10-го іюля послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція: «Согласенъ; вообще желательно, чтобъ обѣщаніе не подражать другимъ журналамъ подлою бранью было сдержано».

Послѣднія слова относились, безъ сомнѣнія, къ слѣдующимъ словамъ программы: «Библіотека для чтенія», какъ журналъ, имѣющій въ виду одну лишь общую пользу читателей, остается совершенно чуждымъ всякаго духа партій и не принадлежитъ ни къ какому исключительному ученію литературному. Всѣ благонамѣренныя и прилично изложенныя мнѣнія найдутъ въ ней открытое для себя поприще. Для сохраненія важности, приличной изданію, поочередно украшаемому всѣми знаменитыми въ словесности именами, «Библіотека для чтенія»

не входитъ ни въ какіе журнальные споры, не принимаетъ никакихъ антикритикъ и не отвѣчаетъ ни на какія выходки и брани».

Извѣстно, впрочемъ, что впослѣдствіи журналъ Смирдина не сдержалъ большинство высказанныхъ обѣщаній, и хотя, дѣйствительно, не печаталъ антикритикъ, но за то былъ обуреваемъ еще больше другихъ духомъ партій и полонъ бранныхъ и позорящихъ выходокъ.

Между тѣмъ, получивъ упомянутую высочайшую резолюцію, Уваровъ предписалъ Петербургскому цензурному комитету (12-го іюля 1833 г.) поставить на видъ цензору, назначенному разсматривать «Библіотеку для чтенія», всю лежащую на немъ обязанность наблюдать за сохраненіемъ приличій и благороднаго тона, особливо въ критическихъ статьяхъ новаго журнала. «При семъ случаѣ,—говорилъ министръ,—почитаю нужнымъ возобновить комитету прежде сдѣланное уже мною предписаніе о недозволеніи въ періодическихъ изданіяхъ никакихъ полемическихъ статей, которыя подаютъ поводъ къ критикамъ и антикритикамъ и возбуждаютъ литературныя ненависти, столь для самой литературы вредныя».

Вслѣдъ за тѣмъ, чтобы предотвратить всѣ возможныя случайности, неблагопріятныя для цензурнаго дѣла, главное управленіе опредѣлило (27-го марта 1833 г.) предписать цензурнымъ комитетамъ, чтобъ каждый изъ нихъ давалъ знать прочимъ о запрещаемыхъ имъ рукописяхъ, дабы таковыя, бывъ перенесены сочинителемъ или издателемъ изъ одного комитета въ другой, не могли быть одобрены къ печатанію. Московскому цензурному комитету, въ его усердной ревности, показалось и этого мало: ему представлялось, что все-таки остаются еще незамкнутыя двери, полезныя для сочинителей и издателей, въ лицѣ отдѣльныхъ цензоровъ, и онъ вслѣдствіе того просилъ (въ сентябрѣ 1833 г.) предписанія, чтобъ цензурные комитеты сообщали о своихъ запрещеніяхъ не только одинъ другому, но еще и всѣмъ отдѣльнымъ цензорамъ. Главное управленіе 9-го октября 1833 г. утвердило его представленіе.

Не ограничиваясь исключительно только журналами обѣихъ столицъ, гр. Уваровъ обращалъ свое вниманіе и на провинціальные и, такимъ образомъ, вспомнивъ объ одномъ журналѣ, «Радуга», издававшемся въ Ревелѣ, 31-го марта 1833 г. спросилъ дерптскаго попечителя: въ состояніи ли ревельская цензура съ надлежащею внимательностью производить предварительный просмотръ издаваемаго на русскомъ языкѣ журнала «Радуга», требующаго, по содержанію своему, внимательнаго разбора? Попечитель (баронъ Паленъ) отвѣчалъ, что по закону періодическія изданія должны цензироваться тамъ, гдѣ издаются, и что въ Ревелѣ русскій цензоръ всегда исполнялъ свою должность очень удовлетворительно. Впрочемъ, онъ, баронъ Паленъ, внушилъ нынѣ этому цензору обратить особое вниманіе на «Радугу». Издатель этого журнала извѣ-

стенъ ему, попечителю, съ очень хорошей стороны, такъ что нельзя ожидать отъ него сочиненій, противныхъ цензурнымъ правиламъ. Но если всего этого мало, то онъ, Паленъ, проситъ министра именно обозначить тѣ мѣста журнала, на коихъ можетъ основываться взведенный на него упрекъ.

Главное управленіе цензуры приняло это письмо Палена къ свѣдѣнію, но лѣтомъ того же года Уваровъ, будучи проѣздомъ въ Дерптѣ, подтвердилъ (1-го іюля) барону Палену о томъ, чтобъ другой журналъ, «Evangelische Blätter» былъ просматриваемъ, какъ о томъ предписано еще при князѣ Ливенѣ, не одною свѣтскою цензурою, но также и духовною, и тогда же нашелъ приличнымъ возобновить свою просьбу объ обращеніи особаго вниманія на издаваемый въ Ревелѣ русскій журналъ «Радугу», въ который входитъ также много разсужденій о духовныхъ предметахъ.

Въ отношеніи графа Уварова къ журналамъ надобно различить четыре категоріи: 1) журналы, существовавшіе уже прежде, но при новомъ министрѣ запрещенные; 2) тѣ, на появленіе которыхъ испрашиваемо было разрѣшеніе, но его не послѣдовало; 3) журналы, вновь разрѣшенные и, наконецъ, 4) тѣ прежняго времени, которые хотя и продолжали существовать при Уваровѣ, но подвергались его внушеніямъ и взысканіямъ.

Изъ журналовъ прежняго времени два было самыхъ вліятельныхъ и самыхъ распространенныхъ въ публикѣ: «Телеграфъ» Полеваго и «Телескопъ» Надеждина. Оба они были запрещены. Уварову и вообще высшему управленію цензуры былъ невыносимъ тотъ духъ критики и самостоятельнаго разсмотрѣнія, съ которымъ эти журналы старались относиться ко всѣмъ явленіямъ не только литературнымъ и научнымъ, но и жизненнымъ. «Телеграфъ» еще и при князѣ Ливенѣ, пользовался невыгодною репутаціею въ административной и цензурной сферѣ, и тогда уже Уваровъ относился къ нему весьма непріязненно. Теперь же онъ началъ дѣйствовать еще рѣшительнѣе. 24-го сентября 1833 г. графъ Уваровъ представилъ всеподданнѣйшую записку, слѣдующаго содержанія: «Въ бытность мою, въ прошломъ году, въ Москвѣ, какъ извѣстно вашему императорскому величеству, я обращалъ особенное вниманіе на издаваемые тамъ журналы, въ коихъ появлялись иногда статьи, не только чуждыя вкуса и благопристойности, но и касавшіяся до предметовъ политическихъ, съ сужденіями превратными и вредными.

«Поставивъ Московскому цензурному комитету пространно на видъ обязанности его, я дѣлалъ самыя подробныя внушенія и самимъ издателямъ журналовъ, и получилъ отъ нихъ торжественное обѣщаніе исправить ложную и дерзкую наклонность ихъ повременныхъ изданій.

Сіе, повидимому, имѣло нѣкоторый успѣхъ, ибо съ этого времени тонъ сихъ журналовъ смягчился, и доселѣ не замѣчалось вообще въ нихъ ничего явно предосудительнаго, какъ вдругъ съ удивленіемъ я прочелъ въ недавно вышедшей IX-й книжкѣ «Московскаго Телеграфа», статью подъ заглавіемъ: «Взглядъ на исторію Наполеона», въ коей о происшествіи столь важномъ и столь къ намъ близкомъ заключаются самые неосновательные и для чести русскихъ и нашего правительства оскорбительные толки, и злонамѣренные ироническіе намеки, какъ ваше императорское величество изволите усмотрѣть изъ представляемой здѣсь въ подлинникѣ статьи съ моими отмѣтками. Цензоръ сей книжки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Двигубскій, за неосмотрительность свою, долженствовалъ бы подвергнуться отрѣшенію, еслибъ не былъ, уже вовсе уволенъ отъ службы. Что̀ касается до издателя «Телеграфа», то я осмѣливаюсь думать, что Полевой утратилъ, наконецъ, всякое право на дальнѣйшее довѣріе и снисхожденіе правительства, не сдержавъ даннаго слова и не повиновавшись неоднократному наставленію министерства, и, слѣдовательно, что, по всей справедливости, журналъ «Телеграфъ» подлежитъ запрещенію. Представляя вашему императорскому величеству о мѣрѣ, которую я въ нынѣшнемъ положеніи умовъ осмѣливаюсь считать необходимою, для нѣкотораго обузданія, такъ называемаго, духа времени, имѣю счастіе всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго вашего разрѣшенія».

Императоръ Николай, какъ мы уже видѣли выше, мало сочувствовалъ духу и направленію «Телеграфа», но и онъ нашелъ мнѣніе Уварова преувеличеннымъ. Дѣйствительно, критика Полеваго на сочиненіе Вальтеръ-Скотта о Наполеонѣ была вообще самая благонамѣренная, патріотическая, отстаивавшая русскихъ и Россію противъ странныхъ нападокъ Вальтеръ-Скотта, который видѣлъ въ нашемъ народѣ только «скиѳовъ» и «варваровъ». Правда, Полевой былъ проникнутъ энтузіазмомъ и удивленіемъ къ генію и великости Наполеона, котораго признавалъ человѣкомъ Провидѣнія, но въ то же время ясно видѣлъ и его заблужденія, безмѣрное самолюбіе и властолюбіе. «Тѣмъ злонамѣреннымъ ироническимъ намекомъ», о которомъ писалъ Уваровъ, могла показаться развѣ только много разъ повторенная мысль, что нельзя идти противъ духа своего вѣка, иначе непремѣнно падешь; но и эти слова не прогнѣвали императора Николая I-го; онъ ограничился слѣдующею на докладѣ министра резолюціею: «Я нахожу статью сію болѣе глупою своими противорѣчіями, чѣмъ неблагонамѣренною; виновенъ цензоръ, что пропустилъ, авторъ же въ томъ, что писалъ безъ настоящаго смысла, и, вѣроятно, самъ себя не разумѣя; потому бывшему цензору строжайше замѣтить, а По-

левому объявить, чтобъ вздору не писалъ, иначе запретится журналъ его».

Но Уваровъ, постоянно слѣдя за Полевымъ, 4-го апрѣля 1834 г. писалъ Московскому цензурному комитету: «Усмотрѣвъ изъ IV-й книжки журнала «Библіотека для чтенія», извѣстіе объ издаваемыхъ Полевымъ новыхъ сочиненіяхъ своихъ, считаю нужнымъ предложить Московскому цензурному комитету поставить цензору, который будетъ разсматривать вышеозначенныя книги, въ обязанность обращать особенное вниманіе на оныя». Спустя полгода, и именно 9-го апрѣля 1834 года, онъ объявилъ главному управленію цензуры высочайшее повелѣніе: прекратить изданіе журнала «Московскій Телеграфъ». На чемъ основывались новые его на этотъ разъ доводы, изъ дѣлъ не видно, и можно предполагать, что докладъ его былъ словесный. Вслѣдъ за тѣмъ, 16-го марта 1835 года, онъ секретно писалъ дерптскому попечителю (вмѣстѣ лифляндскому, эстляндскому и курляндскому генералъ-губернатору) барону Палену: «Въ № 3 журнала «Dorpater Jahrbücher», издаваемаго на сей годъ, нѣкоторыми профессорами Дерптскаго университета, въ статьѣ подъ названіемъ «Russische schöne Literatur», гдѣ разбирается сочиненіе г. Полеваго: «Клятва при гробѣ Господнемъ», помѣщены, между прочимъ, слѣдующія выраженія: «Полевой стоитъ выше своего времени и своего народа: онъ очень хорошо умѣетъ отличать политическую важность Россіи отъ ея умственной образованности и не выводитъ сей послѣдней изъ того, что первая неоспорима. По сей причинѣ онъ, можетъ быть, предпочтительно предъ другими, имѣетъ призваніе возвысить свой народъ до себя и не только возбуждать къ успѣхамъ истинной цивилизаціи — это дѣлали уже и другіе, — но и подвинуть оную впередъ». Я покорнѣйше прошу ваше превосходительство увѣдомить меня: не состоитъ ли сочинитель сей статьи на службѣ по учебному вѣдомству во ввѣренномъ вамъ округѣ, и если не состоитъ, то къ какому онъ вѣдомству принадлежитъ, и гдѣ учился русскому языку? Между тѣмъ, не угодно ли будетъ поставить на видъ редакціи упомянутаго журнала, что отнюдь не слѣдовало помѣщать въ оном подобныхъ дерзкихъ нелѣпостей, которыя странно было-бы найти вообще во всякомъ періодическомъ сочиненіи, и тѣмъ болѣе въ журналѣ, который въ чужихъ краяхъ распространяетъ свѣдѣнія о Россіи».

Баронъ Паленъ отвѣчалъ, секретно же, что авторъ статьи фонъ Бракель, и къ учебному вѣдомству не принадлежитъ, а служитъ кассиромъ въ Рижской конторѣ государственнаго коммерческаго банка; учился русскому языку въ С.-Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ; впрочемъ, благонадеженъ и пользуется въ краѣ общею любовью. Что же касается самой статьи, то баронъ Паленъ замѣчалъ, что въ ней не

заключается ничего противнаго § 3-му цензурнаго Устава, а именно клонящагося къ поколебанію ученія православной церкви или вообще христіанской вѣры, или нарушающаго неприкосновенность верховной самодержавной власти, императорскаго дома, или противнаго коренным государственнымъ постановленіямъ, или оскорбляющаго добрые нравы, или честь какого-либо частнаго лица; поэтому цензоръ не могъ сомнѣваться въ дозволеніи печатать ту статью. Но какъ министръ народнаго просвѣщенія не одобряетъ содержанія приведенныхъ имъ выраженій, то онъ, баронъ Паленъ, поставилъ дерптскому цензору въ обязанность не принимать впредь подобныхъ выраженій въ періодическія изданія. Тогда Уваровъ счелъ необходимымъ передать эту переписку на усмотрѣніе главнаго управленія цензуры, которое 29-го апрѣля 1835 г. признало, что замѣченныя въ «Dorpater Jahrbücher» выраженія во всякомъ случаѣ неприличны, поставляя цѣлый русскій народъ въ столь невыгодное отношеніе къ одному частному писателю, и не могутъ быть извинены приводимымъ барономъ Паленомъ параграфомъ Устава. А такъ какъ въ Прибалтійскомъ краѣ цензура спеціально подчинена тамошнему генералъ-губернатору, то главное управленіе положило: довести все это дѣло до высочайшаго свѣдѣнія и просить подтвержденія, чтобъ и цензура періодическихъ изданій въ пограничныхъ губерніяхъ въ точности сообразовалась съ тѣмъ направленіемъ, которое дается вообще цензурѣ отъ высшаго правительства, для избѣжанія противорѣчій съ мѣрами, принимаемыми по общему цензурному вѣдомству. Государь ограничился только однимъ лаконическимъ словомъ на докладѣ: «Разумѣется», вслѣдствіе чего ни генералъ-губернаторъ, ни Бракель не подверглись никакому замѣчанію.

Вскорѣ затѣмъ, Уваровъ обратился, въ отношеніи къ журналу «Телескопъ», къ мѣрамъ, подобнымъ тѣмъ, какія употребилъ прежде противъ «Телеграфа». Въ октябрѣ 1836-го года состоялось опредѣленіе главнаго управленія цензуры относительно пресловутыхъ въ исторіи русской литературы «философическихъ писемъ» Чаадаева [1]). Авторъ ихъ, человѣкъ образованный, но приверженный къ католицизму, въ немъ одномъ видѣлъ главную причину образованности Европы, и въ отсутствіи его у насъ—источникъ малаго интеллектуальнаго и историческаго развитія русскаго народа. Задавшись этою мыслью, впрочемъ высказанною (въ отношеніи къ религіи) лишь въ осторожныхъ выраженіяхъ и не прямыхъ намекахъ, Чаадаевъ говорилъ въ своей статьѣ: «Первоначальные народы Европы, цельты, скандинавы, германцы, имѣли друидовъ, скальдовъ, бардовъ; это были сильные мыслители, разумѣется, въ своемъ родѣ. Посмотрите на народы Сѣверной Америки,

[1]) Напечатано было всего только одно письмо.

истребленіемъ которыхъ такъ ревностно занимается матеріальное просвѣщеніе Соединенныхъ Штатовъ: между ними есть люди дивнаго глубокомыслія. Теперь спрашиваю васъ: гдѣ наши мудрецы, наши мыслители? Когда и кто думалъ за насъ, кто думаетъ въ настоящее время? По нашему мѣстному положенію между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны бы соединять въ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ; должны бы совмѣщать въ нашемъ гражданскомъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все, что сообщило намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія, мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ни одной полезной мысли не возросло на безплодной нашей почвѣ; ни одной великой истины не возникло изъ среды насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь. Странное дѣло! Даже въ мірѣ наукъ, который обнимаетъ все, наша исторія разобщена отъ всего, ничего не объясняетъ, ничего не доказываетъ. Если-бъ орды варваровъ, возмутившихъ міръ, не прошли, прежде чѣмъ наводнили Западъ, страны, нами обитаемой, мы не доставили бы и одной главы для всемірной исторіи. Чтобы обратить на себя вниманіе, мы должны были распространиться отъ Берингова пролива до Одера. Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образовать и, чтобъ заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ мантію цивилизаціи: мы подняли мантію, но не коснулись просвѣщенія. Въ другой разъ, другой великій государь пріобщилъ насъ своему великому посланію, проведши побѣдителями съ одного края Европы на другой; мы прошли просвѣщеннѣйшія страны свѣта и что же принесли домой? Одни дурныя понятія, гибельныя заблужденія, которыя отодвинули насъ назадъ еще на полстолѣтія. Не знаю, въ крови у насъ есть что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію. Повторяю еще: мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомковъ, которые воспользуются имъ непремѣнно, но въ настоящемъ времени, чтобы ни говорили, мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія...

«Свергнувъ иго чужеземное (татаръ), мы могли бы воспользоваться идеями, которыя развились, между тѣмъ, у нашихъ западныхъ братій; но мы были оторваны отъ общаго семейства... Уединившись въ своихъ пустыняхъ, мы не видали ничего происходившаго въ Европѣ. Мы не

вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы остались чужды высокимъ доблестямъ, которыми религія озарила новѣйшія поколѣнія, и которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышаютъ ихъ надъ древними народами, такъ же, какъ эти послѣдніе возвышаются надъ готентотами и лапландцами. Въ насъ не развились эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческое разумѣніе; эта кротость нравовъ, потерявшихъ свое первобытное звѣрство отъ покорности власти безоружной. Несмотря на названіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ. Міръ пересоздавался, и мы прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины. Коротко, не для насъ совершались новыя судьбы человѣчества, не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства»...

«Но вы возразите: развѣ мы не христіане, развѣ образованіе возможно только по образцу европейскому? Безъ сомнѣнія, мы христіане: но развѣ абиссинцы не христіане же? Разумѣется, можно образоваться отлично отъ Европы: развѣ японцы не образованы, и, если вѣрить одному изъ нашихъ соотечественниковъ, даже болѣе насъ? Но неужели вы думаете, что христіанство абиссинцевъ и образованность японцевъ могутъ возсоздать тотъ порядокъ, который составляетъ конечное предназначеніе человѣчества? Неужели вы думаете, что эти жалкія отклоненія отъ божественныхъ и человѣческихъ истинъ низведутъ небо на землю?»

Эти отрывки даютъ нѣкоторое понятіе какъ о талантахъ Чаадаева, такъ и о его печальныхъ заблужденіяхъ. Но главное управленіе цензуры не желало или не могло отдѣлять первыхъ отъ послѣднихъ и, вполнѣ сочувствуя доносу Вигеля на статью Чаадаева, постановило опредѣленіе, которое обязано своимъ происхожденіемъ, повидимому, иниціативѣ Уварова, или по крайней мѣрѣ сильно его интересовало, если судить потому, что черновой проектъ этого опредѣленія весь исправленъ и добавленъ рукою самого министра. Содержаніе его было слѣдующее: «главное управленіе цензуры, въ засѣданіи 19-го октября, разсмотрѣвъ статью, напечатанную въ № 15-мъ журнала «Телескопъ», подъ заглавіемъ «Философическія письма», нашло, что сія статья дышетъ нелѣпою ненавистью къ отечеству, наполнена ложными и оскорбительными понятіями, какъ на счетъ прошедшаго, такъ и на счетъ настоящаго и будущаго существованія государства; признаетъ, что сія статья равно предосудительна въ религіозномъ, какъ и въ политическомъ отношеніи. Съ другой стороны, главное управленіе цензуры, усматривая, что издатель журнала нарушилъ данную подписку объ общей съ цензурою обязанности пещись о духѣ и направленіи періодическихъ изданій; также что, не взирая на смыслъ цензурнаго устава и непрестанно

взыскательное наблюденіе правительства, цензоръ поступилъ въ семъ случаѣ если не злоумышленно, то, по крайней мѣрѣ, съ непростительнымъ небреженіемъ должности и легкомысліемъ, опредѣлило: 1) изданіе журнала «Телескопъ» прекратить съ 1-го января наступающаго года; 2) цензора Болдырева, пропустившаго эту статью, немедленно удалить отъ должности».

Это опредѣленіе было представлено на высочайшее воззрѣніе, и государь, на всеподданнѣйшемъ докладѣ 22-го октября положилъ слѣдующую резолюцію: «Прочитавъ статью, нахожу, что содержаніе оной смѣсь дерзостной безсмыслицы, достойной умалишеннаго: это мы узнаемъ непремѣнно, но не извинительны ни редакторъ журнала, ни цензоръ. Велите сейчасъ журналъ запретить, обоихъ виновныхъ отрѣшить отъ должности и вытребовать сюда къ отвѣту».

Еще раньше этого повелѣнія, Уваровъ самъ собой послалъ (20-го октября) циркуляры ко всѣмъ предсѣдателямъ цензурныхъ комитетовъ, гдѣ предписывалъ имъ не позволять въ періодическихъ изданіяхъ ничего, относящагося къ напечатанной въ № 15-мъ «Телескопа» статьѣ: «Философическія письма», ни въ опроверженіе, ни въ похвалу ея. Теперь же, онъ предписалъ немедленно прекратить изданіе «Телескопа» и отрѣшить цензора Болдырева отъ должности, сдѣлать подтвержденіе цензорамъ объ избѣжаніи случаевъ, подобныхъ настоящему, подъ страхомъ наказанія, подобнаго тому, которое постигло Болдырева, и сообщилъ графу Бенкендорфу о принятіи мѣръ противъ издателя Надеждина, какъ человѣка, не состоящаго на службѣ. Производство возникшаго отсюда дѣла заняло болѣе мѣсяца, и лишь 4-го декабря графъ Бенкендорфъ сообщилъ Уварову слѣдующіе результаты: «Государь императоръ, разсмотрѣвъ представленный мною его величеству всеподданнѣйшій докладъ коммиссіи, учрежденной для разсмотрѣнія дѣла по статьѣ, помѣщенной въ № 15 «Телескопа» подъ названіемъ: «Философическія письма», высочайше повелѣть соизволилъ: сочинителя сей статьи, Чаадаева, продолжать считать умалишеннымъ и, какъ за таковымъ, имѣть медико-полицейскій надзоръ; Надеждина выслать на жительство въ Усть-Сысольскъ подъ присмотръ полиціи, а Болдырева отставить за нерадѣніе отъ службы; графу же Строганову [1]) велѣть, на его строгой

[1]) Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, московскій попечитель и предсѣдатель Московскаго цензурнаго комитета. Исполняя означенное высочайшее повелѣніе, онъ представилъ вмѣсто Болдырева двухъ кандидатовъ на цензорскую должность: Булыгина и Флерова, какъ людей надежныхъ. «Но, прибавлялъ графъ Строгановъ въ своемъ отношеніи къ Уварову отъ 19-го января 1837 г., раздѣлять съ ними отвѣтственность за проступокъ, падающій по законамъ на ихъ отвѣтственность, или быть ручателемъ за неумышленное отступленіе, я не беру на себя смѣлости, и въ подобныхъ случаяхъ буду всегда искать въ законахъ средства оправдать себя».

отвѣтственности, избрать надежнаго цензора. Вмѣстѣ съ симъ его величество высочайше соизволилъ утвердить заключеніе коммиссіи, чтобы московскому военному генералъ-губернатору потребовать отъ содержателя типографіи Селивановскаго объясненіе, почему онъ выпустилъ въ свѣтъ и разослалъ 15-й №. «Телескопа» до полученія билета изъ цензурнаго комитета и, буде не представитъ достаточнаго оправданія, предоставить военному генералъ-губернатору поступить съ содержателемъ типографіи на основаніи свода законовъ Устава Благочинія, прилож. къ IV части, статьи: 141, 143 и 145 [1]).

Третьимъ запрещеннымъ журналомъ была рижская газета «Provinzialblatt». Всю исторію ея запрещенія мы находимъ въ слѣдующемъ докладѣ Уварова отъ 12-го декабря 1838 г.: «Въ бытность мою въ Ригѣ, директоръ тамошней гимназіи и отдѣльный цензоръ Напирскій словесно представилъ мнѣ о необходимости прекратить выходящую тамъ газету: «Provinzialblatt» по причинѣ вреднаго духа, въ которомъ она составляется, изъясняя при томъ, что онъ неоднократно уже объявлялъ объ этомъ тамошнему главному мѣстному начальству, въ вѣдѣніи коего, по § 22-му устава о цензурѣ, находится цензура періодическихъ изданій въ Остзейскихъ губерніяхъ. Вслѣдствіе того, я обратилъ вниманіе главнаго управленія цензуры на дурное направленіе газеты «Provinzialblatt», и для окончательнаго заключенія о семъ предметѣ, по опредѣленію управленія, вытребовано отъ цензора подробнѣйшее указаніе неблагонамѣренныхъ статей, которыя издатель старался помѣщать въ своей газетѣ или даже успѣлъ включить въ оную, также мнѣніе о ней попечителя Дерптскаго учебнаго округа. По внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, къ сему предмету относящихся, главное управленіе цензуры не могло не убѣдиться въ неблагонамѣренности того направленія, которое издатель старается дать своему періодическому сочиненію. Безпрерывное представленіе на одобреніе цензуры извѣстій неосновательныхъ и даже выдуманныхъ съ дурнымъ намѣреніемъ обнаруживаетъ стремленіе издателя вводить читателей въ заблужденіе, разсѣевать ложныя понятія и поселять въ публикѣ сомнѣнія и недовѣрчивость. Подъ видомъ разсказовъ о случаяхъ, бывшихъ будто бы въ отдаленныя времена и въ чужихъ государствахъ, или о дѣйствіяхъ чужеземныхъ правительствъ,— разсказовъ, излагаемыхъ такимъ образомъ, что читатели сами наводятся на желаемое издателемъ вредное примѣненіе и на настоящую его цѣль,— не только описываются съ невыгодной и смѣшной стороны поступки частныхъ людей, но даже дѣйствія начальственныхъ лицъ, и мѣры правительства выставляются въ такомъ искаженіи на судъ и насмѣшливость

[1]) На основаніи вышеприведенныхъ статей, содержатель типографіи, въ случаѣ виновности, подлежалъ преданію суду.

публики. Сими вымыслами издатель старается особенно посѣявать несогласія между религіозными партіями въ Остзейскихъ губерніяхъ и вооружать университетское юношество противъ мѣръ, которыя принимаются къ водворенію между онымъ благочинія. Затрудненія цензуры увеличиваются еще тѣмъ, что газета «Provinzialblatt», начатая до изданія устава о цензурѣ, бывшимъ генералъ-суперинтендентомъ Зонтагомъ, издается безъ предварительно одобреннаго правительствомъ плана: пользуясь тѣмъ, издатель старается включать въ нее все, что только можетъ. Мѣстное начальство не только не приняло въ уваженіе представленій цензора о необходимости прекратить сію газету, но даже въ началѣ нынѣшняго года позволило издателю расширить кругъ его дѣйствій прибавленіемъ особыхъ листковъ, подъ названіемъ «Supplement zum Provinzialblatt», безъ всякаго предварительнаго сношенія съ высшимъ цензурнымъ вѣдомствомъ. Безпрерывное стремленіе издателя къ цѣли, явно не совмѣстной съ существующимъ порядкомъ; откровенное признаніе цензора, что, не взирая на всѣ старанія и мѣры предусмотрительности съ его стороны, издатель успѣваетъ помѣщать въ свои листки статьи, которыхъ злоумышленность, незамѣтная, когда они разсматриваются въ отдѣльности, обнаруживается только при ихъ сближеніи; опасенія цензора, уловками издателя, быть увлеченнымъ въ неосмотрительность болѣе важную и вредную, мнѣніе попечителя Дерптскаго округа, признающаго, что изданіе «Provinzialblatt» надлежитъ прекратить, наконецъ, упорство въ дурныхъ намѣреніяхъ издателя, который, не смотря на всѣ замѣчанія и подтвержденія, нисколько не перемѣняетъ образа дѣйствій своихъ,—все это убѣдило главное управленіе цензуры, что къ обузданію злонамѣренности не остается никакого другаго средства, какъ прекращеніе газеты «Provinzialblatt» съ наступающаго 1839 года».

Государь утвердилъ мнѣніе главнаго управленія 12-го декабря 1838 г.

Рѣшенія на открытіе новыхъ журналовъ давались рѣдко. — Причинами для отказа было высказанное императоромъ Николаемъ желаніе, чтобы не увеличивалось число повременныхъ изданій. Въ мартѣ 1834 года Уваровъ представилъ государю докладъ слѣдующаго содержанія: «Съ нѣкотораго времени начали поступать отъ многихъ лицъ прошенія о позволеніи имъ періодическихъ изданій въ родѣ выходящихъ въ чужихъ краяхъ, подъ названіемъ «Penny Magasine», «Heller Magasin» и проч. Обративъ на это обстоятельство вниманіе главнаго управленія цензуры, я предложилъ на разсужденіе онаго вопросъ: «полезно ли допускать введеніе и укорененіе у насъ сего рода дешевой литературы, которой цѣль и непосредственное слѣдствіе есть дѣйствованіе на низшій классъ читающей публики?» Главное управленіе, сообразивъ всѣ стороны сего вопроса, полагало, что приводить низшіе

классы общества нѣкоторымъ образомъ въ движеніе и поддерживать оные какъ бы въ состояніи напряженности не только безполезно, но даже вредно. Потому управленіе признало, что литературныя предпріятія, которыя клонятся къ пріобрѣтенію вліянія на вышеозначеннаго рода читателей, вовсе несовмѣстны съ существующимъ у насъ порядкомъ. Дешевыя повременныя изданія тѣмъ неумѣстнѣе нынѣ, что вкусъ къ чтенію и вообще литературная дѣятельность, которые прежде заключались въ границахъ сословій высшихъ, именно въ настоящее время перешли въ средніе классы и предѣлы свои распространяютъ даже далѣе. Впрочемъ, независимо отъ этой политической несовмѣстности дешевой литературы для народа, она не только не приноситъ существенной пользы истиннымъ успѣхамъ ума и просвѣщенія, но, напротивъ того, скорѣе служитъ препятствіемъ онымъ; во вредѣ этой литературы сознаются благомыслящіе люди даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ она возникла и утвердилась; ибо легкое пріобрѣтеніе неполныхъ свѣдѣній о многихъ предметахъ отклоняетъ отъ изученій основательныхъ и распространяетъ поверхностныя познанія, а слѣдовательно, и весь вредъ оныхъ. По симъ соображеніямъ, главное управленіе цензуры было убѣждено и выгодами государственными, и выгодами самого просвѣщенія въ необходимости отклонить введеніе у насъ дешевыхъ простонародныхъ журналовъ».

На этомъ докладѣ 10-го марта 1834 послѣдовала высочайшая резолюція: «Совершенная истина, отнюдь не дозволять».

Въ концѣ 1835 года, кіевскій военный, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи издавать въ Кіевѣ ежедневный журналъ подъ названіемъ «Кіевская газета». Министръ внутреннихъ дѣлъ, Блудовъ, котораго мнѣніе испрашивалось по этому предмету, отозвался, что онъ не видитъ препятствія къ его осуществленію, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время министерство внутреннихъ дѣлъ озабочено введеніемъ, по всей Имперіи, губернскихъ вѣдомостей, и предварительный планъ ихъ одобренъ Комитетомъ министровъ. Но при этомъ статсъ-секретарь Блудовъ предлагалъ принять, въ отношеніи къ «Кіевской газетѣ», нѣкоторыя особыя мѣры предосторожности. Газета эта должна способствовать «просвѣщенію истинно русскому» и находиться подъ ближайшимъ надзоромъ генералъ-губернатора; свѣдѣнія о замѣчательныхъ происшествіяхъ по другимъ губерніямъ должны быть печатаемы только послѣ «нашихъ русскихъ газетъ», и о происшествіяхъ по западнымъ губерніямъ, когда они достовѣрно извѣстны самому военному губернатору, или сообщены мѣстнымъ начальствомъ, и т. д. Что же касается статей о древностяхъ края, то онѣ должны избѣгать всего могущаго возбуждать неумѣстныя сожалѣнія о старой Польшѣ и Литвѣ, или надежды на возстановленіе прежняго времени: напротивъ, онѣ должны доказывать, что этотъ край былъ издревле русскій и вторая колыбель

нашей монархіи. Но Уваровъ не удовольствовался такимъ отзывомъ и, по порученію главнаго управленія, спросилъ мнѣніе графа Бенкендорфа, такъ какъ управленію не столь извѣстны обстоятельства и причины, которыя могутъ содѣлать изданіе той газеты въ Кіевѣ необходимымъ, либо побудить отложить сіе предпріятіе, какъ еще не своевременное». На это былъ полученъ отвѣтъ, что «изданіе журнала въ Кіевѣ, для губерній: Кіевской, Волынской и Подольской, съ помѣщеніемъ извѣстій политическихъ и правительственныхъ, требуетъ самаго бдительнаго вниманія со стороны мѣстнаго начальства. Конечно, при управленіи генералъ-губернатора графа Гурьева, газета, состоя подъ непосредственнымъ наблюденіемъ, будетъ издаваться съ должною осмотрительностью и сообразно видамъ правительства, но увѣренность эта основывается единственно на личныхъ достоинствахъ и прозорливости генералъ-губернатора, а затѣмъ представляется опасеніе, что, при назначеніи новаго начальника, можетъ быть менѣе къ сему предмету внимательнаго, предполагаемая газета можетъ сдѣлаться орудіемъ людей неблагонамѣренныхъ». По такому соображенію, графъ Бенкендорфъ находилъ неудобнымъ изданіе этой газеты, и таковая не была разрѣшена.

Въ ноябрѣ 1843 г. книгопродавецъ Ольхинъ просилъ позволенія издавать журналъ «Законовѣдецъ». Министръ юстиціи, графъ Панинъ, отозвался, что «предположенная этимъ журналомъ цѣль распространенія теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній по части законовѣдѣнія и судопроизводства, ежели она относится собственно къ отечественнымъ постановленіямъ и соблюдаемому на основаніи оныхъ порядку судебнаго производства дѣлъ и канцелярскаго обряда, достигнута вполнѣ быть не можетъ, ибо обстоятельства тяжебныхъ и даже уголовныхъ дѣлъ, служившія основаніемъ къ судебнымъ рѣшеніямъ, по негласности оныхъ, не могутъ быть извѣстны во всей подробности не только редакторамъ, но и кому-либо другому изъ частныхъ лицъ; слѣдовательно, и сообщаемыя по сей части свѣдѣнія, не имѣя надлежащей полноты, будутъ, по необходимости, неясны и сбивчивы, а такимъ образомъ едва-ли частныя лица въ состояніи распространить о русскомъ производствѣ правильныя понятія въ настоящее время. Если же цѣль издаваемаго періодическаго сочиненія состоитъ въ распространеніи свѣдѣній о судопроизводствѣ иностранномъ, то также должно замѣтить, что публичность судопроизводства нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ представляетъ сіе судопроизводство, съ перваго взгляда, имѣющимъ нѣкоторыя преимущества предъ судопроизводствомъ негласнымъ, которыя могутъ распространить ложныя понятія о пользѣ существующихъ у насъ постановленій, требующихъ развитія, соотвѣтственнаго началамъ отечественнаго законодательства. Сверхъ того, министерство юстиціи имѣетъ въ виду изданіе, современемъ, по примѣру другихъ министерствъ, особаго

журнала для распространенія тѣхъ свѣдѣній, кои могутъ служить къ правильному изученію правовѣдѣнія въ нашемъ отечествѣ». За такимъ отзывомъ министра юстиціи, главное управленіе цензуры нашло невозможнымъ дозволить изданіе журнала «Законовѣдецъ».

Въ февралѣ 1846 года министръ государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ, ходатайствовалъ о дозволеніи члену ученаго комитета его министерства, статскому совѣтнику Заблоцкому, издавать журналъ «Россія», съ цѣлью споспѣшествовать развитію въ нашемъ отечествѣ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. Главное управленіе цензуры 27-го февраля постановило, что оно не затруднилось бы ходатайствовать о высочайшемъ разрѣшеніи этого журнала, если бы прямою его цѣлью было сообщеніе читающей публикѣ статей и извѣстій по предмету сельскаго хозяйства и промышленности. Но, при готовности содѣйствовать съ своей стороны предпріятію такого рода, оно встрѣчаетъ затрудненіе входить съ представленіемъ государю императору о новой газетѣ политическо-литературной (какъ было видно по программѣ), имѣя въ виду уже неоднократно изъявленную высочайшую волю въ разсужденіи неразмноженія числа періодическихъ изданій.

Въ февралѣ 1848 г. жена чиновника 12-го класса Сафонова просила о позволеніи издавать два журнала: «Дамская энциклопедія» и «Мужской портной»; но главное управленіе признало эти изданія (10-го марта 1848 года) излишними, на томъ основаніи, что Сафонова уже получила дозволеніе на подобнаго рода изданіе (журналъ «Ваза»).

Въ іюлѣ 1834 года Уваровъ вошелъ съ докладомъ о дозволеніи Харьковскому университету, вслѣдствіе ходатайства его попечителя, издавать «Журналъ Императорскаго Харьковскаго университета», который (по словамъ министра) долженъ былъ заключать въ себѣ умственныя произведенія, оригинальныя и переводныя, по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ, въ ихъ теоретическомъ и практическомъ назначеніяхъ. Въ программѣ, утвержденной Уваровымъ, университетъ говорилъ, что желаетъ основать этотъ журналъ, дабы «по возможности содѣйствовать расширенію круга общеполезныхъ свѣдѣній въ области отечественной любознательности». На это послѣдовала 6-го іюля высочайшая резолюція: «Повременить».

Въ другомъ докладѣ, отъ 10-го сентября 1836 года, Уваровъ представлялъ, что камергеръ князь Одоевскій, 8-го класса Враскій и титулярный совѣтникъ Краевскій просятъ о дозволеніи издавать, съ 1837 года, повременное сочиненіе, подъ названіемъ «Русскій сборникъ», съ принадлежащимъ къ нему «литературнымъ лѣтописцемъ», и что главное управленіе цензуры не нашло препятствія къ позволенію этого журнала, тѣмъ болѣе, что принимающіе на себя обязанность главныхъ редакторовъ, будучи извѣстны съ весьма хорошей стороны

по образу мыслей и способностямъ, подаютъ надежду, что предпринимаемый ими журналъ будетъ имѣть хорошее направленіе. На этомъ представленіи государь (13-го сентября) написалъ: «И безъ того много».

Получивъ такую резолюцію, главное управленіе цензуры разослало попечителямъ всѣхъ учебныхъ округовъ циркуляръ, которымъ предписывалось «не дѣлать на нѣкоторое время представленій о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій».

Въ 1844 году Уваровъ представлялъ докладъ о разрѣшеніи преподавателю Московскаго университета, Грановскому, издавать съ 1845 года въ Москвѣ журналъ: «Московское обозрѣніе», въ составъ котораго должны входить: науки и искусства, критика, произведенія изящной словесности и смѣсь, и при этомъ Уваровъ ссылался на отзывъ московскаго попечителя, графа Строганова, свидѣтельствовавшаго о способностяхъ и благонадежности Грановскаго. На это послѣдовала 13-го декабря 1844 года высочайшая резолюція: «И безъ новаго довольно».

Въ 1847 году, предсѣдательствующая въ Совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ, графиня Строганова, просила Уварова (въ то время уже графа) исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе на изданіе коллежскимъ ассесоромъ Поповымъ, еженедѣльнаго листка для дѣтскаго чтенія, подъ названіемъ: «Отдохновеніе, газета для юнаго возраста». Цѣль изданія состояла въ томъ, чтобы, кромѣ доставленія питомцамъ Дѣтскихъ пріютовъ занимательнаго для ихъ возраста чтенія, жертвовать этимъ заведеніямъ половину суммы, какая очистится по подпискѣ за расходами на изданіе. Содержаніе же должно было состоять изъ трехъ отдѣловъ: въ 1-й назначались статьи, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о перемѣнахъ, происшедшихъ въ Дѣтскихъ пріютахъ, о ходѣ и развитіи ихъ, и т. д.; во 2-й—повѣсти, разсказы, описанія, стихи (на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ), драматическія пьески и т. д.; въ 3-й—объясненія праздниковъ и замѣчательныхъ дней, анекдоты, разборы дѣтскихъ книгъ, загадки, шарады и т. д. Главное управленіе цензуры одобрило это изданіе, и Уваровъ поднесъ о немъ докладъ 30-го марта 1847 года; но на слѣдующій день онъ возвратился съ высочайшею резолюціею: «Нахожу, что программа не дѣтскаго журнала, а и безъ того много вздору печатается».

Въ противуположность журналамъ, которые съ 1833 по 1848 годъ были запрещены или не дозволены, любопытно перечислить тѣ, которые возникли въ сказанный періодъ времени и были дозволены.

Въ 1834 году, извѣстному композитору русскихъ романсовъ и помощнику капельмейстера Московскаго опернаго театра, Варламову, высочайше разрѣшено издавать музыкальный журналъ «Эолова арфа».

При представленіи объ этомъ дѣлѣ главному управленію цензуры приложено было свидѣтельство Московской театральной конторы, гдѣ говорилось, что «Варламовъ поведенія хорошаго и познаніями по музыкальной части заслуживалъ всегда отъ начальства похвалы».

Въ томъ же году Уваровъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи состоящему при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, титулярному совѣтнику Андросову, издавать съ 1835 года журналъ «Московскій наблюдатель». Основаніемъ для настоящаго представленія министръ народнаго просвѣщенія выставлялъ то соображеніе главнаго управленія цензуры, что въ Москвѣ есть только одинъ, частнымъ лицомъ издаваемый журналъ, и чувствуется потребность въ повременномъ изданіи, которое могло бы служить нѣкоторымъ противодѣйствіемъ петербургскимъ періодическимъ сочиненіямъ, которыя, находясь почти въ однѣхъ рукахъ, сдѣлались чрезъ то какъ бы монополіею немногихъ лицъ. Сверхъ того, главное управленіе принимало во вниманіе засвидѣтельствованіе московскаго генералъ-губернатора, что Андросовъ, сколько по благороднымъ своимъ качествамъ и отличной нравственности, столько же по трудолюбію и познаніямъ, совершенно способенъ къ выполненію предпринимаемаго имъ изданія, а также и то, что цѣль его журнала — единственно литературная, безъ примѣси чего-либо политическаго. Это ходатайство, 9-го декабря 1834 года, высочайше утверждено безъ всякихъ замѣчаній и ограниченій; но главное управленіе, приводя его въ исполненіе, почло своимъ долгомъ предписать, чтобъ изъ программы журнала было исключено имя И. Кирѣевскаго, издателя запрещеннаго журнала «Европеецъ».

14-го января 1836 года графъ Бенкендорфъ сообщилъ Уварову, что, вслѣдствіе просьбы поэта Пушкина, ему высочайше разрѣшено издать въ 1836 году, четыре тома статей чисто литературныхъ, историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехмѣсячныхъ «Reviews». Это изданіе осуществилось подъ именемъ «Современника».

25-го декабря 1837 года Уваровъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи профессорамъ Московскаго университета, Погодину и Шевыреву, издавать журналъ «Москвитянинъ». Въ Москвѣ, говорилъ при этомъ Уваровъ, издается теперь одинъ только литературный журналъ, и тотъ, выходя въ свѣтъ очень медленно и неисправно, по всей вѣроятности, какъ открывается изъ полученныхъ изъ Москвы свѣдѣній, долженъ будетъ прекратиться съ будущаго года. Изданіе же въ Москвѣ литературнаго повременнаго сочиненія полезно по многимъ отношеніямъ, и особенно въ томъ соображеніи, что Шевыревъ и Погодинъ могутъ содѣйствовать къ распространенію свѣдѣній по части словесности и наукъ». На это воспослѣдовала 26-го декабря высочайшая

резолюція: «Согласенъ, но съ строгимъ должнымъ надзоромъ».

Несмотря на это разрѣшеніе, «Москвитянинъ» не выходилъ въ свѣтъ цѣлыхъ три года, и лишь въ концѣ 1840 г. Погодинъ заявилъ, что желаетъ со слѣдующаго, 1841 года, издавать свой журналъ, на что и проситъ разрѣшеніе. Главное управленіе обыкновенно отказывало въ просьбѣ разрѣшать продолженіе журнала, не издававшагося нѣсколько лѣтъ, считая необходимымъ испрашивать новое, какъ бы для новаго журнала высочайшее разрѣшеніе. Но на этотъ разъ, въ пользу Погодина, сочтено было почему-то умѣстнымъ сдѣлать исключеніе, и просимое разрѣшеніе дано ему отъ главнаго управленія цензуры, 23-го октября 1840 года, собственною его властью, безъ доведенія о томъ до высочайшаго свѣдѣнія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поощреніе кораблестроенія частными лицами.

Предложеніе управляющаго министерствомъ юстиціи Сенату.

21-го октября 1828 г. № 13111.

Г. министръ финансовъ сообщилъ мнѣ, что по всеподданнѣйшему докладу его о томъ, что архангельскій 1-й гильдіи купецъ Аммосовъ строитъ на собственной своей верфи по заказу иностраннаго гостя Кларка корабль на подобіе военнаго, воспослѣдовало въ 13-й день сего октября высочайшее его императорскаго величества повелѣніе слѣдующаго содержанія: «на основаніи существующихъ узаконеній, не токмо не слѣдуетъ препятствовать, но надлежитъ даже поощрять у насъ постройку частными людьми военныхъ кораблей по заказу иностранцевъ, и сего правила держаться въ послѣдствіи въ подобныхъ случаяхъ».

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи, я имѣю честь предложить Правительствующему Сенату.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Россія и папскій престолъ.

1580—1601 гг.

V [1]).

Переговоры въ Ямъ-Запольѣ.—Заключеніе перемирія.

Ямъ-Запольскій, куда съѣхались уполномоченные для веденія переговоровъ, былъ небольшою деревушкою, на пути въ Новгородъ, между Порховомъ и Заволочьемъ. Неудобство этого выбора дало себя почувствовать очень скоро; вся окрестная мѣстность была разорена; среди пустынной равнины виднѣлись однѣ развалины; поляки со своей свитою едва нашли себѣ помѣщеніе. Русскіе размѣстились, худо ли хорошо, неподалеку оттуда въ селеніи Киверовой Горѣ, гдѣ устроился также Поссевинъ, и это захолустное, мало кому извѣстное до тѣхъ поръ мѣстечко неожиданно оживилось; вокругъ жалкихъ хижинъ, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома, появились палатки, предназначенныя для многочисленной свиты русскихъ пословъ и для торговцевъ, которые ихъ сопровождали. Кремлевскіе послы, не получая готоваго содержанія отъ царя, покрывали свои текущіе расходы торговлею, удѣляя для этого время отъ своихъ дипломатическихъ занятій. Такимъ образомъ можно было подумать, что въ Киверовой Горѣ происходила ярмарка, а не съѣздъ уполномоченныхъ.

Помѣщеніе пословъ оставляло желать весьма многаго. Поссевинъ, въ домѣ котораго происходили засѣданія, жилъ въ простой избѣ, состоявшей изъ одной комнаты, въ глубинѣ которой былъ наскоро сооруженъ

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1902 г.

алтарь. Такъ какъ изба была курная, то ему приходилось выходить на улицу, пока топилась печь, а по утру онъ вставалъ весь черный отъ сажи, которая покрывала потолокъ толстымъ блестящимъ слоемъ и падала на его постель. Поссевинъ говорилъ шутя, что онъ принималъ себя иной разъ за угольщика или трубочиста. Что касалось ѣды, то въ деревушкѣ можно было разсчитывать только на провизію, привезенную съ собою. Въ этомъ отношеніи русскіе оказались чрезвычайно предусмотрительны; и въ то время, какъ поляки нерѣдко терпѣли во всемъ недостатокъ, у нихъ было всего вдоволь, и они, по приказанію царя, снабжали Поссевина въ изобиліи всѣмъ необходимымъ. Казалось, что этихъ мелочей, хотя онѣ были чисто матеріальнаго свойства, было достаточно для того, чтобы спѣшить съ переговорами, а между тѣмъ они тянулись болѣе мѣсяца, ибо съ той и съ другой стороны были затронуты слишкомъ важные вопросы, которые заставляли пренебрегать всѣмъ остальнымъ.

Русскимъ уполномоченнымъ удалось, по желанію царя, имѣть предварительное свиданіе съ папскимъ посломъ, которому они заявили, подъ величайшей тайною, что Іоаннъ согласится на уступку еще одной или двухъ крѣпостей. Какъ только они упомянули о Ливоніи, Поссевинъ заявилъ, что права Баторія на эту провинцію неоспоримы и что это должно лечь въ основу переговоровъ. Такое заявленіе крайне взволновало русскихъ уполномоченныхъ. Перейдя отъ изумленія къ негодованію, они утверждали, что Ливонія «принадлежала царю съ сотворенія міра» и что онъ особенно дорожилъ ею въ виду торговли съ Западомъ и своихъ сношеній съ папою.

4-го (13-го) декабря происходило первое совѣщаніе уполномоченныхъ подъ предсѣдательствомъ Поссевина; по правую руку отъ него сидѣли поляки, по лѣвую москвитяне; переводчикъ Замаскій стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Поляками было рѣшено заранѣе, что имя Григорія XIII должно произноситься съ особымъ почтеніемъ и что всѣ уступки будутъ сдѣланы изъ уваженія къ святому отцу, который пріобрѣтаетъ такимъ образомъ огромное значеніе.

Совѣщанія едва не прекратились на первыхъ же порахъ вслѣдствіе того, что поляки нашли недостаточными полномочія русскихъ, въ особенности по сравненію съ ихъ собственными полномочіями. Русскіе ссылались только на письма царя, на его словесныя указанія и на искони принятый у нихъ способъ веденія дѣлъ. Обмѣнъ мыслей, вызванный этимъ обстоятельствомъ, осложнился тѣмъ, что русскіе требовали, чтобы на засѣданія не былъ допущенъ Варжевицкій, коего имя не было упомянуто въ оффиціальныхъ документахъ. Долго не могли ни до чего договориться и едва не разошлись, прервавъ засѣданіе. Но утро вечера мудренѣе. На другой день русскіе изъявили готовность при-

сягнуть въ томъ, что ихъ полномочія будутъ достаточны для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, какіе могли возникнуть; поляки объявили себя удовлетворенными, и было рѣшено приступить къ дѣлу, не смотря на присутствіе Варжевицкаго.

Уполномоченнымъ Баторія, какъ побѣдителя, надлежало первымъ высказать свои требованія. Выразивъ благодарность папѣ за то, что онъ согласился взять на себя посредничество, и поблагодаривъ его представителя, воевода Брацлавскій сказалъ, что король желаетъ получить всю Ливонію, военную контрибуцію, требуетъ заключенія мира со Швеціей и взамѣнъ этого обѣщаетъ Іоанну четыре крѣпости на западной границѣ.

Это привело русскихъ въ величайшее негодованіе, и они высказали свои условія, тождественныя съ тѣми, которыя были предложены въ Старицѣ, съ тою разницею, что Іоаннъ соглашался уступить Баторію еще одну крѣпость. Условія русскихъ были довольно странныя: царь великодушно уступалъ королю польскому Курляндію, никогда ему не принадлежавшую, и предлагалъ отдать полякамъ на побережьѣ Балтійскаго моря шестьдесятъ пять городовъ, оставляя за собою тридцать пять, и не обращая ни малѣйшаго вниманія на завоеванія, сдѣланныя въ послѣднее время шведами, и на ихъ права на эти земли.

Предлагая столь странныя условія, русскіе понимали, конечно, что они неудобоисполнимы, и были увѣрены, что ихъ придется измѣнить, но они держались этой тактики, желая вывѣдать мысли поляковъ, такъ какъ не имѣли права ни прервать переговоровъ безъ особаго разрѣшенія царя, ни преступить своихъ полномочій. А поляки, со своей стороны, желая произвести на русскихъ давленіе, утверждали, что имъ велѣно окончить переговоры въ три дня, и торопили отвѣтомъ.

Послѣ самыхъ торжественныхъ увѣреній, что они не пойдутъ ни на какія уступки, поляки отказались прежде всего отъ контрибуціи, которая имѣла для нихъ однако большое значеніе, такъ какъ денежныя средства ихъ быстро истощались, подати, ассигнованныя сеймомъ на военныя издержки поступали съ трудомъ, а солдаты требовали уплаты жалованья; но Баторій придавалъ главное значеніе пріобрѣтенію провинцій и поэтому заявилъ Поссевину, что онъ готовъ отказаться отъ денегъ, лишь бы получить Ливонію.

Вторая уступка со стороны поляковъ была сдѣлана относительно Швеціи. Царь замышлялъ вести войну съ Іоанномъ III и поэтому не хотѣлъ связывать себя никакими обѣщаніями; его уполномоченнымъ было строго-на-строго приказано не касаться шведскихъ дѣлъ.

— Мы не имѣемъ полномочій на этотъ счетъ, — говорили они;—къ чему же говорить объ этомъ? да и съ кѣмъ мы будемъ говорить о шведскихъ дѣлахъ, коли здѣсь нѣтъ представителя Швеціи?

Поляки признали законность этого возраженія, и вопросъ объ отношеніяхъ съ Швеціей не обсуждался вовсе; такимъ образомъ дѣло значительно упростилось, поляки требовали только уступки Ливоніи, оставалось рѣшить, что потребуютъ за это русскіе.

По окончаніи оффиціальныхъ засѣданій, уполномоченные царя проводили съ Поссевинымъ въ бесѣдѣ цѣлыя ночи, толкуя объ общественныхъ и о своихъ личныхъ дѣлахъ.

6-го (15-го) декабря, они заявили, что царь согласится уступить Ливонію не иначе, какъ получивъ за это долину р. Великой съ Великими Луками. Высказавъ это, они испугались своего слишкомъ смѣлаго требованія и для успокоенія своей совѣсти стали энергично настаивать на желаніи царя сохранить нѣсколько крѣпостей въ Ливоніи и титулъ князя Ливонскаго.

Это сразу ободрило Поссевина; у него зародилась надежда на то, что дѣло скоро уладится, и онъ поспѣшилъ сообщить всѣ подробности Замойскому и совѣтовалъ ему быть умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ.

— Если мы будемъ требовать слишкомъ много,—говорилъ Поссевинъ,—то мы рискуемъ ничего не получить.

То же самое онъ старался внушить и русскимъ, и если бы поляки болѣе довѣряли Поссевину, то переговоры могли бы быть окончены гораздо скорѣе, но Замойскій поступалъ относительно его не вполнѣ чистосердечно. Такъ, напр., 11-го (20-го) декабря, въ Ямъ-Запольскій явился Станиславъ Жолкіевскій съ словесными приказаніями отъ польскаго канцлера, который поручилъ сообщить уполномоченнымъ троякаго рода условія, которыя до поры до времени должны были составлять для Поссевина тайну, и которыя велѣно было сообщать ему только по мѣрѣ надобности. Первое изъ этихъ условій, которое могло бы значительно облегчить переговоры и привести къ заключенію мира, привело пословъ въ большое недоумѣніе: Замойскій выражалъ готовность уступить царю восемь крѣпостей, три въ Ливоніи и пять на Западѣ, лишь бы миръ былъ заключенъ немедленно.

Изумленные этой перемѣною и боясь, что ихъ хотятъ одурачить, уполномоченные просили Замойскаго прислать имъ письменныя приказанія, и когда ихъ просьба была удовлетворена, то они сослались на то, что имъ необходимо имѣть приказаніе самого Баторія. Положеніе Поссевина было еще затруднительнѣе, ибо въ тотъ же день, когда Жолкіевскій сообщилъ уполномоченнымъ вышеупомянутое предложеніе, папскій посолъ получилъ отъ Замойскаго письмо, отъ 13-го (22-го) декабря, съ самымъ гордымъ и рѣшительнымъ отказомъ уступить Ливонію. Какъ было объяснить это противорѣчіе? Была ли эта только ловушка со стороны Замойскаго или перемѣна политики? Въ такомъ случаѣ, что

слѣдовало думать о неизмѣнномъ рѣшеніи сейма, о клятвѣ, данной Баторіемъ, о заявленіи Замойскаго, только-что присланномъ письменно?

Поссевинъ не зналъ, что думать; его пылкое воображеніе уже рисовало самыя мрачныя картины. Тѣмъ не менѣе предложеніе Замойскаго обсуждалось въ засѣданіи уполномоченныхъ 14-го (23-го) декабря и вызвало оживленные споры; многіе выражали опасенія, что переговоры будутъ прерваны, какъ вдругъ изъ польскаго лагеря были получены новыя и, какъ говорили, окончательныя условія.

Это было очень кстати: всѣми уже начинали овладѣвать утомленіе и скука; русскіе жаловались на то, что имъ приходилось терпѣть всевозможныя непріятности: ихъ гонцовъ задерживали по пути, ихъ письма перехватывали. Радзивиллъ, озабоченный своими семейными дѣлами, только и думалъ о томъ, какъ бы поскорѣе уѣхать. Въ своемъ «ультиматумѣ» Замойскій предлагалъ снова промѣнять Ливонію на долину р. Великой съ болѣе или менѣе обширнымъ округомъ, смотря по требованію русскихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умолялъ папскаго посредника «именемъ Христа» не дѣлать уступокъ даромъ и выговорить на западной границѣ возможно бо̀льшее число крѣпостей. Одновременно съ этимъ, Замойскій писалъ Стефану Баторію, въ самыхъ колкихъ и язвительныхъ выраженіяхъ, о «великодушномъ ходатаѣ русскихъ» и совѣтовалъ не посвящать его въ тайны политики, а Поссевинъ не подозрѣвалъ такого коварства и неутомимо старался уладить дѣло.

Невесело встрѣтили въ Киверовой Горѣ праздникъ Рождества Христова. Всѣ были взволнованы, опасаясь неблагопріятнаго исхода переговоровъ. Русскіе, примирившись съ мыслію, что имъ придется отказаться отъ Ливоніи, хотѣли выторговать за нее какъ можно болѣе, требовали то тотъ, то другой городъ и выказывали большую нерѣшительность. Не смотря на это, поляки имѣли надежду, что имъ удастся добиться всего, что они хотѣли, и дѣйствительно, послѣднія условія, предъявленныя обѣими сторонами, расходились только въ весьма несущественныхъ пунктахъ.

Когда Поссевинъ жаловался на неуступчивость поляковъ Замойскому, то послѣдній отвѣчалъ: «Сенаторы отвѣтственны передъ сеймомъ, при томъ русскіе требуютъ слишкомъ многаго». Когда же посредникъ, выбившись изъ силъ, обратился снова къ русскимъ уполномоченнымъ, то они говорили ему:

— Если бы у насъ было десять головъ, то онѣ всѣ пали бы, если бы приказаніе царя не было исполнено буквально.

Засѣданіе 16-го (25-го) декабря также не привело ни къ чему, а на другой день поляки вздумали разыграть слѣдующую сцену.

Было необходимо рѣшить вопросъ, кому достанутся двѣ западныя крѣпости: Велижъ и Себежъ; поляки настаивали на томъ, чтобы онѣ

*

были уступлены имъ, и, повторяя свои обычныя угрозы, заявили, что если ихъ требованіе не будетъ исполнено, то они уѣдутъ, не обращая вниманія на то, будетъ ли миръ заключенъ или нѣтъ.

Русскіе были поставлены этимъ въ самое затруднительное положеніе. Велижъ, расположенный на правомъ берегу Двины, входилъ въ число городовъ, которые предполагалось уступить Баторію; Іоаннъ соглашался принести эту жертву; но русскіе послы хотѣли сдѣлать ему пріятное, отстоявъ этотъ городъ; однако всѣ ихъ старанія разбились о настойчивость поляковъ, и они были вынуждены отказаться отъ Велижа.

Оставалось рѣшить вопросъ о Себежѣ. Этотъ стратегическій пунктъ имѣлъ для руссихъ огромное значеніе, онъ защищалъ долину рѣки Великой, былъ какъ бы аванпостомъ Московскаго государства и поэтому долженъ былъ принадлежать русскимъ. Царь настоятельно требовалъ этого. Когда поляки хотѣли обойти этотъ вопросъ молчаніемъ или отложить его рѣшеніе на нѣкоторое время, то русскіе уполномоченные протестовали такъ энергично, что поляки поняли, что ихъ рѣшеніе неизмѣнно, и Себежъ былъ уступленъ.

Вскорѣ нашелся еще одинъ пунктъ, который могъ вызвать большія недоразумѣнія. Во время переговоровъ неоднократно упоминалось о Ливоніи, и это не вызывало никакихъ споровъ, но малу-по-малу выяснилось, что русскіе соглашались уступить только тѣ лифляндскія крѣпости, которыя они уже завоевали, совершенно умалчивая о земляхъ, принадлежавшихъ шведамъ, и которыя они еще могли завоевать. Поляки, движимые жаждою новыхъ пріобрѣтеній, хотѣли обезпечить себя отъ опаснаго соперничества. Но русскіе возражали обыкновенно на всѣ ихъ замѣчанія:

— Какъ же вы хотите, чтобы мы уступили вамъ то, что уже не въ нашей власти. Обратитесь къ шведамъ, это зависитъ отъ нихъ.

Благодаря Поссевину, принято рѣшеніе, удовлетворившее обѣ стороны: было оговорено, что какія бы недоразумѣнія ни возникли между поляками и шведами, они не должны служить для русскихъ предлогомъ начать войну, а во избѣжаніе дальнѣйшихъ споровъ, было рѣшено переименовать въ мирномъ договорѣ подробно всѣ крѣпости, уступленныя русскимъ.

Но на самомъ дѣлѣ этотъ послѣдній пунктъ, относительно котораго всѣ были согласны въ принципѣ, вызвалъ нескончаемые споры, такъ какъ шведы не прекращали военныхъ дѣйствій и обѣ стороны, въ своихъ собственныхъ интересахъ, приписывали имъ разныя вымышленныя завоеванія. Дальность разстоянія не позволяла провѣрить точность получаемыхъ свѣдѣній, приходилось оспаривать другъ друга и возражать наугадъ. Впрочемъ, обѣ стороны такъ жаждали покончить

споръ какъ можно скорѣе, что для обмѣна городовъ были, наконецъ, назначены уполномоченные.

Съ рѣшеніемъ вопроса о земельныхъ уступкахъ исчезло главное препятствіе къ заключенію мира; немало способствовала этому также побѣда, одержанная въ это время Замойскимъ. Разсказы дезертировъ о печальномъ состояніи польскаго войска придали смѣлость псковитянамъ; они начали дѣлать вылазки и подходили довольно близко къ непріятельскому лагерю. Осаждающіе, желая обмануть ихъ, долго не оказывали никакого сопротивленія, но 26-го декабря (4-го января), воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ, они отбили смѣлыхъ псковитянъ и взяли въ плѣнъ триста человѣкъ. Извѣстіе объ этой побѣдѣ поляковъ имѣло самое благопріятное вліяніе на ходъ переговоровъ.

Нельзя не упомянуть и объ одномъ фактѣ, не столь славномъ для поляковъ. Нѣкто Остромецкій изобрѣлъ что-то въ родѣ адской машины: это была коробка, наполненная порохомъ и какимъ-то веществомъ, которое взрывалось при малѣйшей попыткѣ открыть коробку, причиняя смерть тому, кто вздумалъ бы открыть ее. Изобрѣтатель снаряда предложилъ пронести его въ осажденный городъ, чтобы произвести взрывъ. Лица, командовавшія польской арміей, одобрили эту мысль, находя подобную хитрость вполнѣ позволительной и даже законной, а Замойскій, хотя въ душѣ и не одобрялъ этого, но, будучи раздраженъ противъ псковитянъ за то, что они стрѣляли въ парламентеровъ, промолчалъ. Снарядъ былъ отвезенъ въ Псковъ однимъ плѣннымъ. Поляки полагали, что вымышленная исторія, которую онъ долженъ былъ разсказать, побудитъ русскихъ вскрыть коробку, и что при этомъ, быть можетъ, поплатится жизнью самъ Шуйскій, который былъ душою обороны.

Поляки съ тревогою слѣдили за происходившимъ съ высоты своихъ батарей. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ надъ той частью города, гдѣ помѣщались бояре, показался дымокъ, и взвилось пламя.

Послѣ этого, по приказанію Шуйскаго, въ польскій лагерь было брошено письмо, въ которомъ онъ жестоко укорялъ поляковъ за этотъ поступокъ. Въ отвѣтъ на это, Замойскій послалъ ему вызовъ на поединокъ, который, разумѣется, не былъ принятъ.

Между тѣмъ, какъ подъ Псковомъ все еще лилась кровь и гибли жертвы, въ Киверовой Горѣ, подъ новый 1582 годъ русскіе уполномоченные заявили Поссевину о новомъ желаніи своего царя быть названнымъ въ договорной граматѣ царемъ Казанскимъ и Астраханскимъ, государемъ Смоленскимъ и Лифляндскимъ. При этомъ они заявили торжественно, что римскіе императоры Аркадій и Гонорій дали еще великому князю Владиміру императорскій титулъ, который

былъ признанъ папами, а потому и Іоаннъ хотѣлъ сохранить его. Тщетно пытался Поссевинъ, хорошо знавшій исторію, возразить на это, что сыновья Ѳеодосія Великаго жили приблизительно за пятьсотъ лѣтъ до Владиміра, но это не смутило русскихъ дипломатовъ, которые утверждали, что въ десятомъ вѣкѣ жили два другіе императора того же названія.

Впрочемъ, относительно вопроса о титулѣ, уполномоченнымъ была предоставлена полная свобода. Предвидя отказъ со стороны поляковъ, Іоаннъ рѣшилъ быть философомъ: «Мои титулы,—писалъ онъ въ наказѣ полномоченнымъ,—дарованы мнѣ Богомъ и унаслѣдованы мною отъ предковъ, я пользуюсь властью издавна, пусть меня зовутъ, какъ хотятъ, я останусь тѣмъ же».

Но уполномоченные, желая угодить царю, хотѣли настоять на своемъ и угрожали прервать переговоры, если царскіе титулы не будутъ упомянуты въ договорѣ. Поляки негодовали.

— Никогда гордые сыны республики не склонятъ главу передъ московскимъ царемъ,—говорили они,—и никогда не назовутъ Іоанна царемъ Казанскимъ и Астраханскимъ,

Тогда московскіе послы попытались, съ своей обычной беззастѣнчивостью, доказать полякамъ, что и предшественникъ Баторія, Сигизмундъ II, давалъ Іоанну царскій титулъ, и ссылались въ доказательство на акты, которые они будто бы по разсѣянности позабыли захватить. Но на этотъ разъ ихъ смѣлость не послужила ни къ чему: поляки выложили передъ ними цѣлое собраніе договоровъ, заключенныхъ между Москвою и Польшею, въ которыхъ не было ничего подобнаго. Однако русскіе не сдавались, и на слѣдующій день, 30-го декабря (8-го января), вопросъ о царскомъ титулѣ возбудилъ снова горячій споръ. Наконецъ, чтобы какъ-нибудь покончить дѣло, было рѣшено, что русскіе перечислятъ въ своей договорной граматѣ всѣ титулы царя, которые въ польской граматѣ упомянуты не будутъ.

Побѣда, одержанная русскими уполномоченными, походила скорѣе на пораженіе, но имъ представился на слѣдующій же день случай отплатить за это полякамъ. Во время переговоровъ неоднократно упоминалось имя папы, и поляки, желая придать его посредничеству особое значеніе, хотѣли, чтобы Поссевинъ также подписалъ договорную грамату, въ которой было бы оговорено, что всѣ совѣщанія происходили въ его присутствіи и при его личномъ участіи. Русскіе возстали противъ этого, ссылаясь на то, что въ ихъ наказѣ ничего подобнаго не говорилось.

Поссевинъ очень скоро рѣшилъ этотъ вопросъ, отказавшись отъ подписи договора.

Казалось, всѣ препятствія были, наконецъ, устранены, но уполномоченные Іоанна создали новое затрудненіе, заявивъ желаніе, чтобы въ

договорѣ было сказано, что Іоаннъ уступаетъ Баторію Курляндію и Ригу. По ихъ словамъ, это не означало, что Курляндія когда-либо принадлежала Московскому государству; но тотъ фактъ, что царь уступалъ ее Баторію, могъ, въ случаѣ надобности, послужить доказательствомъ его правъ на владѣніе этой землею... Чувствуя ловушку, поляки упорно не соглашались на это. Ихъ поддерживалъ Поссевинъ, неудовольствіе котораго противъ русскихъ еще болѣе усилилось, когда онъ узналъ, что они упоминали о немъ въ договорѣ, какъ о послѣ папы Григорія XIII. Услыхавъ это выраженіе, Поссевинъ закричалъ съ сердцемъ:

— Государь вашъ называетъ папу, какъ простаго попа, а цесарь и всѣ государи христіанскіе пишутъ папу намѣстникомъ Христа и учителемъ всего христіанства.

Русскіе возразили на это, что папскій титулъ кажется имъ слишкомъ напыщеннымъ.

Подмѣтивъ неудовольствіе, возникшее между Поссевинымъ и русскими, польскіе уполномоченные, очень обрадовались и писали Замойскому:

«Самъ Богъ возстановилъ Поссевина противъ русскихъ, текстъ договора служитъ для нихъ яблокомъ раздора».

Дѣйствительно, папскій посолъ былъ чрезвычайно озлобленъ и укорялъ русскихъ за ихъ упорство.

— Вы оскорбляете папу и его посланнаго,—говорилъ онъ,—вы хотите отдать Баторію то, что принадлежитъ ему, а не вамъ; оставьте свои хитрости, бросьте всѣ эти глупости.

Эти упреки кончились болѣе или менѣе бурными сценами.

2-го (11-го) января, во время засѣданія, Поссевинъ окончательно потерялъ терпѣніе и закричалъ:

— Вы не хотите слушать меня, вы кругомъ виноваты, я не буду болѣе хлопотать о васъ.

Сказавъ это, онъ всталъ и ушелъ.

Поляки были также въ страшномъ гнѣвѣ и собрались уходить говоря:

— Это послѣднее засѣданіе, вотъ уже двадцатый разъ, какъ мы собираемся и не можемъ ничего рѣшить, мы не станемъ болѣе совѣщаться.

Въ это время вернулся въ избу Поссевинъ (засѣданія происходили, какъ извѣстно, у него) и осыпалъ русскихъ бранью.

— Вы пришли сюда воровать, а не посольствовать!—кричалъ онъ.

Увидавъ у Алферьева въ рукахъ черновикъ договора, онъ выхватилъ его и кинулъ за двери, а самого Алферьева схватилъ за воротъ, сталъ трясти его, оборвалъ пуговицы его кафтана и вытолкалъ самого за дверь вмѣстѣ съ его товарищами, крича, что было мочи:

— Убирайтесь отъ меня изъ избы вонъ, я съ вами не стану ничего говорить.

Русскіе, по ихъ словамъ, «кроткіе какъ агнцы», вышли, пробормотавъ нѣсколько словъ въ свое оправданіе и ссылаясь на наказъ. Они не успѣли еще успокоиться, какъ къ нимъ явился посланный отъ поляковъ съ увѣдомленіемъ, что переговоры кончились, чтобы они собирались домой.

«Видя, что поляки хотятъ прекратить переговоры,—писалъ князь Елецкій въ своемъ донесеніи царю,—и что Поссевинъ явно держитъ ихъ сторону, доведенные до крайности, мы должны были согласиться на ихъ требованія».

Оставалось выяснить лишь нѣкоторыя второстепенныя подробности и, между прочимъ, вопросъ о плѣнныхъ.

У поляковъ было много плѣнныхъ, и, разумѣется, они хотѣли этимъ воспользоваться; русскіе же, у которыхъ было несравненно меньше, только и твердили, что «грѣхъ торговать человѣческой кровью».

Уполномоченнымъ такъ и не удалось столковаться объ этомъ. Зато когда русскіе потребовали, чтобы имъ было позволено увезти изъ Ливоніи ихъ владыку и церковную утварь, то Поссевинъ сразу на это согласился, очень довольный тѣмъ, что Ливонія отдѣлается такимъ образомъ отъ ереси и ея представителей.

Теперь, казалось бы, оставалось только подписать договоръ. Замойскій настоятельно просилъ уполномоченныхъ поспѣшить съ этимъ. 4-го (13-го) января онъ писалъ имъ, шутя, что въ честь ихъ уже зарѣзана индѣйка—намекъ на пиршества, которыми должно было ознаменоваться заключеніе мира. По странному совпаденію, въ тотъ самый день въ Кивировой Горѣ случилось одно маленькое обстоятельство, едва не испортившее снова всего дѣла. Поводомъ къ этому послужила опять-таки Ливонія. Уже было рѣшено окончательно, что она переходитъ къ Баторію. Іоаннъ отказался даже отъ титула царя Лифляндскаго, слѣдовательно, уступка была полная и, казалось бы, не могла вызвать никакихъ недоразумѣній, какъ вдругъ, въ послѣдній моментъ, князь Елецкій сдѣлалъ попытку включить въ мирный договоръ оговорку, что означенная земля все-таки остается вотчиною Ивана Васильевича [1]). Услыхавъ это, поляки заявили, что ихъ просто-на-просто обманываютъ, и уѣхали въ Ямъ-Запольскій. Когда, по настоятельной просьбѣ русскихъ уполномоченныхъ, они пріѣхали еще разъ въ Киверову Гору, то между ними снова произошла крупная ссора, и этотъ разъ поляки уѣхали, поклявшись, что они никогда болѣе не вернутся.

---

[1]) Еще въ Старицѣ, изъясняя Поссевину свои права на Ливонію, Іоаннъ говорилъ, что Ливонія была его прикладною вотчиною точно такъ же, какъ у Стефана короля Пруссіи: «пишется онъ Прусскимъ, а въ Пруссіи свой князь», говорилъ царь.

Достаточно было одного слова, пустой формальности, чтобы между уполномоченными произошла ссора. Поссевинъ тщетно выбивался изъ силъ, чтобы примирить ихъ; но ему удалось, наконецъ, убѣдить князя Елецкаго въ томъ, что Ливонія никогда, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ названа вотчиною Іоанна, и что настаивать на этомъ значитъ отказаться отъ всякой надежды на заключеніе мира. Убѣдясь въ томъ, что это говорилось серьезно, русскіе отказались отъ своего требованія.

Въ тотъ же день, 6-го (15-го), января произошелъ обмѣнъ договорныхъ граматъ. Послѣднія формальности были обставлены весьма торжественно. Всѣ уполномоченные собрались передъ походнымъ алтаремъ, воздвигнутымъ въ избѣ Поссевина. Когда была прочитана договорная грамата, сдѣланы надлежащія подписи и приложены печати, русскіе поцѣловали крестъ, данный имъ, по повелѣнію царя, владыкою новгородскимъ. Поляки послѣдовали ихъ примѣру, поцѣловавъ распятіе и такимъ образомъ окончились эти томительные переговоры, и десятилѣтнее перемиріе было, наконецъ, заключено.

Въ лагерѣ подъ Псковомъ это извѣстіе произвело живѣйшій восторгъ. Всѣ знали, что польское войско, не имѣя съѣстныхъ припасовъ, не могло продержаться подъ Псковомъ долѣе восьми дней; пришлось бы снять осаду и итти въ другое мѣсто, чтобы запастись провіантомъ. Единственнымъ средствомъ избѣжать этого позора было какъ можно скорѣе заключить перемиріе.

Чрезмѣрное утомленіе, скудная пища, суровая погода до такой степени истощили солдатъ, что въ войскѣ развились эпидеміи, чуть не въ каждой палаткѣ былъ больной, почти у каждаго солдата были отморожены руки или ноги. Это сильно повліяло на духъ арміи, дисциплина упала, началось дезертирство, солдаты то и дѣло грозили покинуть ряды и разойтись по домамъ; начались ссоры и драки; Замойскій все это зналъ и поэтому былъ несказанно радъ перемирію.

Судя по радости, выказанной по этому поводу поляками, можно было думать, что заключеніе перемирія вызоветъ совсѣмъ иныя чувства въ русскихъ. Но напротивъ, какъ только договоръ былъ подписанъ, русскіе уполномоченные не стѣсняясь стали выказывать свое удовольствіе и свою радость, ибо имъ удалось не только добиться главнѣйшихъ уступокъ, на которыхъ настаивалъ царь, но даже нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктовъ. Послѣ долгой боязни за участь, которая ихъ ожидала по возвращеніи въ Москву, Елецкій и его товарищи успокоились на счетъ того, что у нихъ уцѣлѣетъ голова на плечахъ.

Письмо, которое они получили въ это время отъ царя, еще болѣе обнадежило ихъ. Не зная еще о заключеніи перемирія, Іоаннъ послалъ уполномоченнымъ дополнительныя инструкціи, которыя были написаны въ самомъ миролюбивомъ духѣ. Не смотря на довольно успокоитель-

ныя вѣсти, привезенныя изъ Пскова гонцомъ Болтинымъ, въ Кремлѣ, точно такъ же, какъ и польскомъ лагерѣ, преобладало желаніе ускорить заключеніе мира.

Но нигдѣ радость, вызванная этимъ событіемъ, не была такъ велика, какъ въ осажденномъ городѣ, для котораго насталъ конецъ его тяжкихъ испытаній. Не памятуя зла и гордясь по справедливости своей побѣдой, псковитяне привѣтствовали съ высоты своихъ неприступныхъ стѣнъ польскую армію, которая уходила на родину, неся передъ собою развѣвающіяся знамена.

Поссевинъ раздѣлялъ всеобщую радость, но по другой причинѣ. Его радовала мысль, что все совершилось благодаря авторитету папы и его именемъ; это было запечатлѣно въ договорныхъ граматахъ, которыя будутъ свидѣтельствовать объ этомъ потомству. Въ этомъ и заключалась, въ сущности, та цѣль, къ которой онъ стремился, принимая на себя роль посредника. Заключить миръ благодаря авторитету папы—такова была его мечта, она вдохновляла его и руководила всѣми его дѣйствіями. Сочувствуя болѣе Баторію, католику, дѣло котораго было, по его мнѣнію, правое, Поссевинъ ревностно заботился объ его интересахъ, но при этомъ никогда не терялъ изъ вида своей главной и единственной цѣли—добиться заключенія мира. Поэтому какъ только онъ видѣлъ, что русскіе рѣшительно настаивали на какомъ-нибудь требованіи и не намѣревались уступать, онъ тотчасъ уговаривалъ поляковъ уступить и вырывалъ у нихъ уступки, можно сказать, силою.

Не особенно дальновидный въ своихъ личныхъ дѣлахъ, Поссевинъ не подозрѣвалъ враждебнаго къ нему отношенія Замойскаго и, что еще удивительнѣе, не смотря на свои довольно непріязненныя отношенія къ Елецкому, онъ разсчитывалъ на благосклонный пріемъ въ Кремлѣ, куда, по уговору съ царемъ, онъ долженъ былъ отправиться тотчасъ по заключеніи перемирія для того, чтобы продолжать переговоры, начатые въ Старицѣ.

14-го (23-го) января Поссевинъ отправился по санному пути въ Москву.

VI.

Впечатлѣнія, вынесенныя Поссевинымъ о Московскомъ государствѣ.—Невѣжество русскихъ.—Сношенія съ Римомъ.—Планы Поссевина.—Пріѣздъ въ Москву.—Аудіенція у царя.—Споръ о вѣрѣ.—Рѣчь Поссевина.—Гнѣвъ Іоанна.—Обвиненія противъ папы.—Вторичныя пренія царя съ Поссевинымъ.—Письмо царя къ монахамъ.—Предложеніе осмотрѣть церкви.—Отказъ Поссевина.—Совѣщаніе съ боярами.—Прощальная аудіенція.—Отъѣздъ въ Ригу.

Въ нѣсколько недѣль, проведенныхъ Поссевинымъ въ Московскомъ государствѣ до его поѣздки въ польскій лагерь, онъ успѣлъ составить

себѣ довольно вѣрное представленіе о таинственной сѣверной державѣ, которую въ то время весьма мало знали въ Европѣ, и выработать извѣстную программу дѣйствій съ цѣлью сблизить Москву съ Римомъ и создать связь между католическимъ и православнымъ міромъ.

Его особенно поразила личность самого царя, главы государства и церкви, который являлся какъ бы воплощеніемъ всѣхъ умственныхъ и духовныхъ силъ страны. Іоаннъ, одежда котораго походила на стихарь, а корона напоминала собою митру, который появлялся съ посохомъ въ рукахъ вмѣсто скипетра, усердно крестился передъ образами, которыми онъ любилъ окружать себя, произвелъ на Поссевина своею внѣшностью впечатлѣніе епископа, случайно возсѣвшаго на престолъ.

Характеризуя, въ составленной имъ запискѣ о Московіи, ея умственную и религіозную жизнь и систему правленія, Поссевинъ изумлялся раболѣпству русскихъ, которые безропотно подчинялись волѣ царя и для которыхъ на свѣтѣ не существовало ничего выше его желаній. Предъ царемъ, полновластнымъ главою государства и церкви, все должно было склоняться, тотъ, кто хотѣлъ сохранить свою независимость, долженъ былъ оставить Москву. Первый примѣръ тому подалъ извѣстный Курбскій; вокругъ престола были только безмолвные исполнители царской воли. Царь былъ для народа источникомъ знанія, милости, олицетвореніемъ закона, считался умнѣе и образованнѣе всѣхъ, располагалъ по своему усмотрѣнію имуществомъ и жизнью своихъ подданныхъ; все, что онъ дѣлалъ, считалось правильнымъ; его царская воля была для всѣхъ закономъ.

Народъ былъ невѣжественъ, училищъ и школъ не существовало, во всемъ Московскомъ государствѣ была только одна ничтожная типографія, которая вполнѣ удовлетворяла личнымъ надобностямъ царя. Новымъ идеямъ, которыя могли бы проникнуть въ святую Русь съ Запада, были поставлены непреодолимыя преграды. Даже религія не имѣла просвѣтительнаго вліянія на народъ, который болѣе придерживался внѣшнихъ обрядовъ, не проникаясь духомъ христіанскаго ученія. Никто не старался разъяснить ему истинъ христіанской вѣры; нравственныя правила замѣнялись предразсудками и суевѣріемъ; несчастному мужику предоставлялось въ Московскомъ государствѣ только работать и страдать; о томъ, чтобы поднять его нравственно и умственно, никто не заботился.

Совокупность всѣхъ этихъ условій не могла подать большихъ надеждъ человѣку, пріѣхавшему съ Запада, тѣмъ болѣе, что русскіе относились съ явной враждебностью къ католикамъ, которыхъ они знали только по имени и смѣшивали съ еретиками. Что касалось царей, то Поссевинъ былъ убѣжденъ, что, поддерживая сношенія съ Римомъ, они имѣли въ виду единственно матеріальныя выгоды и нисколько не заботи-

лись о единеніи церквей; таковъ былъ характеръ отношеній Василія III къ Льву X и Клементію VII; Іоаннъ IV шелъ въ этомъ случаѣ по стопамъ отца.

Папскій посолъ не падалъ однако духомъ: онъ находилъ, что способъ, избранный папами для сближенія съ Москвою, былъ не вполнѣ удаченъ и что, дѣйствуя инымъ путемъ, можно будетъ достигнуть со временемъ многаго. До тѣхъ поръ, папы посылали въ Москву время отъ времени своихъ пословъ или сносились съ нею письменно, но никогда еще не дѣлали попытки оказать на умы православныхъ сколько-нибудь серьезнаго и прочнаго воздѣйствія.

По мнѣнію Поссевина, связывающимъ звеномъ между православнымъ и католическимъ міромъ могли служить жители тѣхъ русскихъ областей, которыя перешли подъ владычество Польши; родственное москвитянамъ по крови, населеніе этихъ земель, исповѣдывавшее съ ними одну вѣру, говорившее на одномъ языкѣ, могло быть со временемъ проводникомъ католичества въ Россіи, если бы среди него удалось насадить католическую вѣру.

Поссевинъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять, что его цѣль не могла быть достигнута однимъ появленіемъ въ Кремлѣ, на короткое время, папскаго нунція или италіанскаго посла, мало знакомаго съ славянскимъ міромъ и спѣшившаго возвратиться на родину. Для этого было необходимо распространять книги, подготовить людей, которые могли бы выполнить его программу, надобно было дѣйствовать на умы чрезъ духовенство. Съ этой цѣлью Поссевинъ находилъ желательнымъ послать изъ Москвы въ Ольмюцъ или Прагу нѣсколько человѣкъ русскихъ, которые выразили бы желаніе учиться и основать для русскихъ подданныхъ короля польскаго духовную семинарію въ Вильно или въ Полоцкѣ, откуда лучшіе ученики посылались бы для усовершенствованія въ Римъ; кромѣ того, онъ мечталъ объ основаніи типографіи для печатанія славянскихъ книгъ и хотѣлъ добиться для католическихъ священниковъ разрѣшенія пріѣхать въ Москву вмѣстѣ съ венеціанскими и римскими купцами.

Таковы были мысли, занимавшія папскаго посла, когда онъ подъѣзжалъ къ Москвѣ.

Въ то время, она едва-ли заслуживала названіе Бѣлокаменной и производила на иностранца скорѣе впечатлѣніе огромной деревни, среди которой скрывался маленькій городокъ. Дома бояръ, окруженные обширными огородами, терялись въ длинныхъ и пустынныхъ улицахъ. Все оживленіе и вся жизнь сосредоточивались въ торговомъ кварталѣ, гдѣ драгоцѣнные азіатскіе товары были нагромождены въ самыхъ невзрачныхъ на видъ и жалкихъ лавченкахъ. Немногіе каменные дома находились въ Кремлѣ, гдѣ въ концѣ пятнадцатаго вѣка было соору-

жено нѣсколько прекрасныхъ зданій италіанскими мастерами, выписанными для этой цѣли въ Москву.

Пріѣхавъ 5-го (14-го) февраля 1582 г., Поссевинъ остановился въ Китай-городѣ и прежде всего поспѣшилъ повидаться съ о. Дренацкимъ, который былъ имъ оставленъ въ Москвѣ. Продолжительное пребываніе Дренацкаго среди русскихъ не оправдало ожиданій папскаго посла. Ему не только не удалось войти въ сношеніе съ мѣстными жителями, сдѣлать какія-либо наблюденія и распространить свои идеи, но его держали все время въ совершенномъ одиночествѣ и даже пристава едва рѣшались сказать съ нимъ нѣсколько словъ. Іоаннъ смотрѣлъ на него какъ на заложника и сообразно съ этимъ обращался съ нимъ. Къ Поссевину въ Москвѣ отнеслись совершенно иначе. По смыслу возложеннаго на него порученія, ему часто приходилось имѣть дѣло съ боярами и съ самимъ царемъ; впрочемъ, не смотря на это къ нему также старались никого не допускать, въ особенности изъ иностранцевъ, бывшихъ въ то время въ Москвѣ.

Черезъ день по пріѣздѣ, 7-го (16-го) февраля, Поссевинъ получилъ аудіенцію у царя; Іоаннъ принялъ его ласково, далъ ему поцѣловать руку; послѣ чего онъ былъ приглашенъ отобѣдать въ Кремлѣ. На слѣдующій день бояре подали іезуиту пространную записку о войнѣ съ Польшей. Поссевинъ, въ свою очередь, представилъ имъ записку, состоявшую изъ шестнадцати пунктовъ, на которую онъ получилъ отвѣтъ черезъ три дня.

Вторичный пріѣздъ папскаго посла ко двору Іоанна имѣлъ троякую цѣль: во-первыхъ, онъ долженъ былъ дать царю объясненія по поводу заключеннаго перемирія; во-вторыхъ, долженъ былъ обсудить съ нимъ основы союза европейскихъ державъ противъ Турціи и, наконецъ, вызвать обмѣнъ мыслей по вопросамъ религіи и подготовить сближеніе Москвы съ папскимъ престоломъ.

Хотя царь въ общемъ былъ доволенъ заключеннымъ перемиріемъ, но выполненіе нѣкоторыхъ его статей подало съ той и съ другой стороны поводъ къ безконечнымъ спорамъ. Въ Москвѣ іезуита ожидало письмо отъ Замойскаго, въ которомъ онъ сильно жаловался на русскихъ по поводу обмѣна крѣпостей, который не былъ произведенъ ни въ установленный срокъ, ни съ соблюденіемъ назначенныхъ условій. На жалобы Замойскаго Іоаннъ отвѣчалъ жалобами на поляковъ. Поссевинъ, вѣрный принятой имъ на себя роли посредника, старался примирить обѣ стороны и добился того, что царь строго приказалъ соблюдать въ точности всѣ статьи договора и, во избѣжаніе недоразумѣній, послалъ даже въ надлежащіе пункты особаго уполномоченнаго, предложивъ Замойскому сдѣлать, со своей стороны, то же.

Въ вопросѣ о плѣнныхъ, коихъ участь не была рѣшена въ Киверо-

вой Горѣ, Поссевинъ надѣялся подѣйствовать на великодушіе Іоанна и совѣтывалъ ему немедленно освободить поляковъ, не требуя за это, со своей стороны, ничего, но это не входило въ разсчетъ царя, и рѣшеніе этого вопроса пришлось снова отложить. Впрочемъ, царь согласился возвратить свободу тридцати литовскимъ купцамъ, которые были застигнуты войною въ Россіи, отпустить гонца Проворскаго, который привезъ письмо Баторія, и четырнадцать италіанскихъ и испанскихъ плѣнныхъ, которымъ удалось ускользнуть изъ рукъ турокъ и которые попали въ плѣнъ въ Москву.

Не добившись ничего относительно плѣнныхъ, Поссевинъ льстилъ себя надеждою, что ему удастся сговориться съ царемъ относительно похода противъ турокъ, но тутъ вполнѣ выказалась двоедушная политика Іоанна; какъ только перемиріе было заключено, его рвеніе угасло, всѣ его планы о походѣ противъ Турціи разсѣялись, какъ дымъ, онъ не думалъ болѣе объ Іерусалимѣ.

Какъ только Поссевинъ заикнулся о союзѣ противъ общаго врага, бояре поспѣшили отвѣтить, что ими только-что начаты переговоры о перемиріи съ крымскимъ ханомъ. Баторій самъ вынудилъ ихъ къ этому, разсѣявъ русскія войска; это дѣло его рукъ, говорили они. Впрочемъ, царь ничего не имѣетъ противъ того, если бы поляки объявили войну татарамъ, но онъ рѣшительно отказывался принять участіе въ походѣ; что касалось турокъ, то Іоаннъ ставилъ себѣ въ заслугу, что онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи первый шагъ, поднявъ вопросъ о походѣ противъ невѣрныхъ. Папѣ оставалось войти въ сношеніе съ священной Римской имперіей, съ Франціей, Испаніей, Венеціей, Англіей, Даніей и Швеціей и обсудить вмѣстѣ съ ними условія лишь, а затѣмъ державы могли послать въ Москву своихъ пословъ, чтобы обсудить сообща окончательныя мѣры. Если же западные монархи не придутъ къ соглашенію, то царь будетъ считать себя въ правѣ дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію.

Отказываясь принять участіе въ походѣ, Іоаннъ все-таки желалъ сохранить дружественныя сношенія съ Западомъ, поэтому, по совѣту Поссевина, согласился послать въ Римъ своего посла, подтвердивъ свое обѣщаніе дать охранныя граматы папскимъ посламъ, которые будутъ посланы въ Россію, венеціанскимъ купцамъ и ихъ священникамъ, подъ условіемъ, что они откажутся отъ религіозной пропаганды и отъ сооруженія въ Москвѣ своей церкви.

Когда Поссевинъ высказалъ царю свою завѣтную мысль, чтобы изъ Москвы было послано въ Римъ нѣсколько молодыхъ людей для воспитанія ихъ, какъ онъ выразился, «въ правилахъ древней греческой вѣры», которые впослѣдствіи съ успѣхомъ могли бы замѣнить переводчиковъ, кои не всегда справлялись какъ слѣдуетъ со своими обязанно-

стями, то царь отвѣчалъ на это добродушно, что онъ прикажетъ поискать пригодныхъ для этого дѣтей и «когда таковыя найдутся», онъ пошлетъ ихъ въ Римъ. Нельзя было высказать отказъ въ болѣе вѣжливой формѣ.

Поссевину хотѣлось приступить какъ можно скорѣе къ обсужденію догматическихъ вопросовъ, что было обѣщано ему царемъ еще въ Старицѣ. Іоаннъ любилъ бесѣдовать о вѣрѣ, былъ довольно начитанъ въ Священномъ Писаніи и, благодаря этому и своимъ постояннымъ сношеніямъ съ чернецами, имѣлъ довольно обширныя, хотя нѣсколько смутныя и не особенно точныя свѣдѣнія по части религіи и исторіи; онъ любилъ пересыпать свой разговоръ текстами изъ Священнаго Писанія и вообще былъ охотникъ до споровъ, но этотъ разъ боясь чѣмъ-нибудь задѣть своего противника, царь довольно долго уклонялся отъ обѣщаннаго спора и, только по настоятельной просьбѣ Поссевина, назначилъ, наконецъ, для этого день 12-го (21-го) февраля.

Между тѣмъ англійскіе купцы, недовольные пропагандою католиковъ, поспѣшили тайно подать царю записку, въ которой сравнивали Римъ съ Вавилономъ, а папу—съ антихристомъ. Узнавъ объ этомъ, Поссевинъ представилъ, со своей стороны, Іоанну записку, въ которой опровергалъ ихъ доводы и восхвалялъ папу, но во время своего спора съ царемъ онъ могъ убѣдиться, что записка англичанъ произвела на Іоанна сильное впечатлѣніе, чѣмъ одинъ приближенный къ нему врачъ анабаптистъ съумѣлъ ловко воспользоваться, чтобы очернить въ его умѣ католиковъ.

Въ назначенный день, 12-го (21-го) февраля, залъ засѣданія наполнился боярами, которые, по желанію царя, должны были присутствовать при его спорѣ съ іезуитомъ.

Іоаннъ заговорилъ первый и заявилъ, что, въ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, онъ не намѣренъ перемѣнять вѣру своихъ отцовъ, исповѣдуемую имъ съ малыхъ лѣтъ, но что онъ признаетъ законнымъ желаніе папскаго нунція высказаться въ защиту своей вѣры и поэтому предоставлялъ ему право говорить.

Получивъ такимъ образомъ возможность высказать свои мысли въ присутствіи царя и бояръ, въ столицѣ православной державы, Поссевинъ торжествовалъ.

— Греческая церковь,—сказалъ онъ,—связана съ римской церковью неразрывными узами, слѣдовательно, русскимъ не пришлось бы порвать съ древней и всѣми уважаемой Византіей, напротивъ того, папа желаетъ, чтобы они не порывали связи съ древними традиціями Востока, имъ пришлось бы только отказаться отъ позднѣйшихъ нововведеній и искаженій.

Перейдя затѣмъ къ политической сторонѣ вопроса, Поссевинъ дока-

зывалъ, что единство вѣры есть лучшая гарантія союза противъ турокъ, первый шагъ къ созданію на Востокѣ христіанской державы, во главѣ которой могъ бы стоять царь. Развивая свою мысль, Поссевинъ упомянулъ о Флорентійскомъ соборѣ, который былъ созванъ по собственному желанію царя, и о призывѣ къ походу противъ турокъ.

Отвѣтъ царя на его блестящую рѣчь очень удивилъ Поссевина. Обойдя молчаніемъ всѣ щекотливые вопросы, Іоаннъ заявилъ рѣшительно, что его вѣра не есть греческая вѣра, что онъ исповѣдуетъ Христову вѣру и что ему нѣтъ дѣла до Византіи.

— Греческая вѣра называется такъ,—сказалъ онъ,—потому, что пророкъ Давидъ предсказалъ, задолго до Рождества Христова, что Эѳіопія будетъ первою страною, которой коснется Божественная благодать; а Эѳіопія есть Византія; Византія была первою христіанскою державою. Мы же исповѣдуемъ истинную христіанскую вѣру, которая во многомъ не согласуется съ римской вѣрой.

Относительно будущихъ завоеваній, коими Поссевинъ хотѣлъ прельстить царя, Іоаннъ возразилъ скромно, что онъ не помышлялъ о расширеніи своихъ владѣній, обширность которыхъ зависитъ только отъ Бога.

Когда былъ затронутъ вопросъ о главенствѣ папы, что̀ составляло самый спорный пунктъ восточной и западной церквей, то Іоаннъ не отрицалъ того факта, что папы, жившіе въ первые вѣка христіанства, почитались православной церковью святыми. Онъ даже упомянулъ о Климентѣ, Сильвестрѣ, Агаѳонѣ, Вигиліи, Львѣ и Григоріи. Но говорилъ, что ихъ преемники утратили свое достоинство, вслѣдствіе своего предосудительнаго поведенія.

— Папы то же самое, что цари,—сказалъ на это Поссевинъ;—права и преимущества царскаго сана остаются неизмѣнны, какъ бы недостойны ни были цари, носящіе этотъ титулъ.

Дѣлая это сравненіе, которое напрашивалось само собою, Поссевинъ, конечно, не хотѣлъ сказать царю ничего обиднаго, но Іоаннъ воспользовался случаемъ, чтобы поразить присутствующихъ своимъ властнымъ словомъ. Его лицо вдругъ омрачилось; приподнявшись на своемъ тронѣ и устремивъ на Поссевина зловѣщій взоръ, онъ воскликнулъ:

— Такъ знай же, что римскій первосвятитель не пастырь духовный, а волкъ.

— Такъ почему же ты обратился къ волку?—возразилъ іезуитъ.— Ты прибѣгнулъ къ посредничеству того, кого ты самъ и твои предки всегда называли съ почтеніемъ архипастыремъ.

При этихъ словахъ Іоаннъ всталъ, на лицѣ его изобразился гнѣвъ, онъ потрясалъ со злобою своимъ посохомъ; всѣ ожидали съ трепетомъ,

что къ его ногамъ падетъ новая жертва, а онъ воскликнулъ среди наступившаго гробоваго молчанія:

— Ты вѣрно на площади отъ мужиковъ научился говорить со мною, какъ съ мужикомъ?

Поссевинъ не смутился; не потерявъ присутствія духа, онъ успокоилъ гнѣвъ царя нѣсколькими почтительными словами, напомнивъ ему, что они вели споръ во имя Христа, вполнѣ свободно.

Бесѣда продолжалась. Іоаннъ сталъ припоминать слышанное имъ отъ Шавригина, который разсказалъ ему много любопытнаго о Римѣ и папѣ; онъ видѣлъ папу, окруженнаго блестящимъ дворомъ, видѣлъ его, несомаго на плечахъ во время церковной процессіи, окруженнаго кардиналами и епископами. Разсказъ о носилкахъ, на которыхъ папа появлялся въ торжественные дни, поразилъ царя.

— Вмѣсто того, чтобы ходить пѣшкомъ, какъ простой смертный,— говорилъ онъ,—Григорій XIII велитъ носить себя на стулѣ; и онъ еще говоритъ, что онъ раздѣляетъ престолъ св. Петра! а черезъ св. Петра престолъ Христа!... Да вѣдь папа не Христосъ, его носилки не облако, а тѣ, которые ихъ носятъ, не ангельскіе лики, нѣтъ, нѣтъ, и самого святаго Петра нельзя сравнивать съ Христомъ; наставникъ апостоловъ ходилъ по землѣ босыми ногами, такъ же, какъ всѣ Его ученики.

Не придавая значенія этимъ насмѣшкамъ, Поссевинъ возразилъ, что папа не пренебрегаетъ хожденіемъ пѣшкомъ, что онъ даже ходитъ пѣшкомъ на богомолье, а его носятъ время отъ времени на плечахъ только для того, чтобы ему было удобнѣе благословлять народъ.

Шавригинъ разсказывалъ также, что у папы цѣлуютъ ногу, что у него на туфлѣ изображенъ крестъ съ распятіемъ.

— Это большая разница,—сказалъ царь;—между нашей православной и римской вѣрой. У насъ крестъ Спасителя есть знакъ побѣды надъ врагами; мы почитаемъ его по преданію и никогда не носимъ ниже пояса такъ же, какъ образа; что касается обычая римскаго папы носить крестъ на сапогѣ, то это происходитъ только отъ гордыни и противно правиламъ церкви и постановленіямъ первыхъ соборовъ.

Поссевинъ старался, какъ только могъ, опровергнуть слова царя; онъ напомнилъ ему, что во времена апостольскія существовалъ обычай цѣловать у нихъ ноги; таковой же знакъ почтенія оказывался ихъ преемникамъ, но для того, чтобы показать, что почтеніе, оказываемое человѣку, относится къ Богу, папская туфля украшается крестомъ.

— О гордости не можетъ быть и рѣчи,—сказалъ онъ;—такъ какъ папа смиренно омываетъ ноги нищимъ въ страстной четвертокъ.

Такъ какъ царь любилъ приводить тексты изъ Священнаго Писанія, то Поссевинъ, въ свою очередь, напомнилъ ему слова пророка

Исаіи, предсказавшаго величіе церкви, передъ которой склонятся народы и монархи.

На обвиненіе, высказанное Іоанномъ противъ папы, что онъ бреетъ себѣ голову и бороду, Поссевинъ отвѣчалъ торжественно, что у Григорія XIII прекрасная, длинная борода.

Іоаннъ высказалъ противъ папы еще одно обвиненіе: вмѣсто того, чтобы быть образцомъ кротости и смиренія, папа велитъ воздавать себѣ божескія почести, сказалъ онъ, и привелъ рядъ текстовъ, восхвалявшихъ добродѣтели, которымъ слѣдовали ученики Христа и которыя забыты въ Римѣ. Доводы Поссевина, какъ видно, не убѣдили царя, который былъ доволенъ случаю публично унизить папу, и былъ увѣренъ, что послѣ этого бояре не повѣрятъ тому, что Москва обязана папѣ заключеніемъ перемирія. Поссевинъ, убѣжденный въ томъ, что онъ остался побѣдителемъ, не желая оставить въ царѣ неблагопріятнаго впечатлѣнія, попросилъ, подъ конецъ аудіенціи, позволенія поцѣловать ему руку, на что Іоаннъ охотно согласился и даже дважды обнялъ Поссевина, какъ бы желая этимъ смягчить свой рѣзкій отзывъ о папѣ.

Вечеромъ къ папскому послу явились отъ царя посланные съ кушаньями и напитками, присланными ему съ царскаго стола. Вмѣстѣ съ тѣмъ Іоаннъ просилъ прислать текстъ пророчества Исаіи, о которомъ онъ упоминалъ во время бесѣды; іезуитъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы послать въ Кремль вмѣстѣ съ этимъ комментарій на сочиненія святыхъ отцовъ и пять главъ изъ сочиненій патріарха Геннадія о главенствѣ папы, въ переводѣ на русскій языкъ.

Два дня спустя послѣ этого, 14-го (23-го) февраля, Поссевинъ былъ снова приглашенъ во дворецъ. Его спутники выразили по этому поводу большія опасенія и ожидали всего худшаго; рано утромъ всѣ они пріобщились Св. Тайнъ и возложили на себя частицы святыхъ мощей. Но ихъ страхъ оказался напраснымъ. Когда Поссевинъ вошелъ, царь пригласилъ его сѣсть и въ присутствіи бояръ извинился за то, что онъ отозвался быть можетъ не достаточно почтительно о папѣ.

— Чтобы не портить добрыхъ отношеній между Москвою и Римомъ, лучше умолчать объ этомъ,—сказалъ онъ.

Затѣмъ Іоаннъ велѣлъ Поссевину продолжать начатые переговоры и къ политическимъ вопросамъ присоединился вопросъ религіозный. Бояре просили папскаго посла представить записку о различіи догматовъ православной и католической церквей, ибо въ Москвѣ, по чистосердечному ихъ признанію, не было никого, кто могъ бы понять греческій текстъ постановленій Флорентійскаго собора, присланный Іоанну папою.

Обѣщавъ составить записку черезъ нѣсколько дней, Поссевинъ послалъ царю латинскій экземпляръ сочиненія Геннадія, желая вызвать этимъ съ его стороны просьбу перевести это сочиненіе на русскій языкъ.

Тѣмъ временемъ насталъ великій постъ, и царь, по принятому обычаю, говѣлъ и провелъ всю первую недѣлю въ молитвѣ.

23-го февраля (4-го марта). Поссевинъ былъ снова приглашенъ на аудіенцію. По улицамъ, по которымъ онъ проходилъ, стояла сплошная толпа народа, во всѣхъ окнахъ были зрители, и двери Успенскаго собора были открыты настежь, какъ бы для того, чтобы можно было видѣть епископовъ и священниковъ, окружавшихъ престолъ. Изумленіе нунція достигло высшей степени, когда царь сказалъ ему:

— Мы слышали, Антоній, отъ нашихъ бояръ, что ты хочешь посѣтить наши храмы, поэтому мы хотимъ дать тебѣ знакъ нашего благоволенія и уже распорядились провести тебя въ церкви,—ты увидишь, какъ мы преклоняемся передъ Святою Троицею, какъ мы чтимъ Пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ, какъ мы почитаемъ иконы; тебѣ покажутъ образъ Пресвятой Богородицы, писанный евангелистомъ Лукою.

Но Поссевинъ не только не выразилъ желанія посѣтить православныя церкви, но твердо рѣшилъ не входить въ нихъ, ибо его присутствіе на богослуженіи могло быть истолковано, какъ безмолвное одобреніе обрядовъ православной вѣры; царь навѣрно не преминулъ бы такъ именно объяснить это.

Поэтому Поссевинъ рѣшительно отказался идти въ церковь, что̀ вызвало между нимъ и боярами довольно бурное объясненіе. Послѣ того какъ онъ подалъ составленную имъ записку о разногласіи въ обрядахъ двухъ вѣроисповѣданій, царь отдалъ тайно приказаніе вести его въ Успенскій соборъ и когда Поссевинъ вышелъ изъ дворца, то бояре окружили его, какъ бы желая проводить его, и рѣшительно направились къ церкви.

По словамъ Поссевина, какъ только онъ понялъ ихъ хитрость, онъ протѣснился сквозь толпу и направился къ себѣ; тщетно старались бояре удержать его, тщетно угрожали они ему царскимъ гнѣвомъ, ничто не помогло. Объ этомъ донесли Іоанну, который уже шелъ въ церковь; онъ остановился въ нерѣшительности, но, подумавъ немного, приказалъ сказать послу, что онъ можетъ отправиться въ зало засѣданій, если онъ не хочетъ присутствовать на богослуженіи.

Поссевинъ со своей свитой, состоявшей изъ пятнадцати человѣкъ, поспѣшилъ во дворецъ. Къ величайшему изумленію русскихъ, они преклонили колѣна передъ распятіемъ, принесеннымъ съ собою, и пропѣли благодарственную молитву.

На вопросъ русскихъ, что это означало, они отвѣчали, что они благодарятъ Бога за то, что они не попали въ разставленную имъ ловушку.

Послѣ этого совѣщанія Поссевинъ убѣдился, что всѣ вопросы, под-

лежавшіе обсужденію, истощились, и рѣшилъ, что ему лучше уѣхать до наступленія весны, чтобы не быть застигнутымъ распутицей, о чемъ онъ и заявилъ русскимъ.

2-го (11-го) марта происходила прощальная аудіенція, по окончаніи которой въ Кремлѣ состоялось пиршество въ честь папскаго посла. Царь былъ съ нимъ еще любезнѣе обыкновеннаго и подтвердилъ свое обѣщаніе, что посламъ папы и дожа будетъ оказанъ хорошій пріемъ. Поссевинъ получилъ отъ царя богатые подарки. Въ доказательство своей доброжелательности, Іоаннъ обѣщалъ ему послать въ Венецію и Римъ новаго посла, котораго Поссевинъ взялся сопровождать. Въ письмѣ къ Григорію XIII Іоаннъ выразилъ свое полнѣйшее удовольствіе по поводу посольства Поссевина.

5-го (14-го марта), простившись съ Москвою, папскій посолъ направился въ Ригу, гдѣ его поджидалъ король польскій.

В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Журнальный отдѣлъ
Московской обл. библіотеки

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1903 г.

ТОМЪ СТО ТРИНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

стран.

I. Изъ прошлаго. (Воспоминанія офицера генеральнаго штаба). Ужасные дни. П. Д. Паренсова . . . . . 95—121
II. Записки Э. И. Строгова. 131—148, 271—284, 459—476
III. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева . . . . . 149—164, 363—388
IV. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина. 285—300, 499—514
V. Изъ моихъ воспоминаній о жизни въ Варшавѣ въ 60-хъ годахъ. (По поводу записокъ Паткуль). С. фонъ-Дерфельдена . . . 329—334
VI. Князь Бисмаркъ и его «Тирасъ». П. С. Стремоухова . . . . . 357—358
VII. Изъ прошлаго. Затишье. П. Д. Паренсова. 445—457

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

I. Александръ I и его приближенные до эпохи Сперанскаго (Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова). Сообщ. И. А. Бычковъ . . . . . 5—36, 211—234
II. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Дубровина. . . . . 37—65

		стран.
III.	Послѣдствія ухаживанія на Невскомъ проспектѣ въ ноябрѣ 1829 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.	66
IV.	Разрытіе могилы кн. А. Д. Меншикова, спустя сто лѣтъ послѣ его кончины	67—72
V.	Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Н. Гутьяра.	73—93
VI.	Болѣзнь князя Г. Г. Орлова и назначеніе надъ нимъ опеки. Рескриптъ импер. Екатерины II братьямъ Орловымъ 31-го дек. 1782 г. Собщ. Д. П. Струковъ	94
VII.	Оригинальная подписка. Сообщ. Б. Адамовичъ. О считаніи оберъ-церемоніймейстера во второмъ классѣ. Высочайшее повелѣніе 16-го ноября 1827 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	122
VIII.	Характерная ошибка (по дѣлу всеподданнѣйшаго представленія намѣстника графа Берга о дополнительныхъ суммахъ вѣдомству просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ на 1865 г. Профессора Дм. В. Цвѣтаева	123—129
IX.	О сохраненіи нашивокъ нижними воинскими чинами въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	130
X.	Россія и папскій престолъ. 1580—1601 г.г. Извлеченіе В. В. Тимощукъ. 165—185, 389—410,	593—614
XI.	Просьба француза Висто 22-го марта 1829 г. именоваться Безсоновымъ. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	186
XII.	Княгиня Д. Х. Ливенъ и ея переписка съ разными лицами	187—200
XIII.	Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ. Д. Г. Анучина. (Окончаніе)	201—210
XIV.	Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома. П. Пирлинга	235—258
XV.	Николай Алексѣевичъ Полевой. Его сторонники и противники по «Московскому Телеграфу». Сообщ. Н. Д.	259—270
XVI.	Гоголь въ Оптиной пустыни. П. Матвѣева .	301—304
XVII.	Цензура въ царствованіе императора Николая I.	305—328, 571—591
XVIII.	Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ.	335—356
XIX.	Письма митрополита Филарета. Сообщ. И. А. Бычковъ.	359—362
XX.	Мелкія замѣтки объ отношеніяхъ императора Александра къ полякамъ. Сообщ. П. М. Майковъ.	411—417
XXI.	Поправка. Къ мартовской книгѣ «Русской Старины» за прошлый 1902 годъ. Влад. Раевскаго.	418
XXII.	Царство Польское послѣ вѣнскаго конгресса. Сообщ. П. М. Майковъ	419—436

СТРАН.

XXIII. Попытка къ борьбѣ съ Наполеономъ при помощи періодической печати. Сообщ. Н. Д. . . . . 437—443
XXIV. Письмо М. М. Сперанскаго—С. С. Уварову, по поводу избранія его почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. 17-го сент. 1819 г. 444
XXV. Постановленіе для перенесенія тѣла императора Павла Петровича изъ почивальни въ тронную. 1801 г. 458
XXVI. Изъ неизданныхъ стихотвореній и писемъ Н. М. Языкова. Сообщ. И. А. Бычковъ. . . . . 477—496
XXVII. Письмо В. А. Жуковскаго императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. (С.-Петербургъ, 11-го мая 1826 г.) . . . . . 497—498
XXVIII. Къ біографіи Василія Львовича Пушкина. . . 515—517
XXIX. О дозволеніи Н. М. Карамзину пользоваться рукописями, хранящимися съ монастырскихъ архивахъ. Письмо М. Муравьева—князю Александру Николаевичу Голицыну. 18-го дек. 1803 г. . . 518
XXX. Споръ губернатора съ городомъ. (Изъ провинціальныхъ нравовъ XVIII столѣтія). П. Л. Юдина. 519—528
XXXI. Изъ писемъ Н. М. Языкова къ брату его Александру Михайловичу. Сообщ. В. И. Шенрокъ. 529—539
XXXII. Взысканія за медленное исполненіе высочайшаго повелѣнія. Отношеніе статсъ-секретаря Муравьева—министру юстиціи. 10-го августа 1827 г. 540
XXXIII. Изъ жизни одного декабриста. С. Н. Браиловскаго . . . . . 541—565
XXXIV. Объявленіе князя П. Шаликова объ изданіи имъ «Московскаго Зрителя». 566
XXXV. Рѣчь В. А. Панаева на юбилейномъ обѣдѣ въ честь Д. В. Григоровича. . . . . 567—570
XXXVI. Поощреніе кораблестроенія частными лицами. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій 592

Портреты.

I. Портретъ Валеріана Александровича Панаева. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 1-ой книгѣ).

II. Портретъ Анны Евдокимовны Лабзиной. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 2-ой книгѣ).

СТРАН.

III. Портретъ Александра Ѳедоровича Лабзина. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 3-ей книгѣ).

Приложенія.

1. Воспоминанія А. Е. Лабзиной. Сообщ. Б. Моздалевскій. 1—102

Библіографическій листокъ.

1. В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь. Профессора Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ. 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ январской книги).

2. Aventino. По слѣдамъ Гоголя въ Римѣ. Съ 5 фотографическими снимками (Къ пятидесятилѣтію по кончинѣ Гоголя). Москва 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ февральской книги).

3. Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902 г.). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива Комитета Министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія Канцеляріи Комитета Министровъ Н. А. Кислинскимъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Томъ 3-й. Спб. 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ мартовской книги).

---

2) Тарифный Комитетъ, состоящій изъ представителей министерствъ: путей сообщенія и финансовъ и государственнаго контроля и 3) Департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточивается дѣлопроизводство по всѣмъ тарифнымъ дѣламъ и разработка послѣднихъ. Тѣмъ же закономъ были созданы спеціальные съѣзды представителей желѣзныхъ дорогъ для обсужденія тарифныхъ вопросовъ; они собираются по распоряженію или съ разрѣшенія министра финансовъ и подчиняются правиламъ, составляемымъ для нихъ Совѣтомъ по тарифнымъ дѣламъ.

Такимъ образомъ была создана система правительственнаго руководительства желѣзнодорожными тарифами, при чемъ во главѣ Департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ поставленъ былъ нынѣ занимающій постъ министра финансовъ, С. Ю. Витте [1]). Новыя тарифныя учрежденія принялись за дѣятельную работу по усовершенствованію, упрощенію и объединенію принятыхъ на различныхъ линіяхъ провозныхъ платъ; при этомъ было признано цѣлесообразнымъ избѣгать крутой ломки прежнихъ порядковъ, могущей вызвать потрясенія или замѣшательства въ торговопромышленной жизни страны. Работа шла въ извѣстной постепенности и примѣнительно къ нуждамъ торговли и промышленности. Прежде всего были выработаны тарифы на перевозку нашего главнаго груза—хлѣба; затѣмъ послѣдовалъ пересмотръ тарифовъ международнаго сообщенія; далѣе были установлены тарифы на перевозку главнѣйшихъ массовыхъ грузовъ (чугуна, желѣза, каменнаго угля, соли и т. п.). Въ основаніи всѣхъ вновь выработанныхъ тарифныхъ ставокъ положено начало дифференціаціи тарифовъ, т. е. принципъ постепеннаго пониженія единичной ставки съ пуда и версты при увеличеніи разстоянія пробѣга груза. Совокупностью этихъ правительственныхъ мѣропріятій былъ положенъ предѣлъ произвольнымъ дѣйствіямъ желѣзнодорожныхъ компаній, столь обычнымъ во время процвѣтанія концессіонной системы и безусловно несовмѣстнымъ ни съ видами правительства, ни съ интересами частныхъ лицъ, которыя нуждались въ услугахъ желѣзныхъ дорогъ. Этимъ путемъ правительство подготовило себѣ почву для выполненія другой части предстоявшей ему задачи по упорядоченію нашего желѣзнодорожнаго дѣла, — выкупа дорогъ въ казну.

Разсмотрѣнію отдѣльныхъ случаевъ производства выкупныхъ операцій посвящена в т о р а я глава разсматриваемой нами книги, раздѣленная на двѣ главныя части: а) выкупъ въ казну частныхъ желѣзнодорожныхъ линій до наступленія сроковъ, предусмотрѣнныхъ для производства этой операціи уставами желѣзнодорожныхъ обществъ и б) переходъ въ вѣдѣніе правительства частныхъ желѣзныхъ дорогъ, на выкупъ которыхъ казна уже имѣла формальное право. Существенная составная часть этой операціи заключалась въ обмѣнѣ акцій прекращавшихъ свое существованіе желѣзнодорожныхъ обществъ на правительственныя бумаги, выдававшіяся бывшимъ акціонерамъ въ вознагражденіе за передачу данной линіи въ завѣдываніе казны до истеченія выговореннаго своевременно обществомъ концессіоннаго срока. По свѣдѣніямъ государственнаго контроля, правительству, на основаніи заключенныхъ имъ условій съ обществами, прекратившими свое существованіе за время царствованія императора Александра III, предстояло выпустить такихъ бумагъ на общую нарицательную сумму 183.759.068 руб. метал. и 114.749.900 руб. кред.

Т р е т ь я, заключительная, глава отведена обозрѣнію казеннаго и частнаго желѣзнодорожнаго строительства за время съ 1881 по 1894 г г. Правительство, введя въ наше желѣзнодорожное дѣло новый элементъ въ видѣ обширнаго и правильно организованнаго казеннаго хозяйства, не устранило и прежняго главнаго фактора въ этомъ дѣлѣ — частной предпріимчивости, но поставило эту послѣднюю въ строго регламентированное положеніе исполнительницы правительственныхъ предначертаній.

Состояніе нашей желѣзнодорожной сѣти въ Европейской Россіи (не считая Финляндіи) представлялось къ моменту безвременной кончины Царя-Миротворца въ слѣдующемъ видѣ: всего было открыто для общаго пользованія 31.219 верстъ рельсовыхъ путей; изъ нихъ въ казенномъ управленіи состояло 16.920 в.; остальныя 14.299 в. содержались частными компаніями. Такимъ образомъ численный перевѣсъ оставался все-таки на сторонѣ казенныхъ дорогъ. Сравнительно съ числомъ желѣзнодорожныхъ путей, существовавшихъ къ началу 1881 г. (21.228 в.), наша рельсовая сѣть, за время царствованія Императора Александра Александровича, увеличилась на 9.991 в., или на 47%. Протяженіе же дорогъ, эксплоатируемыхъ казною [1]), возросло в ъ д в ѣ с т и д е в я н о с т о с е м ь р а з ъ.

Такова, въ общихъ чертахъ, дѣятельность правительства по желѣзнодорожному дѣлу въ царствованіе Императора Александра III. Приложенныя къ книгѣ двѣ карты желѣзныхъ дорогъ: въ 1881 г. и 1894 г. наглядно иллюстрируютъ итоги этой дѣятельности.

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Трудъ С. Ю. Витте «Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ», изданный въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и явившійся первымъ опытомъ систематическаго изложенія, на русскомъ языкѣ, главнѣйшихъ началъ желѣзнодорожнаго тарифнаго дѣла, упрочилъ за его авторомъ репутацію одного изъ наиболѣе выдающихся знатоковъ этого дѣла въ Россіи.

[1]) Въ 1881 г. къ этому разряду принадлежала лишь 57-ми-верстная Ливенская дорога.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Губернского Совета
Профессиональных Союзов,

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

2672-19/ку				